ПЕРЕПИСКА П. Л. ЛАВРОВА с В. Н. НИКИТИНОЙ

Публикация М. Е. Ермашевой

Вступительная статья редакции «Литературного наследства»

Основную часть обширного и далеко еще не исчерпанного публикаторами и исследователями архива Петра Лавровича Лаврова [1] составляет его переписка с деятелями русского и западноевропейского революционного движения, а также с русскими писателями, журналистами, издателями и т. д. В подавляющем большинстве здесь представлены письма корреспондентов Лаврова и в очень малом количестве его собственные письма.

Среди этих материалов своеобразное место занимает двусторонняя переписка Лаврова с В. Н. Никитиной. Будучи убежденной социалисткой, искренне сочувствуя русским революционерам 1870—1880 годов, сама Никитина не была членом партии народовольцев. Ее переписка с Лавровым охватывает время с середины 1881 г. до конца 1884 г., когда он был тесно связан с деятельностью Красного Креста Народной воли, а затем стал одним из редакторов «Вестника Народной воли», когда он вел большую конспиративную переписку с членами партии, работавшими в России. Но все эти важнейшие стороны деятельности Лаврова не нашли, естественно, отражения (если не считать нескольких глухих намеков) в его письмах к Никитиной. Ценность этой переписки состоит в другом: она представляет собой важный источник для изучения биографии Лаврова и дает возможность воскресить образ одной из замечательных русских женщин, воспитанных на идеях 1860-х годов и ставших в ряды борцов за торжество социализма.

Широко отражены здесь история изгнания Лаврова из Франции в феврале 1882 г., обстоятельства развернувшейся в связи с этим общественной кампании в защиту русского революционера, выступления в Палате депутатов представителей левых группировок, участие в этой борьбе прогрессивной парижской печати и влиятельных французских радикалов. Энергичное участие в борьбе за возвращение Лаврова принимала и Никитина. Напечатанная ею статья «Петр Лавров» была прочитана предварительно самим Лавровым и исправлена по его замечаниям. И это придает почти забытой исследователями статье значение надежного биографического источника.

В письмах к Никитиной содержатся также высказывания Лаврова по таким существенным вопросам, как отношение его к Бакунину и к проблеме насильственной революции, конфликт с русскими лавристами и его уход из редакции «Вперед», деятельность его в защиту Парижской Коммуны, работа над «Историей мысли» и многие другие.

Переписка с Никитиной дает возможность ближе узнать Лаврова как человека. Строгий к себе, очень скупой в выражении своих чувств, Лавров обычно не раскрывал своего внутреннего мира перед людьми. Но он не был холодным педантом, каким его иногда изображали. Близкий к нему в 1880—1890-е годы Н. С. Русанов писал, что он «далеко не был засушенной душой, он мог испытывать сильные чувства. Но он боялся инстинктивных поступков и против эмоций вооружался крепкой логикой и сознательно поставленным идеалом» [2]. В письмах к Никитиной Лавров был менее замкнут, чем обычно. Этому способствовала, очевидно, и самая личность его корреспондентки, преданного, заботливого друга и единомышленника, принимавшего одинаково близко к сердцу и житейские невзгоды, связанные с вынужденным переездом Лаврова в Лондон, и интересы его научной и литературно-публицистической деятельности.

Публикуемая переписка воссоздает и живой образ самой Никитиной, убежденной последовательницы социалистических идей, талантливой писательницы, завоевавшей

своими статьями во французских газетах и журналах широкое общественное признание во Франции, но оставшейся почти совсем неизвестной в России. Письма этой незаурядной женщины увлекательны по форме и чрезвычайно содержательны. Она рассказывает в них о людях, с которыми встречается, делится своими мыслями и наблюдениями над общественной жизнью Франции и ее политическими деятелями, живо интересуется вестями из России, особенно сведениями о непрекращающейся там революционной борьбе. В ее письмах мы встречаем разнообразные, часто очень тонкие высказывания о литературе, о музыке, о прочитанных ею книгах. Ее художественная натура раскрывается в живых, проникнутых тонким лиризмом рассказах о поражавшей ее красоте Пиренейских гор, о восхождениях на некоторые их вершины, о прослушанных ею музыкальных творениях Бетховена и других великих композиторов.

До настоящего времени о жизни Никитиной было известно очень немногое. Литература о ней исчерпывалась некрологом, написанным Лавровым [3], его же надгробной речью [4] и кратким биографическим очерком, автором которого был Шарль Летурно [5]. Сведения, содержащиеся в этих источниках, при всей их ценности не обладают ни полнотой, ни точностью. Произведенные редакцией «Литературного наследства» разыскания позволяют обрисовать личность Никитиной и историю ее рано оборвавшейся жизни несколько более полно и конкретно.

Варвара Николаевна *Жандр* (в замужестве Никитина) родилась 15 декабря ст. ст. 1842 г. в Кронштадте, в семье морского офицера Н. П. Жандра. Ее предки были выходцами из Франции, гугенотами, переселившимися в конце XVII в. в Россию,— они бежали от новой волны религиозных гонений, последовавших после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта. Жандры принадлежали, очевидно, к третьему сословию — во всяком случае права потомственного дворянства на новой их родине были присвоены деду Никитиной, Павлу Андреевичу Жандру только в 1844 г. [6] Род Жандров выдвинул на протяжении XVIII — XIX вв. нескольких деятелей, оставивших след в русской истории и литературе. Семен Осипович Жандр (1738—1795) был офицером, участвовал в Семилетней войне и в первой русско-турецкой войне, начавшейся в 1768 г.; окончил жизнь в чине генерал-майора, будучи с 1766 г. Казанским обер-комендантом [7]. Старший сын его брата Андрея Осиповича, Андрей Андреевич (1789—1873), был талантливым драматургом и переводчиком, другом Грибоедова и А. И. Одоевского; в 1826 г. привлекался к следствию по делу декабристов, но был освобожден без последствий. После 1829 г. он отошел от занятий литературой и театром, много лет служил в морском ведомстве; в 1853 г. был назначен сенатором, в 1864 г. получил чин действительного тайного советника [8]. Родной дядя Никитиной, Александр Павлович (1825—1895), был морским офицером, участвовал в обороне Севастополя, был флаг-офицером при адмирале В. А. Корнилове. Им была написана книга: «Материалы для истории обороны Севастополя и биографии В. А. Корнилова» (СПб., 1859), к которой до сих пор обращаются историки как к ценному источнику. Умер он вице-адмиралом и сенатором [9].

Его родной брат Николай Павлович (1818—1895), отец Никитиной, в молодости тоже был морским офицером, служил на Черном море, в 1839 г. был переведен в Балтийский флот. В 1851 г. он вышел в отставку [10] и определился на службу по удельному ведомству, позднее перешел в Министерство государственных имуществ. Хотя он дослужился до чина действительного статского советника (в 1869 г.), служба не играла в его жизни главенствующей роли. Своим призванием он считал литературу, к занятиям которой он обратился еще в годы морской службы [11]. Н. П. Жандр не обладал сколько-нибудь крупным поэтическим дарованием и до конца жизни оставался в литературе эпигоном: он нередко пытался подражать Пушкину, но, по существу, не сумел выйти за пределы романтического направления 1830—1840-х годов [12].

Детские годы В. Н. Жандр прошли в Кронштадте и затем в Петербурге, куда переехала семья, после того как отец оставил морскую службу. В 1852 г., когда девочке было неполных десять лет, родители взяли ее с собой в заграничное путешествие — по Германии, Италии, Швейцарии [13]. После возвращения в 1853 г. в Россию Н. П. Жандр получил назначение управлять Межигорской фабрикой фаянсовых изделий (под Киевом) и поселился с семьей в Киеве.

Под влиянием матери девочка рано полюбила книги. Постоянное чтение и уроки домашних учителей развили ее ум. И когда умерла мать [14], она стала настойчиво просить у отца, чтобы он определил ее в какое-нибудь учебное заведение, где она могла бы закончить образование. Отец долго отказывался, упрекал ее в неблагодарности, но в конце концов вынужден был согласиться. В 1855 г. В. Жандр была принята в Киевский институт благородных девиц и, проучившись там три года, окончила его с золотой медалью [15]. Годы, проведенные в институте, оказались во многом решающими для развития молодого сознания: именно в это время у девушки пробудились мысли и стремления, которые определили в дальнейшем ее судьбу.

Говоря об этих годах, Летурно отмечает парадоксальный факт — результаты пребывания В. Жандр в институте оказались противоположными тому, чего желало институтское начальство. Институт, состоявший под покровительством императрицы, «взрастил девушку свободомыслящую и республиканку» (*Études*, с. V). О постановке преподавания в институте он пишет далее: «Лучшие профессора Киевского университета вели занятия в Институте благородных девиц. Они даже выходили за пределы установленной программы и позволяли себе смелость читать воспитанницам (при закрытых дверях) вещи разрушительного свойства, как-то: произведения Герцена, воспоминания Орсини и др.» (там же). Сообщение Летурно можно дополнить свидетельством Лаврова: «В Киевском институте, под влиянием того общественного пробуждения, которое совпадало в России со второй половиной пятидесятых годов, проснулась и ее мысль. Зачитываясь страницами истории, которая рассказывала бурные годы первой французской революции, она открыла мир, где люди могут жить широкою общественною жизнью, жертвуя собою и перерабатывая общественные формы» [16].

Из профессоров Киевского университета, преподававших в институте в разные годы со времени его основания (1838) и до начала 1880-х годов, можно назвать пятерых, которые были учителями или инспекторами института в те годы, когда в нем училась В. Жандр. Это были: А. И. Линниченко (русская словесность), В. Я. Яроцкий (русская словесность), Н. К. Ренненкампф (русская история), Н. Х. Бунге (география) и В. Я. Шульгин (всеобщая история) [17].

Кто же из них сыграл наибольшую роль в умственном развитии В. Жандр? Не рискуя ошибиться, мы можем назвать имя Виталия Яковлевича Шульгина (1822—1878), талантливого историка и педагога, преподававшего с 1846 г. в институте всеобщую историю, а с 1849 г. и до выхода в отставку в 1871 г. бывшего также инспектором классов. По словам биографа, «влияние его на воспитанниц не ограничивалось только сообщением им положенных по программе сведений и преподаванием в тесном смысле: нравственное его влияние было еще значительнее» [18]. Образ Шульгина как лектора выразительно обрисован в воспоминаниях А. В. Романовича-Славатинского [19]: «В своих лекциях по всеобщей истории он умел в изящной форме, в отчеканенной рельефной фразе художественно воссоздавать исторических деятелей и драматизм исторических событий ⟨...⟩ В его лекциях перед очарованным взором слушателей проходили со всеми своими индивидуальными особенностями великие исторические фигуры Гуса, Лютера, Кальвина, Кромвеля, Робеспьера, Наполеона I и др., и во всем своем драматизме развивались и совершались такие мировые события, как ренессанс, реформация, английская и французская революции, конституционно-либеральное движение Западной Европы первой четверти 19 века, параллельно с реакцией. ⟨...⟩ Шульгин обладал удивительной силой владеть своей аудиторией: аудитория сливалась с лектором, переживая вместе с ним изображаемую им историческую эпоху, вместе с ним страдала страданием изображаемых им исторических героев и радовалась их радостям» [20]. Такими же были, несомненно, и лекции Шульгина в институте, где, по свидетельству его биографа, он «сделался любимейшим преподавателем институток» [21].

Влияние одного, хотя и выдающегося педагога не могло, конечно, оказать решающего воздействия на формирующееся сознание. Как правильно отметил в приведенной выше цитате Лавров, главную роль в развитии В. Жандр сыграло «общественное пробуждение», та могучая волна революционного подъема, которая определила основное содержание эпохи, вошедшей в историю под названием «шестидесятые годы».

После окончания института В. Жандр провела два года в доме отца. Здесь насту-

пило неизбежное столкновение ее с отцом, стремившимся вернуть девушку к подчинению общепринятым взглядам, которыми жила дворянско-чиновничья среда. Обострению конфликта немало способствовала и «молодая мачеха, полька, ревностная католичка», как ее характеризует (очевидно, по рассказам самой Никитиной) Летурно (*Études*, с. VI). В этой нелегкой семейной обстановке В. Жандр «с мягким упрямством стояла на своем» (там же).

Выход из создавшегося трудного положения В. Жандр нашла в замужестве: в 1860 г. [22] она стала женой гвардейского подполковника Никитина, вдовца, имевшего двух взрослых дочерей. Об этом шаге она говорила впоследствии как о тяжелой своей ошибке. В новой семье она вынуждена была вести обычный для светской женщины образ жизни, с чем она не могла примириться. Летурно пишет: «Тем не менее даже тогда она продолжала идти по своему пути, продолжала развивать свой ум и читала Дарвина, Бюхнера, Бокля и т. д., предоставляя другим женщинам думать о нарядах» (*Études*, с. VI). Существенное дополнение к этому находим в надгробной речи Лаврова: «Ее героями стали борцы восставшей Польши и воодушевленной влиянием Гарибальди Италии» (там же, с. XV) [23].

В середине 1860-х годов открывшаяся болезнь легких заставила Никитину уехать для лечения в Италию. Через два года она вернулась в Россию с твердым решением расторгнуть брак. Муж согласился дать ей развод, после чего она снова уехала в Италию. По рассказу Летурно, это было в 1867 г. Здесь она прожила 11 лет. Об этом времени мы располагаем очень немногими сведениями. Известно, что во Флоренции она познакомилась с сыном Герцена А. А. Герценом и с его семьей, встречала там Н. А. Тучкову-Огареву и ее дочь Лизу Герцен; там же состоялось ее знакомство с Шарлем Летурно. О значении итальянского периода в жизни Никитиной хорошо сказано у Лаврова: «До 1878 г. В. Н. прожила в Италии, климат которой мог единственно поддержать надолго ее слабое здоровье. Ее любовь к природе, ее любовь к поэзии, к вопросам философским и нравственным вообще могла быть вполне удовлетворена. Но та более широкая задача служения передовым стремлениям нашего времени, которую она смутно чуяла с ранних лет, оставалась для нее неясною. Блестящий кружок, среди которого она жила, стоял если не совсем, то большею частью в стороне от той напряженной борьбы социализма со старым миром, которая давно уже кипит в Европе и которая особенно с 1864 года приняла вполне определенный научный характер» [24].

Переселение в 1878 г. в Париж явилось важной вехой в жизни Никитиной и в развитии ее мировоззрения. Характеристику этого периода также находим у Лаврова: «Здесь ее неопределенные стремления к правде в мысли и в жизни, ее инстинктивная жажда лучшего общественного идеала, получили сознательную форму. Она ознакомилась с социализмом. Она узнала ближе то самоотверженное движение, которое влекло в России в продолжении пяти лет русскую молодежь на борьбу с подавляющим общественным строем, с развращающей властью императорского деспотизма, с развивающеюся и в России во всех своих прелестях силою капитала. Она стала ученицей Маркса. Она стала социалисткой. Ее небольшой салон стал центром, где свободные мыслители и радикалы Парижа научились яснее понимать и задачи социализма вообще и стремления русских «нигилистов». Она стала нашим товарищем» [25].

Лавров, по понятным причинам, умолчал при этом о своей роли в переходе свободомыслящей русской женщины на почву социализма. Никитину познакомили с ним, по-видимому, в середине 1881 г. [26] Уже к началу следующего года между ними установились дружеские отношения, особенно упрочившиеся за время изгнания Лаврова из Франции. Беседы с Лавровым во многом способствовали расширению ее научного и философского мировоззрения. Об этом писал Летурно: «Бессознательная социалистка, В. Жандр становится социалисткой в научном смысле слова под руководством таких выдающихся личностей, как г-н П. Лавров, который держит ее в курсе социалистической литературы. Таким образом, ничем не пренебрегая, она с увлечением читала труды по политической экономии, по демографии и др. Великое произведение К. Маркса «Капитал», которого к их собственной и к нашей невыгоде, не знает большинство наших политиков, произвело на В. Жандр непреодолимое впечатление» (*Études*, с. VIII).

Никитина преклонялась перед Лавровым, ценила его сильный ум, его поистине энциклопедические знания, его готовность делиться этими знаниями с молодежью. Ее покоряло благородство характера Лаврова, его непоколебимая принципиальность. А для Лаврова, жившего одиноко, поглощенного революционной работой и литературными трудами, дружба с Никитиной (как и с ее приятельницей Е. Ф. Блонской) имела также немалое значение — она вносила в его жизнь элемент душевного тепла, сердечного внимания, житейского уюта. Э. А. Серебряков, народоволец, бежавший из России в 1883 г., писал в воспоминаниях о Лаврове: «Раза два, три в неделю П. Л. обедал в семье у кого-нибудь из друзей. И, если был свободен, там же проводил вечер,— и это было праздником для той семьи, где он оставался, так как весь вечер проходил в задушевной, интересной и умной беседе. Особенно часто обедал он у писательницы В. Н. Жандр (Никитиной), с которой был очень дружен; там я видел его в совсем иной обстановке, а именно, за чтением драм Шекспира. И нужно отдать справедливость,— читал он их прекрасно, вкладывая в свое чтение много чувства и смысла. Его чтение производило сильное впечатление на небольшую группу слушателей. В это время забывалось, что П. Л. кабинетный ученый, и казалось, что перед вами сидит вдохновенный старец, обладающий сильным поэтическим чувством» [27].

В годы жизни в Париже определилось литературное призвание Никитиной: своими статьями во французской прессе она приобрела репутацию талантливого литератора, смелого публициста и критика, острого полемиста. В изданный посмертно сборник ее работ вошла 21 статья; в помещенной здесь библиографии названо 57 статей, написанных за пять с половиной лет — 1879—1884 (см. приложение к наст. публикации). Все свои статьи Никитина подписывала девичьей фамилией: B. Gendre.

Впервые она выступила в печати в апреле 1879 г. со статьей «Г-н Тэн и женское образование», в которой защищала права женщин, стремящихся к получению знаний [28]. В дальнейшем она публиковала статьи по вопросам социологии и философии, психологии и антропологии, причем обычно брала в качестве исходного материала какой-нибудь вновь вышедший научный труд, к которому нужно было привлечь внимание общества [29].

С середины 1881 г. она сотрудничала преимущественно в газете французских радикалов «La Justice», с редактором которой Жоржем Клемансо ее познакомил, вероятно, Лавров. Именно здесь 24 февраля 1882 г. появилась ее статья «Петр Лавров», в которой она обрисовала историю жизни и деятельности русского революционера и ученого, показав тем самым полную необоснованность клеветнических слухов о том, что его работа в Париже представляет опасность для Франции. Статья вызвала большой интерес в различных кругах французского общества и сделала имя ее автора известным в литературном мире Парижа.

Литературное наследие Никитиной остается до настоящего времени не изученным, хотя оно безусловно заслуживает внимания со стороны историков русской общественной мысли [30]. Предоставляя выполнение этой задачи будущим исследователям, мы можем в рамках настоящей вступительной статьи определить содержание ее литературной работы только в самых общих чертах.

Лавров писал в посвященном памяти Никитиной некрологе: «Предметы литературных трудов В. Н. были весьма разнообразны. Развитая женщина, она отстаивала права женщин; убежденная материалистка, она восставала против переживания старых религиозных и идеалистических призраков; но главная доля ее литературной деятельности была посвящена борьбе, которая кипела на ее родине, и борьбе, которую во всем цивилизованном мире вели социалисты» [31]. Действительно, в статьях Никитиной отчетливо выделяются две области, в наибольшей мере привлекавшие ее внимание: рост социальных противоречий в различных странах Западной Европы и революционная борьба в России.

Она писала о положении рабочих в Италии, рассказывала о героической жизни Гарибальди (в статье, написанной в связи с его смертью), о национально-освободительной борьбе в Ирландии, о втором съезде социалистической рабочей партии Германии, проходившем нелегально в Копенгагене, о французской буржуазии с ее моральным упадком, с ее хищничеством и лицемерием (в статье по поводу романа Э. Золя «Накипь»);

В. Н. НИКИТИНА

Фотография, 1870-е годы

Вклеена в экземпляр книги В. Н. Никитиной «Études sociales, philosophiques et morales» (Paris, 1886), принадлежавший Е. Ф Блонской

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в отдельно изданной брошюре она рассказала о жизни французского пролетария Огюста Демулена, ставшего видным общественным деятелем [32].

Русскому революционному движению и его участникам посвящено 15 статей Никитиной. Когда-то Герцен поставил перед собой в качестве одной из важнейших задач ознакомление западноевропейского общества с развитием освободительной борьбы в России, и он выполнил эту задачу с присущим ему блеском и талантом. В 1880-е годы такую же роль призвана была играть книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Никитина, которая рассказала в одной из своих статей французским читателям об этой книге и собиралась подготовить ее полный перевод на французский язык, преследовала в своих оригинальных статьях ту же цель: показать, что, несмотря на резко усилившиеся после 1881 г. преследования со стороны самодержавия, освободительная борьба в России не прекращается; раскрыть перед французским обществом моральную чистоту, исключительное мужество и непоколебимую стойкость людей, которых царская пропаганда пыталась изобразить закоренелыми злодеями и преступниками. Помимо двух статей о Лаврове [33], ею были написаны статьи о «движении ни-

гилистов» в России, об аграрных волнениях, о судебных расправах над борцами за свободу. Когда редакция «La Justice» предложила ей регулярно помещать статьи в форме корреспонденций из России, она охотно согласилась; при содействии Лаврова, помогавшего ей советами и посылавшего ей нужные для работы вырезки из русских газет, и при помощи некоторых других русских эмигрантов она написала в 1882—1884 гг. четыре статьи-корреспонденции, каждая из которых была озаглавлена: «Письмо из России». К этому циклу примыкает непосредственно и статья «Революционная Россия», помещенная в журнале «La Nouvelle Revue» 1 апреля 1884 г. Кстати, это единственная статья Никитиной, которая была позднее переведена на русский язык и издана отдельной брошюрой [34].

К статьям о революционной России примыкают две статьи, написанные в связи со смертью Тургенева: «Неизданное стихотворение Тургенева» [35] и «Иван Тургенев и русский реализм». Во второй из них Никитина характеризует отличия русского реализма от реализма французского, от того направления, которое было связано с творчеством Золя. Своеобразие русского реализма она видит в его «идеалистическом характере», понимая под этим постоянное стремление «чутко отзываться на явления социального порядка», привлекать «внимание к самым крохотным росткам надежды, едва пробивающимся из русской почвы», облекать в форму и слово «чаяния каждого поколения». Именно всем этим объясняется то, что русские поэты, романисты, критики стали «подлинными воспитателями нации». В творчестве Тургенева она ценит его «сочувствие пламенной молодежи, отважно ринувшейся на завоевание свободы и справедливости», его пристальное внимание к «новому человеку». Фигуры его героев — Базарова, Нежданова, Марианны, Машуриной и других — не лишены странностей, слабостей и противоречий; но при всем этом они «не оставляют ни малейшего сомнения в симпатиях автора; именно за ними сохраняет он ореол нравственной чистоты, которого безжалостно лишены защитники прошлого». В конце статьи Никитина определяет отношение русских революционеров к умершему писателю: «Революционная партия в своем органе «Народная воля» достойно почтила память знаменитого писателя, которого потеряла родина. Социалисты отнюдь не приписывают покойному взглядов, не разделявшихся им при жизни; но они славят в лице Тургенева одного из зачинателей новой эпохи, писателя, чьи произведения, исполненные здоровья и живительной силы, оказали мощное воздействие на умственное развитие страны, наконец, человека, который любил русский народ и страстно ненавидел общего врага всех, кто мыслит и чувствует в России,— рабство,— как духовное, так и физическое».

Статья Никитиной о Тургеневе перекликается отчасти с известной статьей Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества», начатой в осенние месяцы 1883 г. и напечатанной в 1884 г. в «Вестнике Народной воли», № 2. Можно думать, что Никитина писала свою статью под влиянием общения с Лавровым, его рассказов о Тургеневе, его оценок умершего писателя. Так, вслед за Лавровым Никитина отнесла создание стихотворения в прозе «Порог» к первой половине 1881 г., считая, что «тень Софьи Перовской витала, вероятно, над писателем, когда его перо создавало эту трогательную дань уважения русской революционерке» [36].

После характеристики «Порога» Никитина включила в статью его полный текст в своем переводе на французский язык. Это был вообще первый перевод «Порога» на иностранный язык [37]. Он был сделан, очевидно, с русского текста, напечатанного в народовольческой листовке, которая была выпущена в Петербурге к дню похорон Тургенева [38].

К 1884 г. состояние здоровья Никитиной значительно ухудшилось. Ни ежегодный отдых и лечение в Пиренеях, ни рекомендованные врачами летом 1884 г. морские ванны не смогли помочь ей. Случайная простуда вызвала воспаление легких, которое и привело к роковому исходу: Никитина умерла 17 декабря 1884 г. [39]

Прощальные речи над ее могилой произнесли Лавров и Летурно. «На ее похороны 18 декабря 1884 г., рядом с тесным кружком ее друзей, сошлось много народу. Тут были и представители русских левого берега Сены, желавших почтить одни — товарища по убеждениям, другие — русскую женщину, быстро завоевавшую себе литературную известность среди французов, где так трудно пробиться иностранцу, а тем более

иностранке. Тут были Клемансо и Камиль Пельтан. Были Лафарг, Лонге и Малон. Был секретарь г-жи Адан. Русские, поляки, немцы, французы, испанцы, голландцы окружали могилу той, которая, оставаясь русской в душе и в симпатиях, была проникнута самым широким интернационализмом» [40].

Письма Лаврова к Никитиной были возвращены ему после ее смерти и сохранились в его архиве: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 39 (14 писем); там же, ед. хр. 85 (письмо от 20 февраля 1882 г.). Письма Никитиной также хранятся в архиве Лаврова: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 329 (48 писем; часть из них написана рукой друга Никитиной Е. Ф. Блонской). Переписка дошла до нас не полностью. Неизвестными остаются многие письма Лаврова, недостает и нескольких писем Никитиной.

Ниже публикуются все 15 писем Лаврова и 47 писем Никитиной (одно ее письмо, незначительное по содержанию, в публикацию не включено — без даты, л. 96—96 об.). В приложении к публикации помещен библиографический перечень статей Никитиной, перепечатываемый из трудно доступного сборника (*Études*, с. 409—410).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАОР, ф. 1762.

[2] Н. С. Русанов. В эмиграции. М., 1929, с. 131.

[3] П. Л⟨а в р о в⟩. Варвара Николаевна Никитина (некролог).—«Вестник Народной воли», № 5. Женева, 1886, отд. II, с. 176—179.

[4] Французский текст речи напечатан в кн.: *Études*, с. XIV—XVII; в русском переводе она вошла (с некоторыми сокращениями) в брошюру: В. Жандр (Никитина). Революционная Россия. Пер. с франц. К. Д. СПб., 1907.

[5] *Études*, с. I—X. Шарль Жан Мари *Летурно* (1831—1902)—французский антрополог и социолог.

[6] А. Бобринский. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи, ч. II (от начала XVII столетия до 1885 года). СПб., 1890, с. 653.

[7] Русский биографический словарь, т. VII, Жабокритский-Зябловский. Пг., 1916, с. 8—9.

[8] Общий морской список, ч. XII. СПб., 1900, с. 490—492; Русский биографический словарь, т. VII, с. 6—8. В качестве исторического курьеза отметим, что, будучи (с 1865 г.) «первоприсутствующим сенатором в департаменте герольдии», А. А. Жандр только в 1872 г. был «по личным своим заслугам признан в потомственном дворянстве» (А. Бобринский. Указ. соч., ч. II, с. 724). В. Н. Жандр приходилась ему внучатой племянницей.

[9] Общий морской список, ч. X. СПб., 1891, с. 115—118; см. также: Е. В. Тарле. Крымская война.— Собр. соч., т. IX. М.— Л., 1959, с. 120, 135.

[10] Общий морской список, ч. X, с. 118—119.

[11] По-видимому, самым ранним его опытом в области литературы был перевод первой песни «Дон Жуана» («Дон Жуан. Поэма лорда Байрона». Пер. Н. Жандр. СПб., 1846). В начале 1840-х годов он вошел в круг петербургских литераторов, познакомился с П. А. Вяземским и Ф. И. Тютчевым (ГПБ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 18, л. 4 об.).

[12] Об этом свидетельствуют его произведения: «Свет. Роман в стихах» (СПб., 1857), трагедия «Нерон» (поставлена на сцене Мариинского театра в 1869 г.), историческая драма «Марфа-посадница» («Русская старина», 1874, № 6 и 7). Его лирические стихотворения и поэмы собраны в издании: «Полное собрание сочинений Н. П. Жандра» (не закончено; вышли тома I и II. СПб., 1888).

[13] В бумагах Н. П. Жандра сохранились его рукописные воспоминания об этом путешествии (ГПБ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 3, 4 и 5). По ним устанавливается, что они побывали в Берлине и Дрездене, в Милане и Вероне, в Люцерне.

[14] Точное время ее смерти не выяснено. Можно думать, что это случилось в 1854—1855 гг.

[15] «История Киевского института благородных девиц. 1838—1888». Сост. М. М. Захарченко. Киев, 1889, с. 122.

[16] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 176.

[17] См.: В. С. Иконников. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884.

[18] Там же, с. 765.

[19] Александр Васильевич *Романович-Славатинский* (1823—1910)—историк, профессор Киевского университета. На университетском акте в память В. Я. Шульгина 9 января 1879 г. он произнес речь, большая выдержка из которой приведена в некро-

логе «Виталий Яковлевич Шульгин». — «Киевский университет св. Владимира. Университетские известия», 1879, № 2, с. 1—26 (автором некролога был проф. А. И. Линниченко).

[20] Там же, с. 9.

[21] Там же, с. 8.

[22] Летурно пишет, что В. Жандр вышла замуж в возрасте 20 лет, т. е. в 1862 г. Однако это противоречит его же сообщению, что после окончания института она провела в семье два года. Вообще в биографическом очерке, который был написан, очевидно, на основе слышанных им рассказов самой Никитиной, есть и другие хронологические неясности. Замужество В. Жандр отнесено к 1860 г. в ее некрологе («Исторический вестник», 1885, № 2, Смесь, с. 464—465).

[23] В русском переводе речи это место было смягчено: «Ее любимыми героями стали люди, сражающиеся за свободу в Польше и Италии» (см.: В. Жандр (Никитина). Революционная Россия, с. 10).

[24] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 177. В конце приведенной выдержки имеется в виду создание в 1864 г. Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

[25] Там же.

[26] Общий тон ее писем 1881 г. и официальное обращение: «Многоуважаемый Петр Лаврович», говорят о недавнем знакомстве.

[27] Э. А. Серебряков. П. Л. Лавров (по личным воспоминаниям).— В кн.: П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пб., 1922, с. 456.

[28] Поводом к написанию этой остроиронической статьи явился отказ И. Тэна разрешить ей, как женщине, посещать его лекции в парижской Школе изящных искусств.

[29] Таковы ее статьи: «Социология по данным этнографии», написанная по материалам одноименной книги Ш. Летурно, и «Психопатия в истории и социологии», в которой использована книга: P. Jacoby. Études sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. Paris, 1881.

[30] Изучение статей Никитиной, не вошедших в посмертный сборник, затруднено тем, что комплекты газет и журналов, в которых она печаталась, не всегда можно найти в библиотеках.

[31] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 177—178.

[32] Точные названия этих статей и данные об их публикации см. в библиографии (приложение к наст. публикации).

[33] Почти в одно время с названной уже статьей «Петр Лавров» она опубликовала ее более популярную редакцию под заглавием: «Изгнанник».

[34] В. Жандр (Никитина). Революционная Россия. СПб., 1907.

[35] К сожалению, нам не удалось ознакомиться с этой статьей.

[36] Ср. у Лаврова: «Я отношу «Порог» к первой половине 1881 года, так как это произведение, очевидно, было навеяно образом Перовской (как и заметил критик в «Justice» 8 января 1884)...» (см. сб.: «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М.— Л., Academia, 1930, с. 68; замечание в скобках подразумевает статью Никитиной). В действительности «Порог» был написан в мае 1878 г. (*Тургенев. Сочинения*, т. XIII, с. 169 и 654—655).

[37] И. Я. Павловский опубликовал свой перевод «Порога» на французский язык в 1887 г., предварив его текст пояснением: «Il n'existais en français que dans la mauvaise traduction d'après l'anglais, d'un mauvais livre de M. Stepniak»* (Isaak Pavlovsky. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887, p. 246). Павловский имел в виду, конечно, перевод, помещенный в «La Justice»; эту его оценку перевода Никитиной следует признать в корне неверной и продиктованной, вероятно, не вполне благовидными побуждениями. Никитина превосходно владела французским языком и была опытным переводчиком. Сличение ее перевода с русским текстом «Порога» подтверждает его высокие литературные качества и точное соответствие оригиналу. Версия Павловского, что перевод был сделан с английского, также остается на его совести (как и пренебрежительная оценка книги Степняка-Кравчинского).

[38] Об этой прокламации, выпущенной П. Ф. Якубовичем, см. *Тургенев. Сочинения*, т. XIII, с. 652. Это была первая публикация «Порога» в русской нелегальной печати; вторая была осуществлена Лавровым в «Вестнике Народной воли», № 2. Женева, 1884 (номер вышел 24 апреля 1884 г., т. е. спустя три с половиной месяца после появления в печати перевода Никитиной).

[39] Летурно в биографическом очерке и Лавров в некрологе указывают, что Никитина умерла 16 декабря. Но в бумагах Лаврова сохранилось траурное приглашение на гражданские похороны Никитиной. Здесь указана дата ее смерти—17 декабря (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 50, л. 2).

[40] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 179.

---

* «На французском языке не существует ничего, кроме плохого перевода, сделанного с английского, по плохой книге г. Степняка» (*франц.*).

1 НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› 14 июня 1881 [1].

Многоуважаемый Петр Лаврович,

В половине третьего мы были у ваших дверей. Перо отказывается изобразить вам наше сокрушение, когда мы убедились в том, что пришли *поздно*. Сокрушение это, изобразившееся на наших физиономиях, доходило до комизма и возбудило бы, вероятно, в вас взрыв сердечного смеха.

Остается письменно пожелать, чтобы вы долгие еще годы трудились для развития русской мысли и чтобы вам удалось видеть созревание в нашем отечестве семян, брошенных вашей рукой!

Хотели принести вам цветы, как это делается в Италии; но убоялись насмешек над женской сентиментальностью. Позвольте же поднести русскому философу труд философа француза [2], прося вас быть снисходительным к последнему, а еще более к глубоко уважающим вас

В. Никитиной
Като Тавдгиридзе

[1] 14 июня н.с. — день рождения Лаврова. В 1881 г. ему исполнилось пятьдесят восемь лет.

[2] Это, видимо, была книга Шарля Летурно «La sociologie d'après l'ethnographie». Paris, 1880; русский перевод под названием: «Социология, основанная на этнографии». СПб., 1895.

2. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Hautes Pyrénées. Luz. Maison Cazajus
8 июля ‹1881 г.›

Многоуважаемый Петр Лаврович,

Вот мы и в Пиренеях, в нашем живописном захолустье, откуда спешу послать вам мой *точный* адрес в надежде, что когда-нибудь он вам да пригодится. Помните только, что здесь меня зовут madame Dumont.

Несмотря на все ваши насмешки над деревней, здесь, право, очень хорошо, и «журчание ручьев, и запах сена» составляют самый приятный контраст с шумом парижских улиц и весьма неблаговонными их запахами. Запахи! каковы они были ночью в вагоне, и с какой тоской я думала о будущем, где, пожалуй, такие запахи будут à l'ordre du jour *. Нет, прочь такой пессимизм, навеянный вашим насмешливым умом.

Благодаря книгам надеюсь здесь не соскучиться, хотя все-таки по временам жаль будет Парижа, особенно по четвергам, да и по понедельникам [1]. Сведения о книгах, привезенных Летурно, еще не могу вам сообщить, видела его всего раз; но в будущем письме сообщу. Намерена приняться за деятельное чтение Якоби и, когда окончу его благополучно и напишу статью, перешлю его вам не медля [2].

Желаю вам хорошего здоровья, быстрого успеха в вашей работе и прошу вас не забывать. Дружески жму вашу руку.

Душевно преданная вам В. Никитина

Книга Якоби будет служить опытом в труде, который вы мне поручили. Очень бы хотелось вам угодить и хоть этим показать, насколько я дорожу счастливым случаем, которому обязана вашим знакомством.

Год определен по адресу и по началу письма. В письмах 1882 и последующих годов обращение «Многоуважаемый» не встречается — его заменило более теплое и дружеское: «Дорогой».

---

* в порядке дня (*франц.*).

[1] По четвергам у Лаврова собирались его друзья и близкие знакомые.
[2] Павел Иванович *Якоби* (1840—1910)—врач-психиатр, участник польского восстания 1863 г.; эмигрант, работал в парижской больнице. Его книга: P. J a c o b y. Études sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. Paris, 1881. По предложению Лаврова Никитина готовила статью об этой книге (см. п. 6).

3. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

14 августа ‹18›81.
Luz (Hautes Pyrénées)

Многоуважаемый и добрейший Петр Лаврович,

Я покраснела до ушей, читая ваше письмо. Я так виновата перед вами, до сих пор не поблагодарила вас за немедленную высылку книги. Будьте снисходительны и не судите d'après les apparences *: я только не *высказала* моей благодарности, но была очень тронута вашей необыкновенной добротой. Книга так скоро пришла, что я опомниться не успела. Не могу понять, как вы находите время быть столь необыкновенно обязательным и как жизненный опыт не исправил вас,— ведь не раз должны были злоупотреблять этой добротой.

Но всему есть свой contre-poids **, и нельзя сказать, чтобы вы блистали особенной добротой в отношении бедных французов. За что вы на них так осерчали? Ланесана [1] я слишком мало знаю, чтобы горячо за него заступаться. Если он искренен в своих убеждениях (в чем ни вы, ни я не имеем до сих пор права сомневаться), то мне кажется желательно, чтобы его выбрали в депутаты. А если доктор барежских вод [2] (этого я вам не подарю) не ставит своей кандидатуры, так это именно потому, что в нем нет тени шарлатанизма. Его самый большой недостаток, это что он кристаллизировался слишком скоро, но он, право, хороший человек и вы к нему будьте снисходительны.

Я радуюсь, что «Исторические письма» переводят, но очень жалею, что не мне это выпало на долю [3]. Я считаю французов способными прочитать эту книгу, *если* она будет переведена легким и элегантным французским языком. Для них, если перевод плох,— то дело пропало.

Очень вас благодарю за ваше участие к судьбе моей статьи; конечно, она теперь не появится; а разве когда я приеду и пристану к Клемансо [4]. Отчего вы мне ничего не пишете про вашу работу? Не мешает ли вам парижская жара работать? Не желаете ли вы, чтобы я вам прислала заметки, взятые в книге Якоби? [5] Теперь я читаю Маркса с величайшим интересом и беру заметки для вас со страхом и трепетом. А что как не в ту категорию помещу и провалюсь таким образом в вашем мнении? Ведь это хуже, нежели провалиться в пропасть Пиреней, что со мной может случиться не далее как послезавтра; так как мы отправляемся в горы с доктором барежских вод. Если останусь жива, то скоро будете иметь известие обо мне — а иначе не поминайте лихом.

Лизавета, а не Софья Фоминична, вам кланяется, а я, если позволите, крепко жму вашу руку. Глубоко вас уважающая

В. Никитина

P. S. Я надеялась, что вы поймете тонкий намек и пришлете на прочтение «Progrès anthropologique» [6], но доброты у вас на это не хватило. Я вам бы возвратила с благодарностию, так как имею собственный экземпляр.

---

* по видимости (*франц.*).
** противовес (*франц.*).

[1] Жан Мари Антуан *Ланесан* (Lanessan; 1843—1919)—французский политический деятель и натуралист; с августа 1881 г. член Палаты депутатов от партии радикалов, в октябре основал газету «Le Réveil»; впоследствии перешел в республиканскую партию.

[2] Так Никитина называет Шарля Летурно (см. предисловие).

[3] «Исторические письма» Лаврова были напечатаны впервые (под псевд. П. Миртов) в «Неделе», 1868—1869 гг., и отдельной книгой (СПб., 1870). На французском языке: Pierre Lavroff. Lettres historiques. Paris, 1903 (перевод и предисловие Марии Гольдсмит).

[4] Жорж *Клемансо* (1841—1929)—французский политический деятель, в молодости бланкист, затем радикал-социалист, в 1876 г. избран в палату депутатов, где возглавил группу крайней левой; основал газету «La Justice», был ее главным редактором (directeur en titre). О газете см. п. 5, примеч. 1.

По свидетельству Н. С. Русанова, Лавров находился в это время «в личных дружественных отношениях» с Клемансо и «питал большую слабость к этому тогда наиболее блестящему представителю французского радикализма, хотя и сожалел, что тот не был социалистом» (Н. Русанов. В эмиграции. М., 1929, с. 95).

[5] О П. И. Якоби см. п. 2, примеч. 2.

[6] Вероятно, Никитина имеет в виду брошюру: «L'idée du progrès dans l'anthropologie par M. Lavroff». Paris, 1872 (с сообщениями на эту тему Лавров выступал на заседаниях Антропологического общества в Париже 1 февраля и 18 апреля 1872 г.). Брошюра была выпущена в свет в виде отдельного оттиска из «Бюллетеней» Общества.

4. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz (Hautes Pyrénées)
19 авг⟨уста 18⟩ 81

Многоуважаемый Петр Лаврович.

Очень благодарю вас за присылку моей статьи [1]. Признаюсь, меня удивило ее появление в настоящую минуту. Бывают же приятные сюрпризы, а на этой неделе на мою долю выпало два: я влезла *пешком* на одну из высочайших вершин Пиреней, 2.803 метра, к великому удивлению сопровождавшего меня доктора барежских вод. Я так возгордилась, что наверху воскликнула: «Quel plaisir d'être fort!» *, чем вызвала совершенно нелогичный хохот моего спутника. Я загорела, как цыганка, и два дня пролежала после этого удовольствия. Когда будете иметь свободную минутку, дайте весточку о себе, а пока примите дружеское пожатие руки и большое искреннее спасибо.

В. Никитина

[1] Статья «La renaissance du matérialisme».—«La Justice», 17 августа 1881 г., подпись: B. Gendre.

5. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz (Hautes Pyrénées).
27 августа ⟨18⟩ 81

Так как вы сами, Петр Лаврович, живая энциклопедия, вы, кажется, воображаете, что все подобно вам могут писать о всевозможных предметах. Расстаньтесь с сим приятным заблуждением, по крайней мере касательно вашей покорной слуги. Вы мне предлагаете писать статью о Мольере, да еще для «Revue Nouvelle» или «Revue des deux Mondes». Je reste écrasée par ces perspectives de grandeur et je crois bien que j'y renonce **. Я вам очень благодарна за вашу заботливость и, может быть, когда по возвращении моем ознакомлюсь с книгами, то переменю мнение. Но теперь одна мысль писать о Мольере приводит меня в уныние. C'est un sujet qui ne me dit rien ***. Я как нарочно перечла здесь «Мизантропа» и нашла его страшно скучным и через меру расхваленным, что послужило мне пово-

* Как хорошо быть сильной! (*франц.*).

** Я совершенно подавлена этими величественными перспективами и, конечно, отказываюсь (*франц.*).

*** Это тема, которая мне ничего не говорит (*франц.*).

дом к выходке против французов. Если угодно, я напишу против Мольера.

Зато ваше другое предложение — написать статью об «Исторических письмах» — мне весьма улыбается. Оно немного и страшно,— а что как я не сумею достойным образом исполнить мою задачу? Точно влезть на высокую гору — и страшно, и хочется: пожалуй, шею сломаешь, зато влезешь и гордости твоей не будет меры. Смелым бог владеет, и я попробую полезть. Только где поместить такую статью? В «Justice» [1] не стоит, а для Revue Ланесана [2] я боюсь, что неподходящая по сюжету. Есть, говорят, новая Revue: — «La Révolution», издаваемая Reynard'ом [3]. Вернувшись в Париж, я отправлюсь к сему Reynard'у с письмом от доктора барежских вод, если окажется, что мои «знаменитые статьи» еще недостаточно ознакомили всех с моим именем...

Что касается сведений, которые вы желали иметь, все что Летурно знает по этому предмету (немного!), заключается в главе: «Parure»* его «Социологии», в рассказе о какой-то птице, украшающей свое гнездо [4]. Кажется, что остроумная выдумка искалечивать себя ради самоукрашения принадлежит исключительно человечеству. Гордиться, признаться, нечем.

Если книга Шеффле небольшая и если вы скоро получите экземпляры ее, я вам буду очень благодарна, если пришлете мне для прочтения [5]. До пятого сентября я буду еще здесь, но пятого или шестого мы переезжаем на 15 дней в Бареж, где мой адрес будет: Madame Dumont. Poste restante. Там-то я нагуляюсь вдвоем с доктором барежских вод; мы даже затеваем лезть на какой-то высокий-превысокий glacier **; если я себе шеи не сверну, значит она крепка. В таком случае буду иметь удовольствие в конце сентября, сидя в вашем большом кресле, покорно слушать вполне заслуженную нотацию о моей односторонности (по поводу Мольера). Но до этого еще месяц, и вы не надейтесь, добрейший Петр Лаврович, чтобы я вас оставила до тех пор в покое.

Полуфиаско Гамбетты и избрание моего Ланесана привели меня, каюсь, в телячий восторг [6]. Не сердитесь. Лиза вам очень кланяется. Прощайте, многоуважаемый Петр Лаврович; от души жму вам руку.

Искренно преданная вам В. Никитина

[1] «La Justice»— ежедневная газета, орган крайних радикалов, выходила с 1880 до октября 1897 г.; в газете работали радикал Камиль Пельтан, зять Маркса Шарль Лонге, бланкист Виктор Жаклар, сотрудничали В. Никитина-Жандр, П. Лавров, Вильгельм Либкнехт и др.

[2] См. п. 3, примеч. 1 и п. 6, примеч. 2.

[3] Журнал «La Révolution française. Revue d'histoire contemporaine». Выходил в 1881—1934 гг. Главный редактор — Ж. Рейнар.

[4] Ch. Letourneau. La sociologie d'après l'ethnographie. Кн. II, гл. VI.

[5] Перевод книги немецкого экономиста Альберта Шеффле (Schäffle, 1831—1903): «Сущность социализма». А. Шеффле. Пер. А. Тарковского с его предисл. и с примеч. П. Лаврова. Женева, 1881 (серия популярно-научных брошюр «Русской социально-революционной библиотеки», предпринятая П. Лавровым и Г. Плехановым).

[6] «Полуфиаско» Гамбетты Никитина, по-видимому, называет его попытку летом 1881 г. укрепить свое положение после отстранения его с поста председателя Палаты депутатов президентом республики Жюлем Греви. Гамбетта рассчитывал на новые выборы и на то, что новая избирательная система может привести к избранию большего числа республиканцев; ему удалось добиться принятия Палатой депутатов новой системы выборов, но сенат ее отклонил.

---

* «Украшение» (*франц.*).

** ледник (*франц.*).

6. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges (Hautes Pyrénées)
Maison Laborde, près de l'église.
9 сентября ‹18› 81

Вы меня так избаловали вашими письмами, многоуважаемый Петр Лаврович, что ваше сравнительно долгое молчание начинает меня беспокоить. Уж не рассердились ли вы на меня за то, что, злоупотребляя вашей добротой, я позволила себе обратиться к вам с такой скучной комиссией? В таком случае не делайте ее, только не сердитесь и напишите два слова. К тому же я знаю, что Клемансо и Пельтан [1] оба путешествуют. А я богата будущими благами: Ланесан основывает журнал и предлагает мне постоянное в нем сотрудничество. Он бы желал, чтобы я давала два раза в месяц «Variétés littéraires, philosophiques ou autres» *, а два раза в месяц «des articles sur la politique étrangère» **. Я не решаюсь принять последнее предложение, боюсь, что мне времени не станет, и не имея привычки писать постоянно, тем более о политике; а еще более опасаюсь, что чтение различных газет (английские, например, печатаются таким мелким шрифтом) утомит мои глаза. Они и так не в великолепном состоянии. Газета Ланесана будет называться «Réveil» [2].

Моя статья о книге Якоби, гораздо более пространная и серьезная, нежели та, которую я вам послала для «Justice», появится в будущем номере «Revue des Sciences biologiques» [3]. Мне хочется, если вы одобрите, послать ее Якоби.

Вот уже несколько дней как мы в Бареже, где, конечно, постоянно видим «доктора барежских вод», читаем вместе Шекспира в лесу и таскаемся по горам до полнейшего изнеможения моей подруги. Все эти дни погода была великолепная, но сегодня мы промокли насквозь. Были более часу под дождем; но здесь и дождь имеет такую оригинальную форму, что им нельзя не любоваться. Это густой туман, который мало помалу окутывает горы, спускается на верхушки деревьев и ползком подкрадывается к вам — и вот вы под дождем.

Как видите, мне очень везет, и работу выгодную предлагают, да еще в каких дружеских выражениях, и горы хороши, и мой друг философ настолько мил и оживлен, насколько его натура способна. Лиза говорит, что это не много. Но для моего полного благополучия недостает письма от вас. Вы не знаете, как я дорожу вашим расположением и хотя бы самыми короткими весточками от вас. Душевно преданная вам

В. Никитина

Лиза просит передать вам ее самый дружеский поклон.

[1] Шарль Камиль *Пельтан* (Pelletan; 1846—1915) — ответственный редактор «La Justice» (directeur en chef).

[2] В «Le Réveil» Никитина напечатала осенью 1881 г. три статьи: «La théorie du progrès d'après les sociologistes modernes», 25 октября 1881 г.; «La journée de travail», 13 ноября; «Les heures de travail», 19 ноября того же года.

[3] Статья Никитиной о книге д-ра Якоби под названием «La psychopathie dans l'histoire, et la sociologie» была напечатана в журнале «Revue internationale des Sciences», 15 октября 1881 г. (см. также: *Études*, p. 244—269). В «La Justice» статья (короткая, популярная ее редакция) появилась в середине сентября (см. п. 7).

---

* «Литературную, философскую или прочую смесь» (*франц.*).
** статьи об иностранной политике (*франц.*).

7. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges (Hautes Pyrénées). Maison Laborde.
19 Sep‹tembre 1881›

Многоуважаемый Петр Лаврович,

Письмо ваше очень меня обрадовало, и я крайне вам благодарна за то, что вы мне так скоро ответили. Право, я начинаю серьезно бояться, что надоела вам,— ведь всякой же доброте есть граница. Письма вашего, адресованного в Люз, я так и не получила и потому не знаю, каким волшебством вы так блистательно исполнили мою комиссию. Быстрое появление моей статьи меня приятно изумило, но зато как же они, варвары, ее изувечили: попропускали и попеременяли слова, попереносили на другую строчку против всякого человеческого смысла, а о знаках препинания лучше умолчать. Если бы не страдало авторское самолюбие, право было бы даже смешно, точно безграмотная писала. Якоби я хочу послать эту статью (конечно поправленную) вместе с другой, которая должна появиться в Revue Ланесана; она гораздо серьезнее, а эту для «Justice», я вам признаюсь, я просто писала для забавы, для того чтобы доказать Letourneau, что можно писать совсем в другом духе статьи по одному и тому же предмету.

Вы рады, что у меня будет постоянная работа, а я несколько озабочена перспективой писать так часто статьи. Что если у меня будет зимой так пусто в голове, как теперь? Я совершенно опьянела от горного воздуха и только и думаю, как бы днем и ночью лазить по горам. Уж мои спутники кряхтят, а мне все мало.

В конце месяца надеюсь с вами видеться. Как только приедем, сейчас прибегу. Еще прежде получения вашего письма я написала Ланесану, что не берусь делать политические résumés *, но это можно будет поправить. Что касается того, что вы мне пишете о вашей работе, я очень жалею, если вы встретили какие-нибудь препятствия. Конечно, делайте как вам удобнее, но помните, что я была бы очень рада быть вашим секретарем и нахожу это занятие более полезным для своего развития, нежели, например, faire de la politique étrangère pour «Le Réveil»** (это будет газета формата «Justice».) До свидания, скоро обо всем переговорим. От всей души жму вашу руку. Ваша почитательница

В. Никитина

Моя Лиза вам очень кланяется.

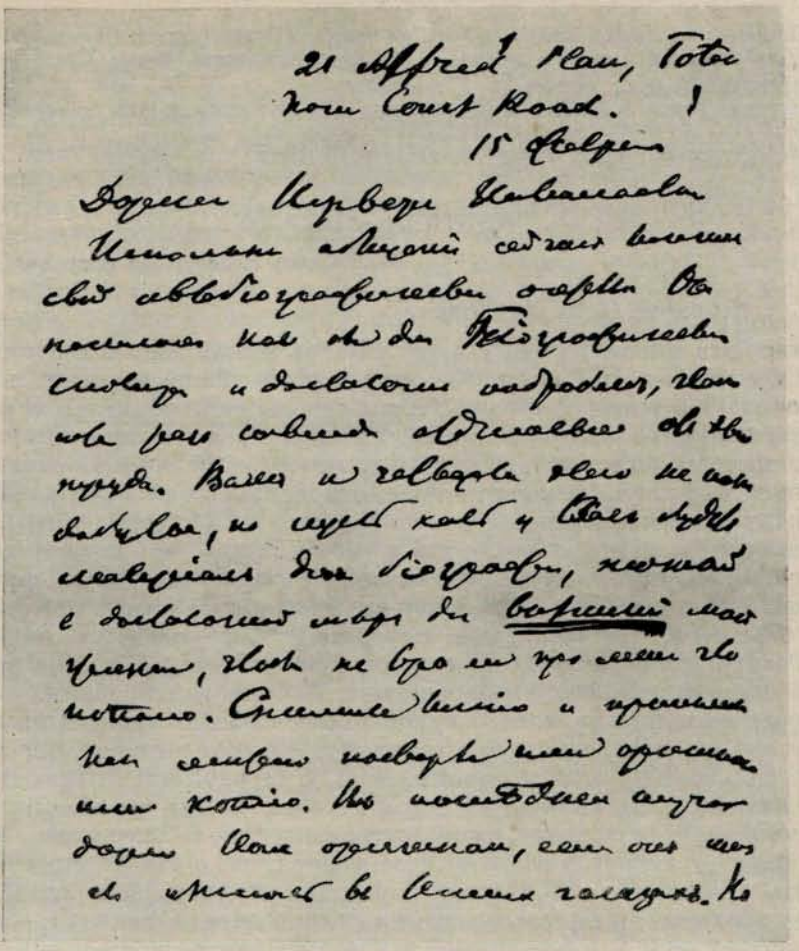
8. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 21 Alfred Place, Tottenham Court Road.
15 февраля ‹1882 г.› [1]

Дорогая Варвара Николаевна,

Исполняя обещание, сейчас выслал свой автобиографический очерк [2]. Он написан как бы для Биографического словаря и достаточно подробен, чтобы как раз совсем отделаться от этого труда. Вам и четверти этого не понадобится, но пусть хоть у вас будет материал для биографии, точный в достаточной мере для *внешней* моей жизни, чтобы не врали про меня что попало. Снимите копию и пришлите как можно поскорее — или оригинал, или копию. В последнем случае дарю вам оригинал, если он имеет ценность в ваших глазах. Но, пожалуйста, пришлите поскорее. Нужно и здесь: Кропоткин просил [3]. На особом листке вставки. Кое-какие годы не помню точно и ставлю вопросительные знаки. Большей

* обзоры (*франц*).
** вести обзоры иностранной политики в «Réveil» (*франц.*).



ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВА к В. Н. НИКИТИНОЙ
Лондон, 15 февраля 1882 г.
Автограф, лист первый
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

частью вы легко справитесь, а то и вовсе не нужно упоминать годов в том, что *вам* нужно. Только в копии сохраните вопросительные знаки.

Ну, не имею времени писать много. Как видите, благополучно приехал. Живу в маленькой комнатке в доме знакомого, адрес которого даю. В пятницу, вероятно, перееду в большую комнату, в № 13 той же улицы. Но вы пишите по данному в начале адресу. Это можно и потом, так как хозяин № 21 мой знакомый. Но я об этом напишу. Больше нечего сказать. Флакон, данный мне на дорогу, раздавился. Апельсины частью съел, частью ем еще. Сообщите свидание с Клемансо. Вообще пишите. Поклон Лизавете Фоминишне, Летурно и всем. Также Ольге Николаевне и ее матери [4]. Жму руку.

П. Л.

[1] По декрету правительства Фрейсине от 10 февраля 1882 г. Лаврову было предписано в три дня покинуть пределы Франции. Поводом к его высылке послужило опубликование во французской печати Обращения заграничного отдела «Общества Красного Креста Народной воли» о сборе денежных средств для политических ссыльных. Обращение было подписано уполномоченными Общества за границей Верой Засулич и Петром Лавровым. Лавров уехал из Парижа в Лондон 13 февраля.

[2] Никитина готовила для «La Justice» статью «Петр Лавров» (помещена 24 февраля). Для справок Лавров послал ей автобиографический очерк. Статья вошла в книгу Никитиной (см.: *Études*, с. 377—384).

[3] После изгнания в 1881 г. из Швейцарии, П. А. Кропоткин жил до осени 1882 г. в Лондоне.

[4] Глебовы, знакомые Лаврова, жившие в Париже.

9. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

〈Париж〉 Четверг, 16 февраля 〈1882 г.〉

Дорогой Петр Лаврович,

Наконец-то имеем весточку о вас. Вчера целый день прождали carte postale и вдобавок от Горвата [1] получила строжайший выговор, за то что не упросила вас телеграфировать. А мы тут все вами занимаемся и имеем большую надежду, что ваше пребывание в Лондоне не продлится долго. Лежу в постели с мигренью и потому дам вам самый краткий отчет о треволнениях этих дней. Проводивши вас, отправились в редакцию «Gaulois», где прочли две бессмысленные статьи [2], отосланные сегодня к вам, и, пообедавши, чтобы убить время, я в 6 часов была в редакции «Justice». Немедленно была допущена в лицезрение *самого Клемансо*. Принял он вашего посланца очень любезно, с вниманием прочел два раза ваше письмо [3] et il a daigné me faire part de ses impressions *. Объявил, что письмо появится завтра же без всяких изменений, и на мой вопрос, не может ли это письмо повредить вашему возвращению, он еще раз пробежал глазами некоторые места письма, сделал какой-то ему особенно свойственный жест руками, говоря: «En somme, ce n'est un mystère pour personne, que M. Lavroff est un socialiste-révolutionnaire. Non, je la publierai intégralement — c'est une belle lettre et quant à moi du moins, elle ne me choque pas»**. Только он выразил желание, с согласия вашего уполномоченного, вычеркнуть приписку, касающуюся «Gaulois», говоря, что о такой дряни не стоит говорить. С большой охотой принял предложение биографии вашей. Когда он меня провожал, я попросила его протекции перед Constant [4],— он рассмеялся, но узнав, что моя статья два месяца лежит, пришел в негодование. «Soyez tranquille, Madame, votre article va paraître sous peu; c'est moi qui vous le promet» ***. Вы видели, что он сдержал обещание. Не могу вам сказать, как я была рада увидеть мою статью в том же номере, где ваше письмо. Спасибо за это Клемансо, а еще большее ему спасибо, если он действительно поможет вашему возвращению. Все эти дни бегала за Lanessan'ом, чтобы его нашпиговать и заставить, может, хоть раз в жизни послужить хорошему делу. Он мне сказал положительно, что интерпелляцию *не следует* делать, так как она, наверно, не удастся и только испортит дело, но что Freycinet [5], которого он допрашивал, сказал ему, во-первых, что через самое непродолжительное время вы можете вернуться, en étant sûr de ne pas être inquiété****, а во-вторых, что министерство *непременно* в самом непродолжительном времени предложит изменение закона [6]. Как вы знаете, вопрос уже поднят в министерстве и докладчиком назначен Humbert [7]. Успех почти несомненный, и Ланесан обещал мне самым торжественным образом, прося передать вам, «qu'il veillera à ce que l'affaire marche vite, qu'il l'a soulevée et qu'il la mènera à bonne fin, sans laisser

---

* и он соблаговолил поделиться со мной своими впечатлениями (*франц.*).

** В общем, ни для кого не секрет, что г. Лавров социалист-революционер. Нет, я опубликую его полностью — это прекрасное письмо, и меня, во всяком случае, оно ничуть не смущает (*франц.*).

*** Будьте покойны, сударыня, ваша статья вскоре появится; это я вам обещаю (*франц.*).

**** будучи уверенным, что вас не потревожат (*франц.*).

le ministère lambiner. Espérons qu'au moins une fois Numa Rumestan tindra ses promesses. Une fois n'est pas coutume» *.

Сегодня в Антропологическом обществе Летурно поднял этот вопрос и говорил о вас в самых теплых, сочувственных выражениях и нашел деятельную поддержку в Mortillet и Thulié [8]. Несмотря на предложение идиота-подлеца (т. е. Топинара) [9] отложить дело до будущего заседания Comité central, решили собраться сейчас же после заседания, чтобы принять надлежащие меры. Летурно имеет уже blancseing ** с подписями многих членов,— ему поручена редакция письма к министру; завтра он соберет еще много подписей и в три часа передаст его Thulié, а тот от имени Общества вручит министру. Thulié, впрочем, уже объявил собранию, qu'il avait déjà vu Camescasse [10] pour cette affaire, *comme c'était son devoir*, pour s'informer quelles étaient les démarches à faire. Camescasse aussi prétend que le ministère est très contrarié et ne va pas tarder à présenter la modification de la loi. A la demande de Thulié si vous pouvez revenir en toute sécurité — venir la loi une fois modifiée, Camescasse a répondu tout-à-fait affirmativement et explicitement. Ils prétendent tous que ce changement de la loi aura lieu pas plus tard que dans 15 jours ***.

Смотрите, дорогой Петр Лаврович, не устраивайтесь в проклятом Лондоне. *До свидания*, я измучена всеми этими треволнениями, а нужно выспаться хорошенько, чтобы написать вашу биографию. Благодарю вас за позволение сохранить оригинал, копию вышлем завтра. Лиза вам очень кланяется,— Летурно, Глебовы и Горват просили тоже передать вам поклоны. Крепко жму вам руку. Всей душой вам преданная

В. Никитина

[1] Алексей Николаевич *Хорват* (1836 — после 1916) — приятель Лаврова, русский врач; с 1883 г. профессор общей патологии Казанского университета (1883—1896).

[2] 10 февраля в парижской консервативной газете «Le Gaulois» появилась статья, в которой говорилось, что Лавров «пользовался покровительством Тургенева». В тот же день Тургенев послал редактору «Le Gaulois» открытое письмо, в котором возражал против того, что его имя примешано к рассказу о высылке Лаврова. Письмо было напечатано 13 февраля (см.: *Тургенев. Письма.* Т. XIII, кн. 1, с. 191, 368—369). В то же время Тургенев, по собственной инициативе, поехал к префекту парижской полиции Камескасу, чтобы просить его дать Лаврову отсрочку на несколько дней.

[3] 14 февраля в «La Justice» было напечатано открытое письмо Лаврова, написанное перед его отъездом в Лондон (подробное изложение текста письма см. п. 10, примеч. 6).

[4] *Констан* — один из редакторов «La Justice».

[5] Шарль Луи *Фрейсине* (Freycinet, 1828—1923)—председатель Совета министров в 1882 г., умеренный республиканец, представитель промышленной буржуазии.

[6] Проект изменения закона об иностранцах 1849 г. В Петербурге известие об изменении этого закона было встречено в штыки. 2 марта Н. А. Белоголовый сообщал Лаврову: «В «Journal de St.-Pétersbourg» нападают на французское правительство за то, что оно не поднимало вопроса о законе 49-го года, когда выслан был Карлос, а хочет изменить теперь, когда дело коснулось цареубийцы Лаврова» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 31, л. 13—13 об.).

[7] Альфонс *Эмбер* — член Палаты депутатов, близкий к социалистам.

[8] Луи Лоран Габриель *де Мортийе* (1821—1898)—французский археолог и антрополог, участник революции 1848 г. во Франции. Анри Жан Батист *Тюлье* (1832—?)— президент Антропологического общества в Париже.

[9] Поль *Топинар* (Topinard; 1830—1911) — французский антрополог.

[10] Жан Луи Эрнест *Камескас* (1838—1897)—префект парижской полиции в 1881—1885 гг.

---

* что он позаботится, чтобы дело прошло быстро, ибо он его возбудил и доведет до благополучного конца, не давая министерству мешкать. Будем надеяться, что хоть раз Нума Руместан сдержит свои обещания. Один раз не в счет (*франц.*).

** чистый бланк с подписью (*франц.*).

*** что он уже видел Камескаса [10] по этому делу,— *ибо его долгом было* узнать, какие надо предпринять шаги. Камескас тоже утверждает, что министерству очень досаждают и оно не замедлит с представлением об изменении закона. На вопрос Тюлье, будет ли вполне безопасно для вас вернуться, раз изменение закона пройдет, Камескас ответил утвердительно и самым определенным образом. Они все полагают, что изменение закона произойдет не позже, чем через две недели (*франц.*).

10. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
18 февраля ‹1882 г.›

Многоуважаемая Варвара Николаевна,

Только что вертлявая house-maid * моего нового жилища принесла мне кофе, и я попросил ее сбегать через улицу в № 21, где я жил до вчерашнего дня, и принести мне письма и газеты, если есть, а она мне говорит: «O yes, Sir, here are letters for you» **, и подает уже пересланные мне ваши два письма. Мне просто совестно, сколько я вам хлопот наделал с моей notice ***. Будет ли она вам годна на что-либо? В копии оказалось много неверностей и неразобранных мест (как и можно было ожидать), поэтому посылаю вам ряд поправок на этом же листке [1]. Для вашей notice они вовсе не нужны (кроме первой, может быть), но это уж дань педантической аккуратности. Если вы хотите, можете мне прислать оригинал, подчеркнув сомнительные или неразобранные места, и я вам верну с прибавкою четко написанных этих мест. Кто переписывал первые страницы?

Почему вы Хорвата называете Горватом? К чему ему была нужна телеграмма? Точно я к зулусам ехал или под огнем нескольких батарей пробирался. Из Парижа в Лондон ездят и для прогулки, хотя и на этом пустячном переезде могут постигнуть большие, очень, очень печальные потери... [2] Ну, да об этом говорить нечего. Расскажу вам лучше, как живу. У меня весьма просторная комната на солнце и на двор, на одной из самых тихих, хотя и центральных улиц Лондона. Сижу и пишу вам среди комнаты за столом весьма порядочного размера для меблированной комнаты, в достаточно мягких креслах. День для Лондона достаточно светлый. Хожу обедать во французский ресторан очень недалеко (ближе чем Trin от 328, St. Jacques) и плачу почти то же, что у Trin, только число кушаний меньше, но порции большие и изготовлено как будто лучше. В Музее [3] еще не был, но, может быть, пойду сегодня хлопотать о билете, так как старый билет у меня пропал. Очень благодарите Летурно, Ланесана и других за хлопоты обо мне. Я не верю, чтобы дело могло так скоро обделаться. К тому же я боюсь, чтобы мне не пришлось *просить* о возвращении, на что едва ли я решусь. Здесь мне все говорят, что, вероятно, придется.

Благодарю вас и за присланные газеты: смеялся я над статьями «Gaulois», но задумался над одною фразою,— правда или неправда, что мой девиз: «Rien ne m'est plus, plus ne m'est rien» [4]****. Вашу статью о Renan [5] я еще не прочел, потому что один приятель захватил ее прочесть и хотя принес мне вчера же вечером, но я не знаю, куда положил. Мне очень интересно знать, какое впечатление вообще произвело мое письмо (если произвело). Говорят, Times перепечатал [6]. Сегодня принимаюсь посерьезнее за работу, как только кончу письма.

Крепко жму вам руку. Поклон всем, кто помнит меня не лихом.

П. Л.

Ответ на п. 9

[1] На 3 и 4 страницах письма помещены «Поправки»—перечень исправлений ошибок в копии автобиографической справки Лаврова, всего 27 пунктов (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 39, л. 4 — 4 об.).

[2] При переезде из Парижа в Лондон у Лаврова пропал бумажник с дорогими ему письмами; видимо, это были письма А. П. Чаплицкой (см. п. 16).

[3] В читальном зале Британского музея.

---

* горничная (*англ.*).

** Да, сэр, тут есть письма для вас (*англ.*).

*** заметкой (*франц.*).

**** Ничто больше для меня не существует; то, что существует, для меня ничто» (*франц.*).

[4] Девиз Валентины Миланской (1364—1408), жены герцога Орлеанского, убитого в 1407 г.; вдова была безутешна и спустя год умерла от горя.

[5] Никитина написала для «La Justice» статью о Ренане: «M. Renan et le christianisme» (помещена 15 февраля 1882 г.).

[6] «Times» напечатал письмо Лаврова в изложении своего парижского корреспондента: «Французское правительство, заявляет Лавров, действовало в соответствии со своим положением, хотя и в вопиющем противоречии с девизом, расклеенным на стенах Парижа. Оно желает дать Российской империи свидетельство своей дружбы, однако последняя может не оценить этого или же потребовать новых уступок. Все же его, Лаврова, изгнание послужит уроком для французов, верящих в постепенное и мирное преобразование своей страны. Лавров с иронией благодарит правительство за то, что оно не посадило его за решетку или не препроводило к границе в наручниках, как это произошло 28 месяцев назад с несколькими его друзьями, которые столь же мало были причастны к французской политике, как и он. Лавров надеется, что его изгнание побудит многих французов внести свое имя в подписной лист фонда помощи жертвам русского деспотизма — фонда, который будто бы был причиной его высылки, — и тем самым каждый честный француз получит возможность протестовать против раболепства перед деспотическим и тупым правительством. Лавров верит, что республиканцы-радикалы рано или поздно примкнут к социальной революции, вынужденные к этому той исторической необходимостью, которая заставляет правительства, какими бы либеральными они ни прикидывались, изобличать республиканский либерализм, который они якобы исповедуют» («Times», 15 февраля 1882 г.; *перевод с английского*).

11. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

〈Париж〉 Воскресенье 〈19 февраля 1882 г.〉

Дорогой Петр Лаврович, прежде всего горячо вас благодарю за дружеские строки, только что полученные, за подробности о вашем житье-бытье в Лондоне. Я имею *твердую* надежду, что оно не продолжится, что вы вернетесь к вашим парижским друзьям без всяких просьб и démarches * с вашей стороны, c'est moi qui vous le dit, homme 〈de〉 si peu de foi **.

А теперь вот в чем дело. Я написала два биографических очерка и хотела сегодня же вечером отвезти один, более серьезный и подробный, в «Justice», но вдруг на меня напал страх. А что, если я сказала что-нибудь, что в каком-〈нибудь〉 отношении может вам повредить или просто быть неприятным? Это было бы слишком больно,— я надеюсь никогда не причинить вам и тени неприятности. Вот что я придумала. Очень важно, чтобы биография ваша появилась как можно скорее. Clemenceau этого желает, а к тому же в четверг в Камере будет поднят вопрос о вашем деле, как вы это увидите из прилагаемых вырезок из журналов. Если вы ничего не найдете вам вредного или неприятного в статье, пожалуйста, немедленно известите телеграммой,— тогда я могу завтра же вечером отвезти ее Clemenceau, а во вторник другую Рошфору [1]. Il est bien entendu ***, 〈что〉 вы вовсе не имеете права de gêner la liberté de mes appréciations personnelles**** и отнять у очерка жизнь и интерес, выпуская все характеристическое. Обратите внимание на место, где я говорю о ваших сочинениях—оно меня более всего тревожит, не может ли это повредить журналам, где вы писали, а главное печатанию вашего нового труда, от которого, вы знаете, в каком я восторге [2]. Я бы себе никогда не простила этого. Может быть, лучше вовсе не упоминать об «Опыте мысли»? Летурно вчера вечером читал биографию и нашел ее очень занимательной.

Я все это время так занята вами, дорогой Петр Лаврович, что еще не вполне *осязаю*, так сказать, той пустоты, которую ваш отъезд оставил 〈в〉 нашей жизни; она нахлынет 〈на〉 меня, я знаю, с тем большей силою, когда отвезу мои статьи и вернусь к обычным занятиям. Эти два дня я сов-

---

* хлопот (*франц.*).

** это я вам говорю, маловер (*франц.*).

*** Само собой разумеется (*франц.*).

**** ограничивать свободу моих личных оценок (*франц.*).

сем не выходила, так была поглощена моими очерками. Я писала со страхом и трепетом,—с одной стороны, страх повредить вашему возвращению, выставив вашу деятельность и вашу личность в настоящем свете,— с другой, страх уменьшить и то, и другое — не угодить вашей партии, не угодить вам,— желание, горячее желание, чтобы все вас поняли и оценили так, как я вас ценю. Как видите, сложный психологический процесс.

Девиз Valentine de Milan, приложенный к вам в «Gaulois», остановил и мое внимание, но впечатление было неодинаково. В вас он вызвал сомнение, во мне — негодующий протест. Я верю в вашу живую душу — не будь ее, вы бы не были тем, ⟨кто⟩ вы есть. Всей душой преданная вам

В. Никитина

Лиза очень кланяется. Первая страница переписана Глебовой [3].

Ответ на п. 10.

К письму приложен текст очерка Никитиной о Лаврове — рукопись на французском языке, без начала (см.: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 329, л. 15—17 об.).

[1] Анри Рошфор (Rochefort; 1830—1913)—французский публицист и общественный деятель. В 1880-е годы был членом Палаты депутатов, принадлежал к крайней левой. Редактор газеты «L'Intransigeant», основанной им в 1880 г.

[2] «Опыт истории мысли»—философский труд всей жизни Лаврова; он должен был охватить историю человеческого общества, эволюцию общественных форм и их влияние на развитие мысли. В 1876 г. в «Невском сборнике», т. I, появилась (с подписью: П-ов) статья Лаврова «Несколько мыслей об истории мысли». Через четыре года были опубликованы его «Очерки систематического знания» — журн. «Знание», 1871, № 11; 1872, № 1 и 3 (подпись: П. М-в). Затем была напечатана книга: «Опыт истории мысли», т. I, вып. I (СПб., 1875, без указания автора; первоначально в журн. «Знание», 1874, № 1, 2, 8 и 9). В связи с цензурными трудностями издание не было продолжено. Лавров решил перенести издание этого труда за границу, где были выпущены: «Опыт истории мысли нового времени», т. 1, ч. 1—2. Женева, ⟨1888⟩ — 1894; «Очерк эволюции человеческой мысли». Женева, 1898. Следующей в этом ряду явилась книга: С. С. Арнольди (псевдоним Лаврова). Задачи понимания истории (М., изд. М. М. Ковалевского, 1898). Посмертно вышел труд, также изданный М. М. Ковалевским,— «Важнейшие моменты в истории мысли» (под псевдонимом А. Доленги). М., 1903.

[3] Первая страница копии автобиографической справки Лаврова. О Глебовой см. п. 8, примеч. 4.

12. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
20 февр⟨аля 1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Только что получил ваше письмо со вложенной статьей и спешу написать, что там есть маленькие неточности, которые необходимо исправить, тем более, что биография, данная вами, будет принята, как писанная по данным, доставленным мною. Я нахожу ее чрезмерно, совершенно чрезмерно [похвальной] хвалебной. Вы мне запретили до этого касаться, хотя нахожу, что хваля излишне, мы невольно вызываем в читателях желание унизить хвалимого.

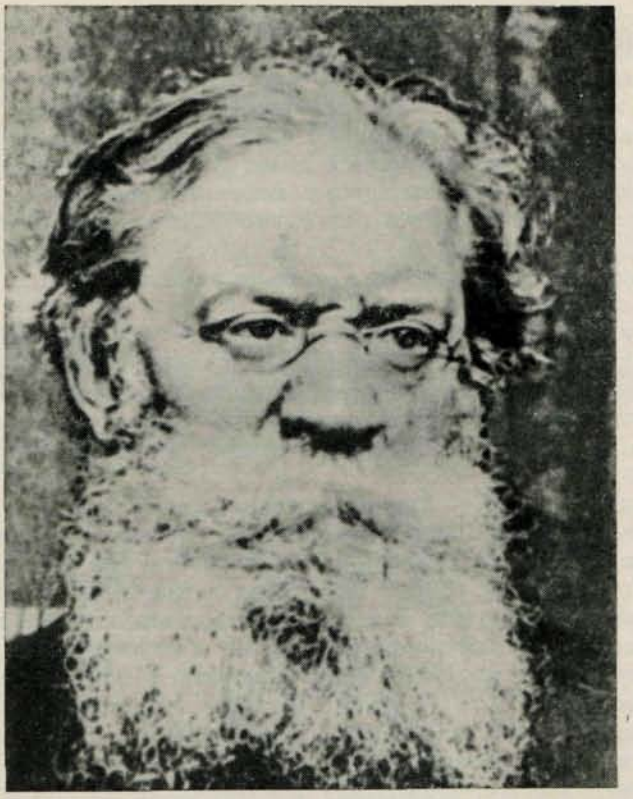
Вот неточности:

1) Я был не только редактором философского отдела, но главным редактором всего Энциклопедического словаря со второго тома [1].

2) Я просидел 9 месяцев в *предварительном* заключении, а не в наказание. 3 месяца, на которые меня осудила военно-судная комиссия, были отменены аудиториатом, ввиду имевшего место 9-месячного заключения. Сидел я не в крепости, а в ордонансгаузе. Можно просто сказать prison *.

3) Никакого великого князя не было в следственной комиссии и никакой немец не допрашивал меня. Допрашивал меня сенатор Бэр [2] и очень

* тюрьма (*франц.*).



П. Л. ЛАВРОВ
Фотография, 1890-е годы
Архив «Литературного наследства», Москва

любезно. Это совершенно необходимо поправить, да и нужно ли приводить ваш анекдот?

4) Пожалуйста, измените то, что вы написали о Тотьме. По многим причинам это мне неудобно и неприятно. Во-первых, ничего такого и не было, и Тотьма не рисковала никогда обратиться в «foyer révolutionnaire»*. Во-вторых, меня вовсе не удалили оттуда насильно, а перевели с моего желания в Вологду. Из Вологды же в Кадников насильно выслали уже потом, через месяц, ⟨так что⟩ я не имел времени и в Вологде организовать «foyer révolutionnaire». В-третьих, у меня есть личные причины не желать вызывать в памяти разных лиц некоторые факты этого времени. Не напирайте на мое пребывание в Тотьме, а упомяните об этом мимоходом [3].

5) Место, где вы говорите о разнице моей теории от Бакунина, вообще не точно, и я не желал бы, чтобы на это смотрели так, как бы ⟨на⟩ признанное мною. Я никогда не был против «moyens violents»**, то есть против насильственной революции, только я настаивал, что ее надо подготовить, а не предполагать, что к ней все готово в России. Я считал всегда, что приобретение знаний революционером есть одно из подготовлений к энергической деятельности (пропагандистской, агитационной или организационной), а нисколько не рассчитывал на «*долговременное* изменение идей,

* революционный очаг (*франц.*).
** насильственных действий (*франц.*).

чувств и привычек». Может выраженное вами очень часто высказывалось, но я внутренне протестовал против него и очень не желал бы, чтобы думали, что я сам так смотрю на свою деятельность.— Последние события, когда в 1878 г. «la lutte y revêtait un caractère plus acharné» *, происходили вне влияния Бакунина (умершего в 1876) и моего. Колебания в отношении нашего влияния относились лишь к 1873—75 годам [4].

6) Лучше бы место о моих курсах (которые я читал в Цюрихе и в Париже, но не в Лондоне) сделать несколько бледнее. Оно достаточно верно для Цюриха, но вовсе не верно для Парижа, где сначала ко мне относились более оппозиционно, да и никогда не были так симпатичны, как вы говорите [5].

7) Фразу «dissentiments dans la rédaction» ** надо изменить. Я был *единственным* редактором. Но группа, поддерживавшая «Вперед» *в России*, не захотела продолжать *газеты* и высказала некоторое неудовольствие по некоторым пунктам ведения дела. Тогда я передал редакцию и вышел. Выразитесь тут особенно осторожно, вследствие разных личных отношений [6].

Теперь еще замечания другого рода:

1. Упоминание о моей деятельности под псевдонимами я считаю возможным и не опасным. Для полноты биографии (не для ваших статей) прибавлю уточнение, что около 60-го года я прочел в Пассаже в Петербурге три лекции о значении философии в настоящее время, которые были *первыми* лекциями, публично читанными по этому предмету в России вне духовных заведений со времени запрета курсов философии в университетах Николаем I, кажется, ⟨в⟩ 1849 г. Лекции привлекли многочисленную публику и были напечатаны особой брошюрой (она есть в переплетенном сборнике у вас, и год ее выхода я вас попрошу мне сообщить) [7]. Находите ли вы нужным умолчать, что я, будучи в Брюсселе и в Лондоне, хлопотал о Коммуне? Также, что я говорил речь о Коммуне и напечатал о ней брошюру? [8] Если вам посоветовали эту политику, то я, конечно, в нее не мешаюсь.

Извините, что я прибавляю вам работы, но я очень благодарен вам, что вы спросили меня. О запрещенной области прибавлю еще: не слишком ли хвалебно?

Употребляйте более прочные конверты. Письмо пришло с оторванным углом и с весьма поврежденным конвертом.

Не верю скорому возвращению, и Энгельс, у которого я вчера провел вечер, разделяет мои сомнения [9]. Угодить и мне, и нашей партии, и читателям во Франции, и наблюдателям в России — почти ⟨?⟩ невозможно. По-моему, *опасность* никогда не следует брать в соображение.

Жму крепко руку. Поклон всем.

П. Л.

Ответ на п. 11.

[1] «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861—1863 гг.), выходил под общей редакцией А. А. Краевского, а со второго тома — П. Л. Лаврова; всего вышло шесть томов (буквы А — Е). Словарь был запрещен после ареста поэта М. Л. Михайлова, редактора отдела словесных наук, и некоторых других сотрудников словаря.

Об этой деятельности Лаврова П. Д. Боборыкин потом писал: «Он считался тогда в Петербурге самым замечательным энциклопедистом и по философии, и по истории точных знаний, и по общей истории, и по общественным наукам» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. I. М., «Художественная литература», 1965, с. 384).

[2] Борис Иванович *Бэр* (1805—1869)—сенатор, тайный советник. Следствие по делу о полковнике П. Л. Лаврове велось следственной комиссией под председательством М. Н. Муравьева.

---

* «борьба приняла там более ожесточенный характер» (*франц.*).

** «разногласия в редакции» (*франц.*).

[3] В Тотьме, уездном городе Вологодской губ., Лавров находился с 17 февраля до 29 августа 1868 г., а затем по его просьбе (со ссылкой на расстроенное здоровье) он был переведен в Вологду. По словам М. П. Сажина, жившего тогда в ссылке в Вологде, «в Тотьме Лавров был центром тамошней ссылки. На его квартире очень часто собиралась вся ссылка, приходили, кроме того, учителя и некоторые из местных жителей» (М. П. Сажин. Воспоминания 1860—1880-х гг. М., 1925, с. 29). В Тотьме Лавров занимался главным образом научно-литературной работой.

[4] Позднее, в 1895 г., Лавров так сформулировал расхождения между бакунистами и лавристами: «...возникли две враждебные фракции. «Вперед» появился с программой рабочего социализма, выставив задачу «подготовления» социальной революции в России...», а бакунисты проповедовали, «во имя анархического социализма непосредственное обращение к революционным приемам, отрицая более или менее медленные меры «подготовителей» (П. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 года. Гл. 1—2. ⟨Париж⟩, 1895, с. 51). Об отношении Лаврова к «насильственным действиям» свидетельствуют следующие его слова из письма к Е. А. Штакеншнейдер от 10/22 октября 1871 г.: «Но для тех, кто истинно желает прогресса человечеству, кто знает, что лишь на пути социального переворота этот прогресс в настоящем возможен, кто привык всматриваться глубже в ход истории и не пугается некоторого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества, для того Парижская Коммуна — одно из замечательнейших явлений истории, один из интереснейших и убедительнейших ответов» («Голос минувшего», 1916, № 7-8, с. 134—135).

[5] В конце 1872 г. Лавров начал читать в Цюрихе курс лекций «Задача истории мысли» для русских студентов (в 1872 г. в Цюрихе было более 200 человек русской учащейся молодежи). Всего им было прочитано четыре лекции, которые пользовались большим успехом. По поводу одной из этих лекций В. Н. Смирнов писал А. С. Бутурлину 30 декабря 1872 г. из Цюриха: «Сегодня была вторая и последняя лекция П. Л. о славянах. Народу набралось еще больше, чем в прошлый раз. ⟨...⟩ Лекция произвела потрясающее впечатление; долго и много рукоплескали ему взволнованные слушатели, и не одному десятку из них запали глубоко в душу страстные речи о том, что отжила свой век старая буржуазная цивилизация, что пришла пора нового порядка вещей, что задача полного социального переворота поставлена и что каждый должен способствовать ей всеми силами, каждый должен готовиться к ней, воспитывая в себе беззаветную преданность делу, вырабатывая критическое мышление и набирая возможно больше положительных знаний» (ЦГАОР, ф. 1737, оп. 1, ед. хр. 26, л. 33 об.— 34).

В Париже в 1877 г. Лавров читал у себя на квартире, а потом в русской библиотеке на улице Паскаль лекции для русской эмигрантской молодежи по вопросам теории социализма и истории мысли; на этих лекциях бывало до 20—30 человек.

[6] Лавров вышел из редакции «Вперед» вследствие своих расхождений с петербургским кружком лавристов, инициатором издания, финансировавшим и распространявшим его в России. В декабре 1876 г. петербургские лавристы созвали в Париже съезд, на котором делегатами от петербургского кружка были Л. С. Гинзбург (1851—1918) и ближайший помощник Лаврова в редакции «Вперед», Валериан Николаевич Смирнов; делегатами из Лондона были А. Л. Линев и Лавров, как редактор «Вперед», из Киева — К. И. Гриневич, из Одессы — Г. А. Попко (*Архив В. Смирнова*, т. I, с. 211). На съезде Лавров потребовал придания газете более политического и боевого характера. Но делегаты из России предлагали на первый план выдвигать пропаганду и агитацию в народе, а также ставили вопрос о замене двухнедельной газеты «Вперед» двухмесячными сборниками (см. недатированное письмо Л. С. Гинзбурга в редакцию «Вперед» от мая — июня 1876 г.— *Архив В. Смирнова*, т. II, с. 309). На съезде Лавров заявил о своем выходе из редакции.

Н. С. Русанов, близко стоявший к Лаврову в последние годы его жизни, писал потом, что «Лавров был сам настроен много крайнее своих учеников, особенно тех, которые группировались в России вокруг умного, но отнюдь не революционного Г⟨инзбурга⟩, к 1877 году превратившего окончательно лавристов в партию культурников с легкой социальной прожилкой» (Н. С. Русанов. П. Л. Лавров.—«Былое», 1907, февраль, с. 274).

[7] 22, 25 и 30 ноября 1860 г. Лавров прочитал в зале Пассажа в Петербурге три публичных лекции в пользу Литературного фонда «О современном значении философии», в которых развивал идею о единстве знания, творчества и мысли. Лекции были напечатаны в «Отечественных записках» (1861, № 1) и вышли отдельным изданием — «Три беседы о современном значении философии». СПб., 1861. Посвящено А. Г⟨ерцену⟩ и П. П⟨рудону⟩. Лекции Лаврова, по словам, Е. А. Штакеншнейдер, имели огромный успех: «...сегодня это был уже не успех, а триумф. Вызовам и восторгу конца не было» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.— Л., 1934; запись 30 ноября, с. 275).

Кафедры философии в русских университетах были закрыты в 1849 г. вместе с кафедрами государственного права европейских держав.

[8] Лавров отправился из осажденного Парижа в начале мая 1871 г. в Брюссель, где выступил перед бельгийским федеральным советом Интернационала. Он сообщил о

критическом положении коммунаров и предложил устроить несколько крупных манифестаций рабочих на французской границе; с тем же он обратился в Лондоне к Марксу. Лавров указывал позднее: «Имея в виду содействие коммунарам, я по своей инициативе поехал в Лондон и Брюссель, когда уже дела Коммуны шли плохо (я, однако, сообщил об этом Варлену и его товарищам)» (А. Т у н. История революционных движений в России. Л., 1924, Приложение II, с. 178).

Речь о Парижской Коммуне Лавров прочитал у себя на квартире в 1879 г., в годовщину Коммуны. Его брошюра —«18 марта 1871» (Женева, 1880).

[9] Лавров был у Энгельса 19 февраля 1882 г., что подтверждается письмом Энгельса к нему от 18 февраля (см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 35, с. 227).

13. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Четверг ‹23 февраля 1882 г.›

Посылаю вам, дорогой Петр Лаврович, сегодняшний номер «Justice» с вашей биографией. Прошу вашего снисхождения и умоляю помнить одну вещь: пишете ее не *вы* и даже не член какой-нибудь партийной группы, а вольный застрельщик, человек, стоящий в стороне и только лично ответственный за свои мнения. Никому в голову не придет приписывать вам *мои неразумные суждения*.

Статья была уже *composée* (набрана?), когда я получила ваше письмо,— я сделала на корректуре все желаемые вами изменения, насколько было возможно. Как я вижу, вы бы все живое и интересное выбросили из скромности и остался бы один голый перечень фактов.

Биографией остались очень довольны в «Justice» и не согласились напечатать несколько строк, в которых «l'auteur entend assumer la responsibilité toute entière des appréciations sur le rôle politique et les doctrines de Mr L‹avroff›» * (я думала сделать этим вам угодное). Сказали, что редакция вполне разделяет все мною сказанное. Имени своего я не подписала,— оно очень уж известно в русском посольстве.

Прибавить о Коммуне было бы очень неполитично, а о лекциях ‹по› философии нашла лишним,— по их мнению и так уже было, вероятно, assez de faire scientifique» **. Вы забываете, что я пишу во французских журналах и для французской публики,— поневоле приходится к ней применяться. Русские, читающие вашу биографию, должны помнить, что она не так написана, как бы следовало для русской публики.

Во всем этом я имею одно утешение — Белоголовые, у которых я хотела справиться насчет подписки в «Голосе», читали оба очерка в рукописи — я желала знать мнение и впечатление ваших лучших друзей [1]. Они остались вполне довольны — нашли, что ваша нравственная личность удачно и верно схвачена, а также разница между вашим направлением и направлением Бакунина. Впрочем, в этом случае меня ввело в заблуждение одно место, написанное вами же в биографических документах, вероятно, дурно мной понятое. Старалась его изменить,— знаю сама, что неудачно. Enfin, je vous ai peint selon le coeur des vos meilleurs amis et le mien et je suis résigner pourtant ***.

Что касается другого очерка, il a eu lieu des péripéties!**** Проездившись два раза в Neuilly, я увидела, наконец, фразерку Donan. Оказалось, что это она говорила по внутреннему убеждению, а вовсе не по поручению редакции «Intransigeant». Дала мне письмо к Rochefort и после двух дней, проведенных в побегах за ним, вчера утром он лично принял статью, обе-

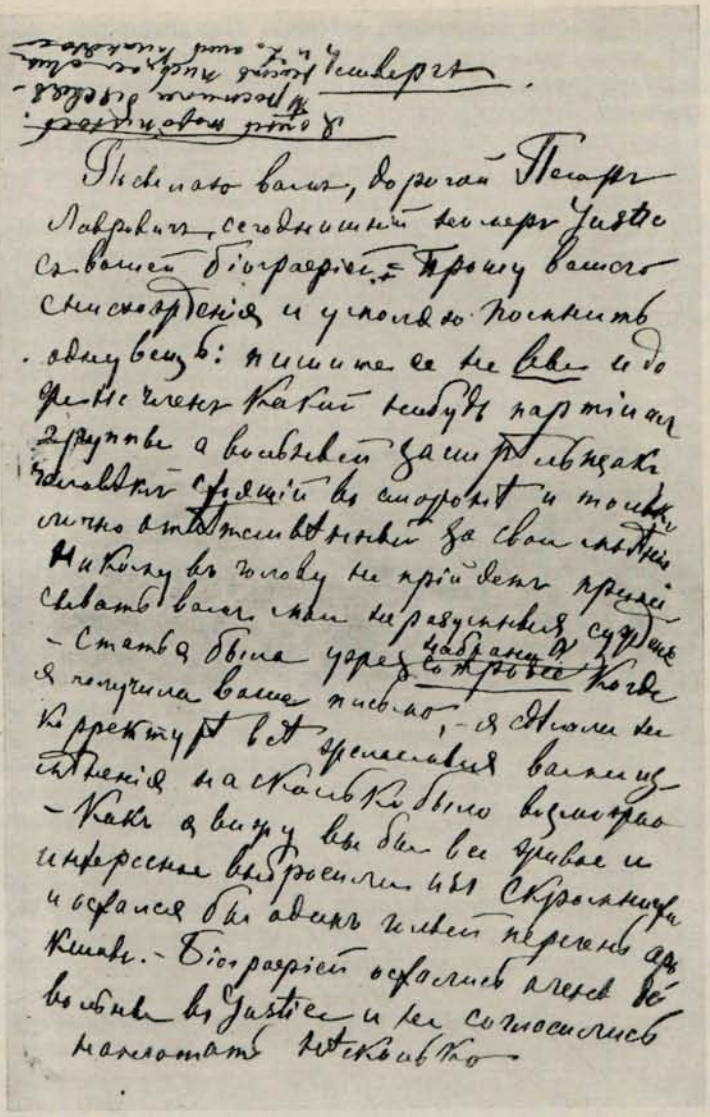
---

* «автор готов взять на себя всю ответственность за оценку политической роли и научных теорий г. Л‹аврова›» (*франц.*).

** достаточно заниматься наукой (*франц.*).

*** В конце концов, я показала вас, следуя велению сердец ваших лучших друзей и своего, и я смирилась (*франц.*).

**** тут были всякие осложнения! (*франц.*).



ПИСЬМО В. Н. НИКИТИНОЙ к П. Л. ЛАВРОВУ
Париж, 23 февраля 1882 г.
Автограф, лист первый
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

щая торжественно, что она появится *завтра*, то есть сегодня, в один день со статьей «Justice». Вчера же вечером я вхожу в редакцию его с намерением сказать, чтобы не подписывали моей фамилии, слишком известной русскому посольству (мне это все советовали, и вы видите, что я сочинила какое-то неподобное русское имя по требованию Constant), и мне вдруг объявляют, что Rochefort, сам приказавший ⟨на⟩ днях напечатать статью, только что прислал телеграмму pour ne pas le faire passer...* Статья была набрана, и мне подали корректурные листы. Я ее, не долго думавши, свезла в «Citoyen» [2], где ее приняли как манну небесную, но уже было позд-

* чтобы ее не пускали (*франц.*).

но, для того чтобы она появилась сегодня. Появится завтра. Вы будете еще более недовольны,— назначенная для пустого «Intransigeant», она нечто вроде crème fouettée *. Пришлите, если можете, скорее отпущение в грехах вашему бедному, очень измученному биографу.

Крепко жму вашу руку. Недостойная ваша почитательница

В. Н.

[1] О Н. А. *Белоголовом* см. наст. том, с. 429. Жена Белоголового — Софья Петровна.

[2] «Le Citoyen»— ежедневная социалистическая газета, выходила под разными названиями в Париже с 1881 по 1884 г.; в состав редакции входили Ж. Гед, П. Лафарг, Б. Малон и др. Очерк Никитиной был напечатан в газете под заголовком «L'éxpulsé» («Изгнанник»), 26 февраля 1882 г.

14. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон›. 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
24 февраля ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна.

Пишу вам в настоящий лондонский день. Теперь 10 часов, а я только что потушил свечу и не могу сказать, чтобы совершенно четко разбирал собственные буквы: лондонский туман. Тому час как я получил ваше письмо, но «Justice» еще не получил. Само собою разумеется, что я и не прочел статьи в окончательной форме, знаю, что мне приходится только поблагодарить вас за ваши добрые желания, за незаслуженные похвалы и особенно за громадные хлопоты, которые я вам доставил: я с ужасом думаю, что́ делается с вашими переводами в эти две недели. Но и вы не обвиняйте меня слишком в мелочности, в привязчивости к словам, в филистерстве. Я был только против тех отзывов, которые заключали прямо неверные данные, а так как вы, моя короткая знакомая, могли получить эти данные только от меня, то я имел основание думать, что мне припишут частью и даже в значительной мере неточности, встречавшиеся в первом очерке. Относительно разногласия с Бакуниным я в своем очерке написал так, как мог бы написать человек, стоящий совсем в стороне: что *бакунисты находили* мои стремления недостаточно революционными,— не высказывая, как это *было действительно*. Я думаю, что читавшие «Государственный элемент» и «18 марта» в этом отношении сомнений иметь не могут [1], а я в этих произведениях ни на шаг не отступил от того, что писал в передовых статьях газеты «Вперед» и в главных статьях журнала «Вперед» до того.

О допросе великим князем, о грубости допроса с моей стороны рассказывать было бы чистой ложью. Относительно сочувствия публики на моих лекциях в Париже в 1877 и 1878 годах может говорить лишь тот, кто на них не был. Я сблизился более с парижским обществом лишь с дела Гартмана [2], да и то... Что касается до моей «пропаганды» в Тотьме, здесь как раз живет один из свидетелей моей жизни там (тот самый, который написал мне любезное письмо, когда узнал о моей высылке, и написал после пяти лет разрыва) [3]. Ему будет смешно читать это, так как он отлично знает, как мало общественная деятельность играла роль в моей тамошней жизни: то был эпизод другого сорта. Я, сидя в ордонансгаузе, более агитировал, конспирировал и действовал общественно, чем из Тотьмы и вообще из ссылки, где моя общественная деятельность была чисто литературной. Это меня и заставило настаивать на изменениях, хотя мне и было совестно давать вам лишний труд. Я послал вам телеграмму об остановке статьи около 2 часов или ранее, в понедельник, и тогда же отдал на

---

* взбитых сливок (*франц.*).

почту письмо, которое, как я думал, вы получите во вторник утром и отвезете статью вечером. Ну, да дело сделано и об этом толковать нечего.

Вы советовались, вы говорите, с Белоголовыми. Ну, какие же они советники в деле человека партии? Они — прекрасные люди, мои очень хорошие приятели, и я думаю, что искренно любят меня, но они никак не могут стать мысленно на мое место как политического деятеля. Они подумают только о том, как бы *оберечь* меня. Но у меня, кроме обереганья, есть кое-какие другие, совсем иные интересы. Цакни был бы несравненно лучший советник, хотя он мне вовсе не очень близкий человек, да и в партии член вовсе не особенно деятельный, скорее скептик, но понимает, что́ значит принадлежать партии и быть в некоторой <?> степени ответственным за отзывы, которые вы хотя бы *допустили* [4]. Мне пришлось долго завоевывать то положение, которое я занимаю среди русских революционеров, завоевывать против холодности, нерасположения, подозрительности, прямого противодействия, и притом не делая никаких уступок в моих убеждениях. Рядом с той внешней рамкой моей деятельности, которую я дал в посланном вам очерке, не лишена значения внутренняя история развития этой деятельности, которую я как-нибудь, если будет время, напишу (я говорю о внутренней истории моей общественной деятельности, а не интимной жизни, до которой никому нет дела), и она, может быть, будет иметь свой интерес; во всяком случае, позволительно дорожить с моей стороны этим положением и не желать потерять его или снова поколебать его неосторожным поступком. Всяческие восхваления, излишнее выдвигание вперед, излишняя осторожность или отречение, хотя бы кажущееся,— это некоторых демагогов, даже второстепенных, может быть, в этом случае более восстановит, чем можно бы думать. Об осторожности этой и опасности некоторых неудобств мне и думать не следует. В этом случае прав <?> Щедрин в его последней статье, как раз присланной <?>: «Что с меня взять-то, подумайте! Ведь и измучить меня всласть нельзя — умру, только и всего» [5]. Мои истинные друзья должны это понимать, как я. Ну, да, вероятно, Кропоткин в английской газете осветит совсем иную сторону. Во всяком случае, так как вы знакомы с Цакни (Луцкого [6], который дает уроки у Глебовых, вы, кажется, мало знаете), то поговорите с ним (или с Луцким) при случае *от себя*, о впечатлении, произведенном вашей статьей на людей партии, и напишите мне. Только они едва ли вам откровенно выскажутся. Ну, да довольно об этом.

У меня есть к вам и другое дело. По старости и слабеющей памяти я не знаю, показывал ли я вам антропологическую статью — предисловие к переводу Тайлора, появившуюся, конечно, без моего имени [7]. Я теперь получил лишний экземпляр. Поговорите с Летурно: не было ли бы уместно, чтобы я послал эту книгу в Общество, при чем подноситель (им может быть и Деникер [8], если не побоится), может высказать à mots couverts *, что предисловие принадлежит члену Парижского антропологического общества, который не нашел удобным выставить свое имя, словом намекнуть, что оно мое. А если оно покажется вам годным (может быть, вы и читали его), оно может быть помещено вами в переводе у Lanessan'a или в «Revue Nouvelle» (?) [9]. Все-таки вам будет работа. Если Летурно найдет поднесение ненужным, то я, если вы пожелаете, пошлю книгу вам, в вашу библиотеку. Не посылаю сейчас, потому что, в случае поднесения, сделаю надпись на книге.

Ну кончаю. Жму вашу руку крепко, извиняюсь за длинное и неразборчивое письмо и прошу писать чаще: я здесь живу совсем одиноко. Даже привыкнуть трудно. Но привыкну.

П. Л.

---

* в завуалированной форме (*франц.*).

Сию минуту получил «Justice». Могу только еще и еще поблагодарить. Особенно за сделанные исправления. А все-таки поговорите с Ц⟨акни⟩ или Л⟨уцким⟩.

Ответ на п. 13.

[1] «Государственный элемент в будущем обществе»—«Вперед», т. 4, вып. 1. Лондон, 1876. О брошюре «18 марта 1871» см. п. 12, примеч. 8.

[2] В 1880 г. в Париже был арестован народоволец Л. Н. Гартман, участник покушения на царский поезд 19 ноября 1879 г. под Москвой; ему грозила выдача русскому правительству. Лаврову, в результате энергичной кампании среди французских радикалов и социалистов, удалось с помощью Жоржа Клемансо и Виктора Гюго добиться разрешения для Гартмана выехать из Франции.

[3] Александр Логинович *Линев* (1843—1918) — участник революционного движения 1870-х годов, по профессии инженер. После выстрела Каракозова был сослан в Тотьму, в 1872 г. эмигрировал; в Цюрихе и Лондоне заведовал технической частью редакции «Вперед».

[4] Николай Петрович *Цакни* (1851—1904) — член московского кружка чайковцев; по «делу 193-х» был выслан в Архангельскую губернию, откуда в 1878 г. бежал за границу. В 1887 г., получив разрешение вернуться в Россию, поселился в Одессе, занимался журналистикой. Мнение Цакни об очерке Никитиной сообщила Лаврову Е. Ф. Блонская (см. наст. том, с. 537—538).

[5] Н. Щ е д р и н. Письма к тетеньке. V. *ОЗ*, 1882, № 1, с. 270.

[6] Владимир Владимирович *Луцкий* (1854—1904) — морской офицер, член Морского кружка в Морской академии в Петербурге. В 1881 г. эмигрировал и жил в Париже.

[7] Эдуард Барнет *Тайлор* (Tylor; 1832—1917) — английский исследователь первобытной культуры. Его основной труд вышел на русском языке в переводе и с предисловием П. Л. Лаврова: «Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации)». Эд. Б. Тайлора. Перевод с английского д-ра И. С. Ивина. СПб., 1882. Предисловие было подписано «Редактор»; в предисловии даются краткие сведения о развитии антропологии, современных ее задачах, ее содержании, методах, отношении к смежным наукам. Русский перевод был первым переводом книги Тайлора на иностранный язык.

[8] Иосиф (Жозеф) Егорович *Деникер* (1852—1918) — антрополог, русский по происхождению; с 1877 г. жил и работал в Париже.

[9] «Nouvelle Revue»— журнал республиканского направления, основанный Жюльеттой Адан, выходил с 1879 до 1929 г.

15 НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 25 ф⟨евраля⟩ 1882

Благодарю вас, дорогой Петр Лаврович, за длинное ваше письмо, полное такого дружеского доверия.

Я вполне понимаю причины, заставляющие вас быть не совсем довольным моим очерком, но ⟨по⟩ймите и вы то психическое настроение, в котором я писала к вам в последний раз. Ведь больно было чувствовать, что я, несмотря на все горячее желание, не угодила вам. Я не теряла ни минуты из виду ваше политическое положение, только настаивать на вашей интернациональной деятельности находила крайне неудобным *теперь*, и уверена, что редакция «Justice» не допустила бы этого. Они в вашей биографии хотели иметь оружие, чтобы бороться с министерством, а не *давать* ему оружие. В первый раз на мой вопрос: пройдет ли моя статья intégralement *, мне ответили: «Nous ne pouvons nous engager à rien, surtout pour un article de ce genre dans ce moment» **. Это меня так испугало, что я обратилась к Pelletan с просьбой ничего не выбрасывать, его ответ был: «Je ferai mon possible» ***.

Я понимала, что если они выбросят некоторые места из осторожности, это вам будет крайне неприятно, так как вы и так уже найдете, что я недостаточно опирала на вашу революционную деятельность. Все-таки, мне

* полностью (*франц.*).

** «Мы в настоящий момент не можем давать никаких обязательств, особенно в отношении такого рода статьи» (*франц.*).

*** «Я сделаю все, что в моих силах» (*франц.*).

казалось, что о русской революционной деятельности я сказала все, что было возможно в коротенькой статье. Одну фразу, единственно для сокращения, они изменили: я говорю, что вы были «unique rédacteur de la revue «Avant» en même temps que principal collaborateur» *, — они поставили только последнее.

О впечатлении статьи на русскую часть публики, увы! — ничего не знаю. Французам она очень нравится. Летурно был на обеде вчера, где говорили, что «La Justice» ce matin a publié une charmante étude sur L⟨avroff⟩ **, но это вас мало интересует, да и меня также. Но поступок Rochefort заставил многих сильно призадуматься, и объясняют его многие самым неблаговидным образом, чуть ли не подкупом всех газет (которые можно купить) русским правительством pour ne pas faire ce tapage sur votre affaire ***. Я ему написала довольно резкое письмо, которое он, конечно, не удостоил ответом.

«Justice», как видите, продолжает воевать за вас,— посылаю вам вырезки из сегодняшнего номера. Прискорбно, что в Камере вопрос был поднят шутом гороховым — C. Hugues [1].

Я только вчера услышала от Глебовых о вашей пропаже и меня это очень огорчило и встревожило. Что именно пропало? Бумаги ли важные, или листки вашего труда? Если последнее, не может ли это повлиять на появление его? Есть ли у вас копия? Как могли вы мне об этом не писать? Это проделка полиции, о которой бы стоило упомянуть в газетах.

Посылаю номер «Le Citoyen», в котором напечатана статья (еще, конечно, более легкая и пустая), назначавшаяся для «Intransigeant», но ведь разве «Intransigeant» принял бы иную? При первой возможности постараюсь выведать у Цакни, что будет можно, и вам сообщу.

Письмо ваше в «Justice», как вы знаете, конечно, было хоть частью перепечатано почти всеми радикальными газетами, оно, я слышала, многим очень понравилось. Переписывала первые страницы вашего очерка Варвара Николаевна Г⟨лебова⟩, вызвавшаяся помочь Лизе.

До свиданья, надеюсь до скорого, писать буду часто, иначе было бы уж очень грустно,— без вас так холодно и пусто. А вы пишите, когда имеете свободное время.

Всей душой ваша В. Н.

К письму приложено письмо Е. Ф. Блонской:

Многоуважаемый Петр Лаврович. Только что был у нас Цакни и Варя с ним много говорила о вашей биографии, в таком духе, как вы желали. Он не разделяет вашего мнения и даже находит, что и так много пропустили из вашей революционной деятельности и что настаивать более было невозможно, не принеся вам, да и партии, вреда без всякой взамен пользы. И он и другие находят, что о Коммуне не следовало упоминать, не давая этим оружия министерству против русских. Вообще они очень благоразумны. Что же касается вашего влияния на движение русское, он вполне разделяет мысли Вари, касающиеся времени вашего пребывания за границей; но он находит, что *она*, лично *она*, не жившая *тогда* в России и не принадлежавшая к партии, преувеличила значение вашего влияния в ту эпоху. Вот вам точные и искренние его замечания. Теперь напишите откровенно,— хотите ли, чтобы в «Justice» напечатали вскрытие вашего чемодана и пропажу бумаг? Варя похлопочет. Какие они подлецы!

Летурно советует вам послать ваш труд в Антропологию, а если вас затрудняет поручить это дело Деникеру, он охотно предлагает свои

---

* единственным редактором журнала «Вперед» и одновременно его главным сотрудником (*франц.*).

** сегодня «Justice» напечатала прелестный очерк о Л⟨аврове⟩ (*франц.*).

*** чтобы не подымать такого шума вокруг вашего дела (*франц.*).

услуги. Адресуйте тогда книгу ему. Docteur Letourneau. Boulevard S.-Michel 70. Постарайтесь, чтобы он получил ранее четверга.

Нам очень, очень грустно без вас. Варя не решилась ни разу пройти по S.-Jacques — так тяжело вспоминать, что в вашей уютной келии нет того, кто ее одушевлял. Но есть надежда, что вы скоро вернетесь. На днях должен был писать к вам Talandier[2], объясняя виды и мнения лисы Freycinet.

До скорого свидания, добрейший Петр Лаврович. Всегда располагайте нами.

Л. Блонская

Ответ на п. 14.

[1] Кловис *Гюг* (1851—1907) — французский поэт, публицист и политический деятель, участник Парижской Коммуны; был приговорен к тюремному заключению. С 1881 г.— депутат от департамента Буш де Рон. 24 февраля, на заседании Палаты, при обсуждении проекта изменения закона 1849 г. об иностранцах, Гюг заявил: «Человек изгнан: этот человек, этот иностранец, который давно уже принес в жертву свою жизнь и свою свободу, может быть, сам по себе, в том смысле, что он лишь случайно участвовал в революции, не заслуживает, чтобы вопрос о его изгнании был вынесен на эту трибуну; но когда во Франции нарушают право гостеприимства, когда иностранца высылают из Франции при правительстве, которое именует себя демократическим, когда изгоняют человека, поверившего в наше гостеприимство, то посягают на свободу, посягают на самый принцип республики. Впрочем, мы принадлежим к тем, кто полагает, что для Франции не существует иностранцев» («Revue des deux Mondes», t. 50, 1 апреля 1882 г., p. 657; перевод с французского. О Гюге см. также п. 29).

[2] О Таландье см. п. 17, примеч. 1.

16. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

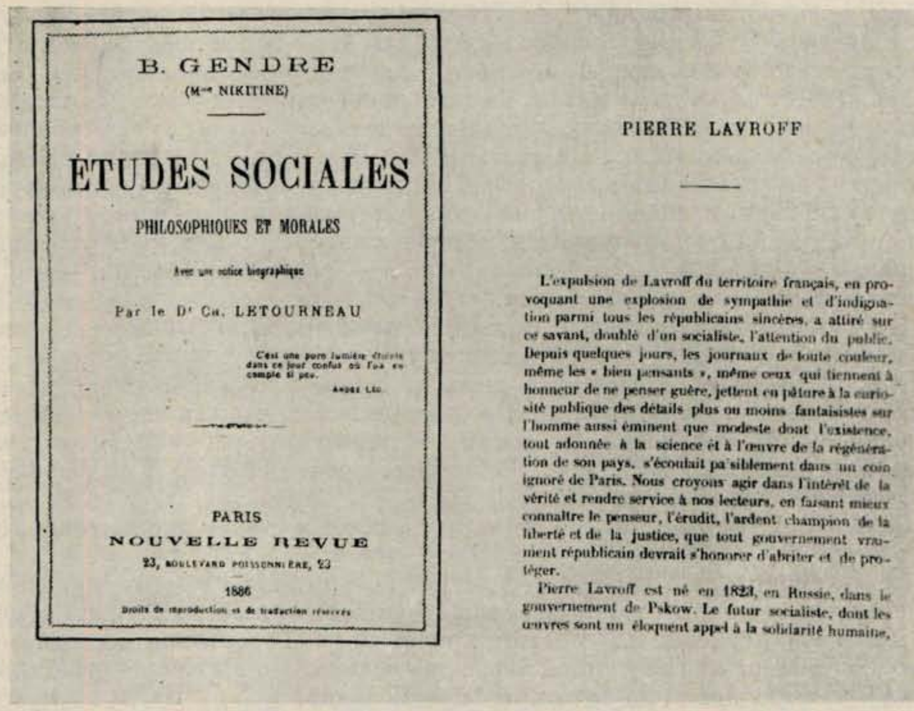
‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
28 февраля ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Не знаю, с чего вы берете, что я недоволен вашими статьями. Во всей моей довольно долгой жизни никто и никогда меня так не хвалил печатно, никто и никогда так решительно не выступал за меня, а я еще буду недоволен! Мне совестно читать такие хвалебные статьи, но вот и все. Мое прошлое письмо было написано под впечатлением, что вы не имеете в виду сделать все исправления, которые я просил сделать, а вы сделали все. Посланный вами номер «Justice» с вашей статьей я получил, когда письмо уже было написано и мне ‹оставалось› только прописать в углу мою благодарность за сделанные поправки. Я совершенно понимаю, что «Justice» в данную минуту не могла печатать о некоторых сторонах моей деятельности, а, как теперь подумаю, из-за чего мне было хлопотать и относительно членов партии? Точно я действительно особенно дорожу мнением Ашкинази[1] и tutti quanti! Ведь никто из моих сторонников,— даже тогда, как у меня они были, специально отличавшиеся кличкою, и когда их личный интерес вызывал бы их выступать за меня,— не выступали в минуты гораздо серьезнейших и прямых обвинений![2] Нечего думать о пустяках...

В вашей статье в «Citoyen», за которую я вас тоже очень благодарю, есть место, которое заставило меня улыбнуться, но его неверность могут заметить лишь крайне немногие люди, оставшиеся из моих знакомых петербургского периода. Но эти едва ли прочтут «Citoyen», да и много ли их вообще осталось. Поправку делаю собственно для вас, так как она важности не имеет. Никаких «hautes relations» * у меня никогда не бывало, термин «l'aristocratique colonel» [3]** вызвал бы улыбку во всех моих знакомых и моя «fortune» *** принадлежала к очень умеренным [4]. Между

* «связей в высшем обществе» (*франц.*).
** «полковник-аристократ» (*франц.*).
*** «обеспеченность» (*франц.*).



B. GENDRE
(Mme NIKITINE)

ÉTUDES SOCIALES
PHILOSOPHIQUES ET MORALES

Avec une notice biographique

Par le Dr Ch. LETOURNEAU

C'est une pure lumière [illegible] dans ce jour confus où l'on en compte si peu.
ANDRÉ LÉO

PARIS
NOUVELLE REVUE
23, BOULEVARD POISSONNIÈRE, 23
1886
Droits de reproduction et de traduction réservés

PIERRE LAVROFF

L'expulsion de Lavroff du territoire français, en provoquant une explosion de sympathie et d'indignation parmi tous les républicains sincères, a attiré sur ce savant, doublé d'un socialiste, l'attention du public. Depuis quelques jours, les journaux de toute couleur, même les « bien pensants », même ceux qui tiennent à honneur de ne penser guère, jettent en pâture à la curiosité publique des détails plus ou moins fantaisistes sur l'homme aussi éminent que modeste dont l'existence, tout adonnée à la science et à l'œuvre de la régénération de son pays, s'écoulait paisiblement dans un coin ignoré de Paris. Nous croyons agir dans l'intérêt de la vérité et rendre service à nos lecteurs, en faisant mieux connaître le penseur, l'érudit, l'ardent champion de la liberté et de la justice, que tout gouvernement vraiment républicain devrait s'honorer d'abriter et de protéger.

Pierre Lavroff est né en 1823, en Russie, dans le gouvernement de Pskow. Le futur socialiste, dont les œuvres sont un éloquent appel à la solidarité humaine,

КНИГА В. Н. НИКИТИНОЙ «ЭТЮДЫ СОЦИАЛЬНЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ»
Париж, 1886
Обложка и начало статьи «Петр Лавров»

«Современником» и мною лежала черта литературного несогласия. Мне их «свистопляска» не нравилась, так как я этому жанру не сочувствовал никогда [5], хотя в настоящее время, умудренный годами, признаю его практическую силу и раза два-три (против де Роберти, например) сам сошел на эту почву [6]. Но тогда я был молод и более ожесточителен. С другой стороны, они, видя меня в рядах их литературных (хотя и не принципиальных) противников (в «Библиотеке для чтения» Дружинина, в «Отечественных записках» Дудышкина) [7] и находя в моих статьях слишком много *книжности* (это был всегда недостаток значительного числа моих работ), смотрели на меня подозрительно и помещали сначала совсем ругательные статьи, а потом весьма холодные, и их холодность погубила «Энциклопедический словарь» гораздо более, чем преследования (между нами сражений не было, но я всегда молчал, когда устанавливалась эта легенда, которая теперь, кажется, установилась) [8]. После падения «Современника» отношения изменились, и одним из больших внутренних удовольствий для меня было, когда Антонович, написавший против меня самую ругательную статью, сделался моим сотрудником [9]. Но уже тогда помочь делу было поздно.

Относительно дела о моих мешках и пропаже печатать не нужно. Я почти уверен, что это дело не полиции, а простых воров. Там лежали письма и бумаги очень старые, восходящие за несколько лет. Засунул я, помню, туда кое-какие давние письма и потому именно не желаю, чтобы это дело получило огласку. Воры, вероятно, уничтожили или уничтожат бумаги, для них не составляющие никакого интереса, но если поднять дело, и если бумаги еще существуют, то могут быть проданы с выгодой, а я, по правде сказать, имею самое смутное понятие о большинстве содер-

жания туго набитого бумажника. Но это о *большинстве*. Было там *кое-что* политического значения не имеющее, но для меня более дорогое, чем что-либо из всего, что у меня было и есть. Эта потеря *незаменима*. Она мне так тяжела, что мне даже писать о ней больно. Никаких усилий восстановить я не имею даже нравственного права делать. Словом, тут оборвалось нечто, чем когда-то жил... Но оставим это. Бумажник этот я при переездах всегда бросал в мешок, который был в руках, и теперь поручил положить туда. Но там, по неосторожности, которую долго объяснять, в этот мешок навалили очень трудные для переноски предметы и меня уговорили сдать в багаж. А я, в хлопотах, *забыл* — вообразите! *забыл*,— что в мешке бумажник, и сдал в багаж.

Когда я вам писал о девизе, приведенном «Gaulois», я был поражен тем, что перенес эту страшную потерю, точно будто это была только багажная <?> потеря. Не думаю, чтобы этот девиз мог означать отсутствие убеждений и решимости жить для них, но он выражает, что такая кора обросла около души, что личные радости и личные горести становятся уже тупыми орудиями и бессильны. Вот отчего, прочтя статью, я не решился сам себе ответить: так ли это?

Само собой разумеется, что об этом предмете я прошу вас не говорить ни с кем.

Об «антропологии» перепишусь с Деникером. Мне самому приятнее было бы, если бы это сделал Летурно (Деникер верно сглупит), но обойти Деникера неудобно по многим причинам [10]. Торопиться же нечего: в этот ли четверг или в будущий через две недели. Но вы мне не ответили: читал я вам или давал ли читать мое предисловие?

Вчера работал в первый раз при электрическом освещении в Музее: очень недурно и, кажется, что как будто не вредно. Работа идет, но придется выписывать из Парижа немало книг, которых здесь нет.

Будьте здоровы и сообщите мне о ваших работах. Поклон Лизавете Фоминишне и всем знакомым. Видели ли вы Хорвата? Не говорил ли он что о Подолинском? [11]

П. Л.

Ответ на п. 15.

[1] Михаил Осипович *Ашкинази* (1851—1914) — участник революционного движения 1870-х годов, с 1878 г. жил в Париже; переводчик на французский язык сочинений Льва Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина (псевдоним — Michel Delines).

[2] Лавров имеет в виду В. Н. Смирнова и других своих бывших сотрудников по редакции «Вперед» (см. также п. 12, примеч. 6).

[3] П. Л. Лавров вел свою родословную от служилого дворянского рода, известного с XVII века, но не принадлежащего к русской аристократии. Поместья отца Петра Лавровича, Лавра Степановича, находились в Псковской губернии.

[4] После смерти отца и старшего брата Лавров в 1852 г. унаследовал два имения в Великолуцком и Торопецком уездах Псковской губернии; хотя они давали мало дохода, он материально не нуждался.

[5] Лавров имеет в виду «разносительную» литературную критику в «Современнике» и особенно в добролюбовском «Свистке».

[6] Евгений Валентинович *Де Роберти де Кастро* (1843—1915) — русский философ-позитивист и социолог; видный тверской земец, конституционалист, вынужден был эмигрировать, после того как выступил за представительное правление; в Париже сотрудник «Revue philosophique». Лавров говорит о своей рецензии на книгу Де Роберти «Социология» (1880), написанной в необычном для Лаврова резком, обидном для автора тоне: «Единственный русский социолог (о социологии Де Роберти)».—«Дело», 1879, № 12.

[7] В *ОЗ* были опубликованы следующие статьи Лаврова: 1) «По поводу вопроса о воспитании» (1857, № 9); 2) «Механическая теория мира» (1859, № 4); 3) «Очерк теории личности» (1859, № 11 и 12); 4) «Современное состояние психологии» (1860, № 4); 5) «Иностранная литература» (1860, № 5); 6) «Ответ г. Страхову» (1860, № 12); 7) «О современном значении философии» (1861, № 1); 8) «Обзор иностранной литературы» (1861, № 3 и 4).

В «Библиотеке для чтения»: 1) «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей» (1858, № 2); 2) «Гегелизм» (1858, № 5 и 9); 3) «Практическая философия Гегеля» (1859, № 4); 4) «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. Соч. Лессинга» (1860, № 3); 5) «Дарвин и его теория образования видов» (1861, № 11 и 12); 6) «Разные направления в психологии» (1863, № 5); 7) «Иностранная литература» (1863, № 12).

[8] М. А. Антонович напечатал в «Современнике» статью «Два типа современных философов» («Современник», 1861, № 4), в которой с материалистических позиций критиковал теорию Лаврова о личности как главном двигателе истории (позднее эта теория легла в основу «Исторических писем»). Однако возглавлявший тогда журнал Чернышевский, по словам Антоновича, «очень хорошо относился к Лаврову, который пользовался его глубоким уважением и доверием. Более того, Чернышевский смотрел даже на Лаврова как на человека своего лагеря в широком смысле слова, несмотря на известное расхождение во взглядах» (П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников.—«Голос минувшего», 1915, № 9, с. 132).

В своей автобиографии Лавров писал по поводу закрытия «Энциклопедического словаря»: «Издание это вызвало многочисленные доносы архиереев и духовных журналов (особенно Аскоченского, требовавшего церковной анафемы и уголовного наказания каторгою) и должно было прекратиться на первых же буквах, встретив в либеральной литературе того времени прием довольно холодный, потому что Лавров стоял совершенно в стороне от руководителей тогдашней либеральной мысли в «Современнике», сблизившись несколько с Чернышевским лишь в последние месяцы деятельности последнего перед его арестом» («Биография-исповедь. 1885—1889».— В кн.: П. Л. Лавров. Философия и социология, т. 2. М., 1965, с. 620).

[9] М. А. Антонович писал в своих воспоминаниях: «Лавров предложил мне сотрудничество ‹в «Энциклопедическом словаре»›, и я, склонившись на его очень резонные, основывавшиеся и на моей рецензии убеждения, принял его предложение» (см. «Шестидесятые годы. Воспоминания М. А. Антоновича...». М., 1933, с. 245).

[10] См. п. 14.

[11] Сергей Андреевич *Подолинский* (1849—1883) — участник революционного движения 1870-х годов, в Цюрихе главный помощник Лаврова по организации издания «Вперед»; позднее примкнул к украинофильскому движению, руководимому М. П. Драгомановым. Получив в Париже диплом доктора медицины, занимался научной деятельностью, но вскоре психически заболел и был увезен в Россию, где и умер. Вопрос Лаврова, видимо, вызван беспокойством о его здоровье.

17. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 4 марта ‹1882 г.›

Как я предвидела, так и есть. Жизнь вошла в обычную колею, и все живее и глубже чувствуется — не хочу сказать потеря,— но отсутствие такого друга и руководителя, как вы.

Так было хорошо, даже в самые скверные минуты, знать, что вы тут, недалеко. Стоило только набросить шубу и шляпку и через четверть часа уже бывало входишь в вашу скромную келью, где все как будто дышало мыслью, трудом, чем-то высоким и спокойным, так что становилось совестно за свои мелкие треволнения и личные страдания. Никогда я не забуду часов, проведенных в вашем кабинете, и того настроения, с которым я часто выходила оттуда, точно — не смейтесь пожалуйста,— точно верующий из храма. Вы имеете все, чтобы быть лекарем больной души, вы будите мысль, точно расширяете горизонт перед ней, а вместе с тем вы говорите, что ваша душа заросла корой, но столько еще в ней жизни и тепла, что она находит в себе отголосок на всякое страдание. Вы умеете касаться больного места, не раздражая его, а так немногие это умеют. Да, Петр Лаврович, ни с кем не было мне так светло и вместе тепло, как с вами, — а вы знаете, как я люблю свет и теплоту. Простите этот крик эгоизма и поймите, что у кого в жизни мало и кто вдруг неожиданно нашел источник отрады и силы, тому не легко примириться с его потерей. Я недавно говорила Лизе: «Видишь ли, *это было слишком хорошо* и потому продолжаться не могло, судьба нашла, что довольно баловать».

Я пишу под очень грустным настроением, потому что, судя по словам Цакни, которого видела третьего дня, вы уже примиряетесь с мыслью остаться в Лондоне, и наша молодежь собирается, как вам, вероятно, уже

известно, переслать вашу библиотеку на счет общества Красного Креста. Меня это известие сильно поразило, так как я была полна надежды. Вечером того же дня видела у M-me Sleyden Talandier, он уверяет, будто бы Freycinet находит ваше возвращение возможным уже и теперь, а что между тем закон изменят и вы тогда будете совершенно в безопасности [1]. Camescasse сказал то же самое президенту Антропологического общества Тюлье,— но можно ли на все это полагаться? Вернетесь ли вы при таких условиях? Конечно, не друзьям вашим на этом настаивать. Talandier сказал, что будет сам к вам писать и взял у меня ваш адрес. Lanessan уверяет, что лучше было не поднимать вопроса в Камере; пожалуй, что он и прав, особенно поручая дело такому оратору, как Hugues,— говорят, его речь была общим посмешищем.

Не проходит почти дня, чтобы в «благородной» «Justice» не было хоть намека на ваше дело; сегодня посылаю вам прекрасные слова Pelletan о приговоре, произнесенном в России над *одиннадцатью* социалистами [2]. Что себе думает царь? И скоро ли всему этому будет конец?.. Мороз пробегает по коже, когда подумаешь об этих страшных жертвах.

Я совершенно понимаю, что вы не желаете поднимать вопроса о вашей пропаже. Летурно полагает, что вор был не более не менее как русский шпион. Понимаю также все, что эта пропажа в вас возбудила, и вполне горячо вам сочувствую. Немногие, тем более в ваши годы, так бы отнеслись к подобной вещи. Нет, нет, не заросла корой ваша «живая душа», не оковал ее льдом жизненный опыт, и девиз Valentine de Milan к вам не относится!

Что вы решаете насчет книги Тайлора? Я вас еще не поблагодарила за доброе намерение подарить ее мне,— но вы поймете, что я предпочитаю, чтобы она была преподнесена Антропологическому обществу, думая, что там более ее место. Предисловия вашего, увы! вы мне не прочли и не давали читать, а только о нем говорили. Как бы мне его прочесть? Я очень была бы рада перевести его для «Revue des Sciences». «Pensée Nouvelle», кажется, будет основана, но не будет ли ваша статья слишком длинна и серьезна pour cette feuille éphémère [3*]. Я надеюсь, что со временем там будет возможно поместить статью (или отрывки) об «Исторических письмах», так как словечко о них уже заброшено в «Justice». Кстати, ваша биография многим, многим очень нравится; мне с разных сторон передавали,— и нравится русским также (мне об этом говорил Шполянский).

Вчера вечером у меня были Глебовы и ваша знакомая (в Швейцарии, кажется, она вас знала) Ковалевская [4]. Вы *духом* были между нами; читались ваши стихи и успех был большой,— в особенности Ковалевская, тонкая ценительница, была в восторге. В другой раз соберемся читать «Теорию и практику прогресса» [5], это полезно всем нам, а в особенности молодому существу, у которой целая жизнь впереди. Вы видите, что и я в своей крошечной сфере занимаюсь пропагандой. Работы переводной накопилось пропасть, и я работаю по шести часов в день.

Пишите, дорогой Петр Лаврович, ваши письма очень мне дороги, от них веет теплом больше, чем от живого слова других. Скажите, думаете ли вы вернуться, есть ли надежда? Если нет, надеюсь навестить вас,— разве папаша прекратит высылку денег, что-то страшно он сделался неаккуратным. Все вам кланяются. Хорвата не видела давно,— ему со мной *неудобно*, командовать нельзя ему и тон слишком презрительный тоже найдет отпор.

Крепко и дружески жмем обе вашу руку. Если имеете какие-нибудь поручения, располагайте нами.

Всей душой ваша В. Никитина

---

* для этого эфемерного листка (*франц.*).

Ответ на п. 16.

[1] Альфред *Таландье* (1822—1890) — французский политический деятель и публицист, участник революции 1848—1849 гг. во Франции; после государственного переворота 1851 г. эмигрировал в Лондон, где близко сошелся с А. И. Герценом; член Генерального совета Интернационала (1864). Вернувшись во Францию, избирался депутатом Национального собрания, примыкал к крайней левой (1876—1880, 1881—1885).

В письме к Лаврову от 1 марта 1882 г. И. Шполянский, студент-медик, работник русской библиотеки в Париже, писал: «...Таландье мне говорил — я был у него,— что Фрейсине ему сказал, будто вы смело можете возвратиться, и пока он министром, никто трогать вас не будет» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 493).

[2] С 9 по 19 февраля 1882 г. в Петербурге происходил процесс «20-ти»; среди подсудимых было 11 членов Исполнительного комитета «Народной воли», в том числе Александр Михайлов, Николай Суханов, Николай Колодкевич, Михаил Фроленко, Татьяна Лебедева, Анна Якимова и др. Особым присутствием сената Н. Суханов и десять его товарищей были приговорены к смертной казни через повешение; казнили одного Суханова, он был расстрелян в Кронштадте. Остальные были осуждены на каторжные работы в крепости и в Сибири.

[3] См. п. 14.

[4] См. п. 18, примеч. 6.

[5] Статья Лаврова «Теория и практика прогресса».—«Слово», 1881, № 4.

18. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
6 марта ‹1882 г.›

Любезная Варвара Николаевна,

Я уже начинал беспокоиться, что долго от вас не имею известий, так вы меня избаловали, но получив и прочтя ваше письмо, сию минуту написал наскоро письмо... не вам, а Цакни. Что за возмутительный слух вы мне сообщили с его слов! Как это мог кто-нибудь думать только о том, чтобы *на счет Красного Креста Народной воли* пересылать мою библиотеку! Я еще не дожил до такой степени дряхлости, чтобы обирать русских мучеников. Я еще могу работать и имею личный кредит; 10 или 12 человек мне предлагали денег при моей высылке. Если понадобится, я займу у частных лиц, но взять из Красного Креста! Нет, мне кажется, что вам это или показалось так, или Цакни очень уж неточно выразился. Я ему, впрочем, не пишу, кто писал мне об этом.

«Примирился ли я с мыслью остаться в Лондоне?» Не знаю как и сказать. Может быть, именно всего вреднее для моих занятий и для моего настроения духа, что я сейчас смотрю на себя, как ‹если› бы я жил на биваках, что я еще проникнут чувством как бы нереальности того, что́ меня окружает, что я больше живу мыслью в Париже, чем в Лондоне. Это очень мешает спокойной работе, и работаю я плохо. Но термин «примириться», вами употребляемый, не точен. Против подобных вещей, как пребывание там или здесь, «враждовать» не стоит, следовательно, и «примиряться» не с чем. Это — большее или меньшее неудобство, и к этому можно более или менее «приспособиться» и только. Но я вам признаюсь, что, на мой взгляд, я буду здесь совсем или почти совсем бесполезен для кого бы то ни было, кроме себя самого. Работать здесь будет лучше (когда приспособлюсь и усвою чувство реальности моего пребывания в Лондоне), но личное действие дойдет до крайне жалкого minimum'а. Поэтому, если будет возможность вернуться в Париж (до пересылки библиотеки), я, вероятно, вернусь, даже если это будет несколько опасно.

А вот вы мне не сообщили (да, впрочем, и не знали), что меня воспели в французских стихах, и даже не очень дурно. Я достал сие произведение в «Émancipation sociale» от 19 февраля, издающемся в Narbonne, но мне пишут, что это стихотворение напечатано и в двух других журналах, одном лионском, «Droit social», другом парижском-венсенском «Le Socialiste». Так и озаглавлено: «A Pierre Lavroff» [1]. Мне просто смешно подумать, из-за каких пустяков мое имя стало предметом таких заявле-

С. В. КОВАЛЕВСКАЯ
Фотография, 1887
«Литературные сочинения С. В. Ковалевской». СПб., 1893

ний, и от каких лиц, которые меня совсем не знают и не могут читать, исходят эти заявления. Если вы не достанете, то я вам пришлю прочесть.

Но у меня к вам дело. Не поместите ли вы в «Justice» небольшой заметки об успехе здесь пропаганды «Красного Креста Народной воли» и о заявлении немецких социалистов Парижа по поводу теперешнего возбуждения раздора между русскими и немцами [2]. Я вам пошлю, вероятно, завтра или послезавтра материал о здешнем движении (которому глупый аттентат Маклина сильно повредил [3]), а Цакни пишу, чтобы вам передали немецкое письмо мне депутата рейхстага Vollmar'а по этому поводу, для извлечения из него наиболее существенного [4]. При нынешнем «Скобелевском вопросе» это может иметь интерес и для политических газет. Если мои приятели найдут удобным, то вы можете сделать извлечение и из моего ответа Vollmar'у, который я им переслал. Если же они отдали уже, то я вам пошлю, если понадобится, черновую.

Книгу Тайлора я пошлю вам на днях. Деникер не ответил мне ни слова. Вы, как прочтете предисловие, передайте Летурно для представления в Общество. Ведь время терпит. А там сами увидите, что можно сделать.

Я очень рад, что вы познакомились с Ковалевской (вероятно — жена палеонтолога). Я ее видел только раз, обедал с нею в Цюрихе у ее сестры, Жаклар [5], но она произвела на меня самое симпатичное впечатление (можете передать это ей). Но ее муж — порядочная дрянь (что, конечно, она знает), а об ней ходили в последнее время слухи, будто она приблизилась к консерваторам, что́ было бы очень жаль (и что́, конечно, пишу *не* для передачи ей). Вы знаете, что она — известный математик [6].

Замечаю, что пишу хуже обыкновенного и извиняюсь перед вашими глазами. Кланяйтесь всем помнящим меня. Мне очень приятно, что у вас собираются «во имя мое» и еще более приятно, что я могу служить поводом пропаганды.

Таландье мне не писал. Мало верю я в возможность вернуться, но желал бы уже иметь возможность знать наверное, где я окончательно усядусь. Жму крепко руку.

Пишите, когда можете.

П. Л.

Ответ на п. 17.

[1] В письме к Лаврову из Парижа от 1 мая 1882 г. один его французский почитатель, Шонмори, сообщает, что изгнанию Лаврова из Франции посвящены стихи Люсьена Пенжана, напечатанные в газетах «Le Droit social», Лион; «L'Émancipation sociale», Нарбонн; «Le Socialiste», Париж и др. (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 492).

[2] Обострение отношений между Россией и Германией было вызвано подготовкой Тройственного союза, направленного против России и Франции (заключен 20 мая 1882 г.), а также повышением таможенных пошлин. Н. А. Белоголовый писал Лаврову 9 марта 1882 г.: «Россия продолжает до того задирать немцев, что война почти несомненна» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 31, л. 17 об.).

[3] Родерик (Фредерик) *Маклин* стрелял 2 марта 1882 г. в королеву Викторию на вокзале в Виндзоре; королева не пострадала. Лавров имеет в виду, что покушение Маклина, отпугнув англичан, помешает сбору пожертвований в фонд «Красного Креста Народной воли».

[4] Георг *Фольмар* (1857—1922) — немецкий социал-демократ, в 1879—1880 гг. редактор газеты «Der Sozialdemokrat», в 1881—1887 гг.— член рейхстага. Фольмар направил Лаврову следующее письмо из Парижа:

Paris. 27.2.82

Geehrter Gesinnungsgenosse,

Meine hiesigen Genossen beauftragen mich Ihnen den nachstehenden, mit besonderer Bezugnahme auf die gegen Sie verfügte unwürdige Massregel gefassten Beschluss mitzuteilen.

Angesichts des gegenwärtig vor einem zarischen Scheingericht stattfindenden *Monstrprozesses* gegen russische Freiheitskämpfer; angesichts der *internationalen Verfolgung* der russischen Revolutionäre; sowie angesichts der glücklich gelungenen Befreiung der mutigen Bürgerin *Sofia Bardina* aus den Händen der zarischen Henker; ferner im Hinblick auf die gegenwärtig zu dinastischen Zwecken betriebenen schmachvollen *Hetzereien zwischen Deutschen und Slaven*, sprechen die *Sozialdemokraten Deutscher Zunge in Paris* ihren tatkräftigen und opferkühnen Brüdern von der russischen Revolutionspartei aufs neue ihre volle Sympathie und ihre wärmste Wünsche für den Erfolg ihrer Anstrengungen im Kampfe für das Wohl ihres Volkes und das gemeinsame Ziel, den internationalen Sozialismus aus.

Es freut mich Ihnen mitzuteilen zu können, dass dieser Beschluss *einstimmig* gefasst wurde und dass in der Versammlung die Ansicht zum Ausdruck kam, dass die sozialistischen Parteien Russlands, Polens und Deutschlands von allen anderen das Interesse und die Pflicht des *engsten* brüderlichen Verkehrs haben, insbesondere im Hinblick darauf, dass diese Parteien in der herankommenden Umwälzung in mehr als einer Beziehung zum *unmittelbaren* Zusammenwirken berufen sein werden.

Indem ich Sie ersuche mir baldgefälligst einige Nachricht darüber zu kommen zu lassen, wie Sie die Reise aus der ungastlichen «Republik» nach der gastlicheren Monarchie überstanden haben und wie es mit Ihrer Gesundheit steht, grüsst Sie, geehrter Gesinnungsgenosse, herzlichst

Ihr Vollmar

1, rue Michel

Париж. 27.2.82

Уважаемый единомышленник,

мои здешние товарищи поручают мне сообщить вам нижеследующее решение, принятое в связи с недостойными гонениями, которым вы подвергаетесь.

В свете происходящего сейчас перед царским судилищем *чудовищного процесса* против русских борцов за свободу; в свете *международных преследований* русских революционеров; а также в связи с удавшимся освобождением мужественной гражданки *Софьи Бардиной* из рук царских палачей и, сверх того, учитывая позорное натравливание друга на друга, в династических целях, немцев и славян, *социал-демократы немецкого языка в Париже* вновь выражают своим энергичным и самоотверженным собратьям из русской революционной партии свою полную симпатию и самые горячие пожелания успеха их стремлениям в борьбе за благо их народа и за нашу общую цель — международный социализм.

Я рад сообщить вам, что это решение было принято *единогласно* и что на собрании было выражено мнение, что на социалистических партиях России, Польши и Германии, больше всех в этом заинтересованных, прежде всех других лежит обязанность *самого тесного* братского общения, особенно ввиду того, что эти партии при надвигающемся перевороте будут призваны к *непосредственным* совместным действиям во многих отношениях.

Прошу вас поскорее известить меня, как вы перенесли путешествие из негостеприимной «республики» в более гостеприимную монархию и в каком состоянии ваше здоровье, и шлю вам, уважаемый единомышленник, самый сердечный привет.

Ваш Ф о л ь м а р

1, rue Michel

(ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 73, л. 3; копия рукой Е. Ф. Блонской).

[5] Анна Васильевна *Жаклар* (рожд. Корвин-Круковская; 1844—1887) — сестра Софьи Ковалевской, писательница; в 1869 г. выехала из России в Париж, вышла там замуж за члена Интернационала Шарля Виктора Жаклара и приняла вместе с ним участие в Парижской Коммуне. По возвращении в Россию в 1874 г. с мужем и сыном, сотрудничала в журналах «Слово», «Дело», «Северный вестник» и др.

[6] После возвращения в Париж в мае 1882 г. Лавров ближе познакомился с Софьей Ковалевской. С 1883 г. Ковалевская переписывалась с ним. В своей речи 6 апреля 1891 г. в Париже в память Ковалевской Лавров говорил о ее умении «не только сочувствовать, но и содействовать широкому социальному движению нашего времени». «Ее близкие приятели,— сказал Лавров,— прямо говорят, что «она была социалисткой» и между рукописями, ею оставленными, находится роман «из жизни нигилистов», где она с теплым сочувствием относится к русскому революционному движению» (П. Л а в р о в. Русская развитая женщина. В память Софьи Васильевны Ковалевской. ⟨Париж, 1891⟩). Резкий отзыв Лаврова о муже Ковалевской, Владимире Онуфриевиче Ковалевском (1842—1883), объясняется, вероятно, упорными слухами, возникшими еще в 1866 г., о его связях с III Отделением. Позднейшими исследованиями было установлено, что слухи эти носили клеветнический характер (см.: *ЛН*, т. 62, с. 259, 264—271).

19. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 6⟨—7⟩ марта ⟨1882 г.⟩

С большой радостью посылаем вам, Петр Лаврович, прилагаемую выписку. Мне кажется, что новый проект закона, «approuvé par tous les ministres» *, формулирован так, что вам можно сейчас же возвращаться, особенно при благосклонном расположении Freycinet и Camescasse. Закон пройдет в Камере,— это верно, и если его поспешили предложить, так это именно имея вас в виду. Что же вы решите?

Несмотря на все желание, не удалось кончить вам этого коротенького письма, а сегодня получаю ваше, подающее нам большую надежду. Цакни у меня сегодня не был. Когда он мне передаст присылаемое вами, постараюсь сделать, что могу, и поместить в «Justice». Беда в том, что времени мало. Бюхнера [1] должна перевесть к известному сроку (к 1 июня) и переводы Lanessan на руках.

Сегодня пишу вам несколько слов, чтобы рассказать о предложении, которое мне сделали в «Justice», а именно — быть «корреспондентом по России», группировать в форме писем все те отрывочные сведения, которые наша партия помещает в журнале. Я вчера говорила об этом с Цакни, спрашивая, не возьмется ли кто доставлять мне материалы из журналов, равно как и неофициальные сведения. Я в продолжение трех месяцев буду слишком занята, чтобы читать сама газеты русские. Конечно я предлагаю половину моего гонорария. Мне кажется (и Цакни того же мнения), это предложение имеет выгодную сторону и для партии, не говоря лично о себе, и упускать его не следует, а мне нет решительно времени отдаться вполне этому. Предложение мне это сделал «сам Constant», сообщая, что биография ваша a fait sensation ** и что — вот что, по мнению редакции, я бы могла делать. Что вы на это скажете? Если вы мне посылаете с Цакни нечто вроде готовой статьи, то я сама переведу и передам от вашего имени; если это только материалы, находите ли вы удобным, чтобы они вошли в состав первого письма? Как бы мне было нужно ваше руководство, ведь это для меня дело непривычное, и я сильно опасаюсь сделать глупость.

* «одобренный всеми министрами» (*франц.*).

** произвела сенсацию (*франц.*).

Получила от батюшки письмо самого неприличного содержания, на которое ответила бурным посланием [2].

До свидания,— ведь да? Крепко обе пожимаем вашу руку. Пришлите прочесть стихи. Буду скоро писать.

Душевно вам преданная

В. Никитина

Сегодня «Intransigeant» опять поднял вопрос о вашем возвращении. Ругает Freycinet и требует изгнания du père Gambetta qui a fait à la France cadeau de son gros garçon, lui qui n'est pas naturalisé *.

Ответ на п. 18.

[1] Людвиг Карл Кристиан *Бюхнер* (Büchner; 1824—1899) — немецкий философ-материалист и естествоиспытатель. Никитина переводила на французский язык его книгу «Aus dem Geistesleben der Tiere», Berlin, 1876.

[2] В письме к отцу Никитина писала: «Не видеть в социализме ничего, кроме наивной галлюцинации простаков или ловкости мошенников, которые под уважительным предлогом хотят залезть в чужой карман,—это отнюдь не беспристрастная оценка учения, которое насчитывает в своих рядах таких людей, как Стюарт Милль, Кондорсе, Луи Блан, Лассаль, Карл Маркс, Р. Оуэн и многие другие! Никто еще не называл этих людей мошенниками или слабоумными. ⟨...⟩ С другой стороны, осмелишься ли ты утверждать, что все прекрасно в этом лучшем из миров и совершенно незачем беспокоиться о том, чтобы облегчить судьбу бедного и невежественного трудового люда?» (*Études*, с. XI; перевод с французского).

20. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
9 марта ⟨1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Очень уж быстро вы даете себя ласкать надеждам. Так уж «можно сейчас возвращаться», по-вашему? Ну, еще протечет не мало воды и под мостами Темзы и под мостами Сены, когда это, действительно, будет возможно. Подождем и посмотрим, а если будет возможность, то поверьте, останусь в Англии лишь до первого поистине ⟨?⟩ ветреного дня. Но оставим надежды на будущее, а поговорим о делах настоящего.

Я знаю, как вы теперь заняты и не стал бы взваливать на вас большой работы. Полагаю, что извлечение займет менее столбца, и это можно будет сделать между прочим. Мне возвратили письмо, мною полученное, ранее чем успели передать вам, и, хотя возможно, что сняли копию, но на всякий случай посылаю вам и письмо Vollmar'a (депутата рейхстага) ко мне и мой ответ ему в черновой. Вы мне при случае верните. Вы сами увидите, что извлечение можно сделать небольшим: существенны лишь практические постановления, ввиду современных шовинистических возбуждений между русскими и немцами и, может быть, те места моего письма, которые к этому же относятся. Это лишь и может быть интересно для французов. Но об одном обстоятельстве вам придется справиться в Париже у Цакни или у Луцкого. Я поручил спросить Vollmar'a, удобно ли *для него*, чтобы во французских газетах или в «Народной воле» было упомянуто его имя как посредника в этом деле. Я еще ответа не имею и попрошу вас справиться.

Я очень рад, что вам предложили из «Justice» быть корреспондентом из России. Если я вернусь в Париж, то дело будет очень просто: я буду передавать вам газеты русские, отмечая красным карандашом, что в них стоит прочесть для корреспонденций, и передавать вам новости, которые

* папаши Гамбетты, который, сам не имея гражданства, подарил Франции своего толстого малого (*франц.*).

мы получаем прямо. Буду еще доставлять вырезки немецких газет о России, которые иногда получаю и которые бывают очень интересны. Отсюда пересылка газет с отметками представит некоторые затруднения, но устроить это будет можно. Надо бы мне знать, как часто можно будет вам помещать корреспонденции. Вероятно, не чаще раза в неделю, а то и реже. Но я надеюсь, что вам за это будут платить. Вообще сообщите мне подробности, переговорите еще с Constant (он, я думаю, вернее Clemenceau и Pelletan). Кстати, если вы с ним или с редакцией часто видитесь и можете иногда говорить о посторонних делах, то я, может быть, поручу вам маленькое дельце, меня лично интересующее. Так напишите, как вы с ними. Так как я не получаю «Justice», то не знаю, печатается ли ваш перевод с итальянского, но думаю, что если бы печатался, то вы прислали бы [1]. Отчего же он не печатается? Я послал автору предисловие к этому труду, которое он желал иметь от меня. Если он возвратит, как я просил, то я пошлю вам прочесть.

Надеюсь, что вы получили книгу Тайлора, вам посланную. Если Летурно будет так любезен и возьмется представить, то пусть при представлении выразится, не называя меня автором предисловия, так, чтобы слушателям было ясно, что я автор его, но пусть переговорит с секретарем, чтобы это не было внесено в протокол и не было напечатано в бюллетенях. Расскажите ему, когда прочтете, главное содержание предисловия. Торопиться нечего. Обратите внимание на то, что я, не упоминая имени Вырубова [2], собственно опровергаю его нападения на антропологию с точки зрения позитивизма, так как именно напираю на авторитет Ог. Конта, доказывая, что антропология имеет право называться особой наукой.

Ну довольно. Каждый раз мне совестно, глядя на свой почерк, что я утруждаю вас его разбором, ну да как же этому помочь?

Поклон Лизавете Фоминишне и другим, помнящим меня.

П. Л.

Да, позабыл один пункт. Если вам покажется возможным дать известие о решении немцев и о моем ответе автору письма, то отчего же нет. Только удобно ли «корреспонденту *из России*» писать о том, что делается в Париже и Лондоне? — Успех публикаций «Красного Креста Народной воли» слишком невелик (вследствие покушения), чтобы о нем печатать.

Ответ на п. 19.

[1] Лавров имеет в виду перевод Никитиной очерков из «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского; отрывки из книги и статья Никитиной о книге были напечатаны в «La Justice» 31 октября 1882 г.; 24 ноября и 5 декабря 1882 г. «La Justice» поместила большую статью Никитиной «Le mouvement nihiliste», в которой она снова писала о «Подпольной России». Кравчинский в письме к Н. П. Цакни из Италии (конец 1882 г.) говорил по поводу этой статьи: «Отлично задуманная и написанная статья. Благодарю Никитину за ее симпатичные и задушевные строки о моей книжице» («Каторга и ссылка», 1928, № 11 (48), с. 74).

[2] О Г. Н. Вырубове см. п. 32, примеч. 2.

21. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

1882 г. 13 марта. ⟨Париж⟩ Rue d'Assas 48

Не сердитесь на меня, дорогой Петр Лаврович, за то что я до сих пор не исполнила вашего поручения в «Justice». Дело в том, что я не могу добиться никакого ответа от Цакни насчет того, желает ли Фольмар, чтобы письмо было подписано его именем. Боюсь, что слишком много времени потеряно для этого сообщения, и никак не могу понять, почему Луцкий не передал его прямо мне, как вы этого желали. Ведь письмо Фольмара

от 27 февраля, а у нас теперь 13 марта, и поводом к заявлению Фольмара и немецких социалистов послужил ваш отъезд, со времени которого прошло уже, увы! месяц. Мне кажется, что для журнала, да еще французского, l' actualité de la chose est passée et pour nous autres, peuples légers, tout est là *. Надеюсь, вы не припишете моих слов лени; труд такой маловажный, что о нем и говорить не стоит.

Что вы скажете о речи Клемансо, посланной вам Лизой вчера? Для человека, который не социалист, она весьма смела и страшно скандализировала Камеру и весь буржуазный мир [1]. Мне удалось попасть в этот день в Камеру — заседание было бурно и в высшей степени интересно. Речь Ланесана была так слаба и так снисходительна к министерству, что мне не раз приходило желание его встряхнуть хорошенько, да вообще было видно, что партии социалистической нет в Камере и тени. Нападают на социализм с яростью, а единственный защитник его... Клемансо!

Очень благодарю за доброе желание помочь мне даже издалека в составлении корреспонденций, но боюсь, что это было бы для вас затруднительно. Вот если бы вы вернулись скорей, тогда другое дело. Конечно, прежде нежели предпринять это дело, надо серьезно переговорить с Клемансо; разве на Constant'а можно полагаться? Ведь вот три месяца не печатает моего перевода; ну, и что с ним поделаешь; а я как нарочно в самом апатическом настроении духа, от физического нездоровья, благодаря которому придется, пожалуй, слечь. Я сильно кашляю и к этому примешались разного рода другие недуги. Вот почему я теперь не пишу к вам сама. Очень грустно было нам прочитать, что еще много воды утечет, пока мы вас увидим. Надеюсь все-таки, что это будет раньше моего отъезда в Пиренеи. Я, впрочем, не могу отдать себе отчета, отчего вы откладываете ваше возвращение на такой долгий срок. Мне кажется, что опасности нет никакой и теперь, а когда закон (хотя и не великолепный) пройдет в Камере, то ее и вовсе не будет.

Вы спрашиваете, в каких я отношениях с редакцией «Justice». Да как всегда. По поводу вашей биографии и ее корректуры видела Pelletan и Constant — оба были, как я вам говорила, любезны. Я догадываюсь более или менее, какое дело вы мне желаете поручить, и, мне кажется, лучше всего было бы уполномочить меня переговорить об этом с Longuet [2].

Вчера мы слышали конференцию Renan'а, благодаря которой я окончательно расхворалась. Слушая его, я думала о других субботних лекциях, между нею и ими — разница веков.

Крепко, дружески жмем обе вашу руку. Душевно преданная вам

В. Никитина.

Ваша книга будет в четверг передана Антропологическому обществу, а я сейчас прочту предисловие. Не стыдно вам не прислать нам биографию, сделанную Кропоткиным?

Ответ на п. 20.

[1] 9 марта Клемансо сделал в Палате депутатов запрос по поводу вмешательства войск 7 марта в стачку шахтеров департамента Гар, в шахтах Гранд Комб и Бассеж, обвинив правительство в том, что оно «хочет сохранить монархическую политику и монархические учреждения в республиканском государстве». Клемансо заявил: «В основе всех наших революций лежит социальное зло, так же как и политическое зло, и реформация республиканская должна в то же время стать реформацией политической и социальной» (Annales de la Chambre des Députés. Tome V. 1882, с. 324).

[2] Шарль *Лонге* (1833—1903) — деятель французского рабочего движения, член Генерального совета I Интернационала, член Парижской Коммуны; муж дочери Маркса Женни; один из редакторов «La Justice». Никитина имеет в виду оплату статей Лаврова в «La Justice» (см. п. 23).

*злободневность этого миновала, а для всех нас, людей легкомысленных, это главное (*франц.*).

22. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› 13 марта, 2 часа ‹1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович,

Сегодня утром Лиза бросила письмо, которое я ей продиктовала вчера вечером. Сегодня же, чувствуя себя немного бодрее и глядя потому на все с бóльшим оптимизмом, я перевела письмо Фольмара и, в надежде получить сегодня ответ от Цакни, собиралась отвезти оба письма в «Justice». Но вот что произошло, Петр Лаврович. Я узнала от Цакни, что письмо уже переведено под редакцией Фольмара и будет прямо послано в «Justice» или передано мне, если я захочу непременно сама его отвезти. Я, конечно, не настаивала, но спешу вам объяснить этот факт и отсылаю при этом прилагаемые письма. Другой факт: я неделю тому назад говорила с Цакни о предложении, сделанном мне «Justice», спрашивая, не захочет ли кто из русских за половину моего гонорария помогать мне собиранием документов. Он, по-видимому, отнесся к этому очень хорошо и до сегодняшнего дня не дал никакого ответа. Я на днях поеду в «Justice», чтобы переговорить с Клемансо о сделанном мне предложении. Цакни, между прочим, говорил, что половина моего гонорария могла бы идти на дело Красного Креста, и был готов, по-видимому, взять на себя этот труд. Спешу окончить письмо, чтобы оно пошло еще сегодня.

Крепко жму вашу руку

В. Никитина

23. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham. Court Road.
14 марта ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Вчера послал вам carte postale, беспокоясь о вашем молчании, а сегодня имею два письма и номер «Justice» (в скобках: на бандероли «Justice» позабыт № дома и потому дошло днем позже, а могло и вовсе не дойти; кстати, Mister не пишут, а просто Mr). Не понимаю, почему дело с Vollmar'ом приняло другой путь. Я думаю, что ему не хочется придавать ему гласность. Относительно материала для вашей работы в «Justice», я думаю, вам удобнее будет вести дело со мной, так как я аккуратнее, хотя и дальше. На первый раз: имеете ли вы обвинительный акт процесса?[1] Если нет, я вам пришлю «Русский курьер», где он напечатан (я получил вчера), и напишу Луцкому, чтобы тот передал вам все вырезки из «Daily News» и немецких журналов, сюда относящиеся. C'est une actualité *. Мне лишь надо знать, как часто вы будете помещать статьи. Если раз в две недели или даже раз в неделю (чего не думаю), то материала придется пересылать немного.

За «Justice» благодарю очень. Речь Clemenceau действительно очень хороша и сильна; но, в сущности, она может значить лишь риторическое самоуслаждение: можно ли требовать от буржуазного правительства, чтобы оно действовало против интересов буржуазии? Ведь это противоречиво. Только низвергнув правительство буржуазии и захватив ее средства, рабочие могут обеспечить себе будущее.

Я так занят спешной корреспонденцией эти дни, что не имею времени писать много. Но по вашему желанию прилагаю по-французски резюме моего дела в «Justice» [2], о котором и прошу вас переговорить с Longuet, показав ему этот листок. Прибавлю, для того чтобы кассир легче вспомнил, что я ему представил une note в тот день, когда получил от него швед-

* Это злободневный материал (*франц.*).

ский mandat par la poste в 100 fr., а другой из Ниццы в 50 fr. В книгах должно быть отмечено.

Жму крепко руку. Будьте здоровы.

П. Л.

Никакой биографии у Кропоткина нет. По крайней мере, он мне ничего не говорил и не возвратил до сих пор моей копии биографии, в которой будто бы нуждается.

Неправда ли, не вы послали мне из Парижа на прошлой неделе коробку? Надеюсь, что не вы.

Ответ на п. 21.

[1] См. п. 17, примеч. 2.

[2] На приложенном к письму листке дан перечень статей Лаврова, помещенных в «Justice», и сведения о полученных им суммах.

24. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, четверг, *числа неизвестного* ⟨17 марта 1882 г.⟩

Приходится за столь многое вас благодарить, дорогой, многоуважаемый Петр Лаврович, что не знаю с чего начать. Принимая в уважение важность и серьезное значение факта, прежде всего следовало бы поблагодарить за предложение присылать мне материалы для корреспонденций — это предложение показывает всю вашу доброту неизреченную,— но я все серьезные соображения и вещи оставляю в стороне и, прежде всего, благодарю горячо за коротенькую, дружескую вашу carte postale. Она показывает не только доброту, но и дружеское расположение, которым я страшно дорожу. Иной враг нашего пола сейчас бы сказал: «toujours l'inutile avant l'essentiel» *. Еще бы! только и есть приятного в жизни, что *мнимое* бесполезное. А ваша carte postale показала мне, между прочим, насколько, однако, природа человеческая скверна, по крайней мере в экземпляре, известном вам под именем В⟨арвары⟩ Ник⟨олаевны⟩ Н⟨икитиной⟩. Ведь по совести, я бы должна была покраснеть, получив ее, и почувствовать сильнейшие угрызения,— положим, я их почувствовала, но в умеренной степени (успокоенная мыслью о двух только что отправленных вам письмах), а удовольствие зато имела очень большое. Вот вам моя исповедь— карайте.

Теперь серьезные дела. Завтра или послезавтра надеюсь удастся лицезреть «самого» Clemenceau и переговорить с ним о корреспонденции, а также поручить его благосклонности перевод с итальянского. Longuet тоже непременно увижу на днях; если не поймаю его в субботу в «Justice», то поеду в Argenteuil. Проехаться было бы даже очень полезно для моего здоровья, я так расклеилась последнее время, что возбудила даже беспокойство в Letourneau: et vous le savez pourtant, si les bûches, même philosophiques, s'émeuvent facilement **. Бедный Letourneau, и за что только я его ругаю! Право, весной и летом он гораздо более живой человек, чем зимой, и мы иногда как будто бы друг друга понимаем. Ну а зимой застывает совершенно... В настоящую минуту этот человек, находящийся под таким сильным влиянием матери природы, представляет Антропологическому обществу вашу книгу, соблюдая все ваши инструкции. Кстати, ведь вы знаете, что Антропологическое Общество подало министру просьбу о вашем возвращении. Президент вручил министру письмо или прошение

---

* бесполезное всегда прежде существенного (*франц.*).

** а ведь вы знаете, легко ли поддаются волиению чурбаны, даже философские (*франц.*).

с множеством подписей. Министр принял, но министры не отвечают. Такое уж положение. Многих я знаю, которые были бы, единственно ради этого права, в восторге быть министрами.

Писала ли я вам, что с большим удовольствием и глубочайшим вниманием прочла ваше введение и передала в кратких словах содержание Летурно. Его место было бы в «Revue d'Anthropologie», но она не платит ничего, да и Летурно заметил, que pas un chat ne la lit *. Положим, что то же замечание относится к «Revue des Sciences»!

Петр Лаврович, сегодня небо голубое, я пишу с открытыми окнами, около самого балкона, где стоят горшки с цветами,— так светло и пахнет сиренью и гиацинтами. Грустно и больно подумать, что вы сидите среди лондонских туманов... Когда же вы думаете, что будет возможность вернуться и покинуть British Museum с его электрическим освещением,— не заменить ему солнечного освещения, а Париж как нарочно с некоторых пор отличается последним.

До свиданья, будьте здоровы. Я сегодня много работала, потому, вероятно, так много вздору вам написала. Теперь выйду погулять и бросить письмо,— уже четыре часа. Жму крепко вашу руку,— хотелось бы с вами погулять, побеседовать, послушать новые страницы, вами написанные. Когда же?

Душевно вам преданная В. Н.

Имеете ли вы общество хотя бы немногих приятелей и как живете — сами или с кем-нибудь? Лиза очень кланяется.

Ответ на п. 23.

Датируется по дню недели и по связи с п. 23.

25. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 19 марта ‹1882 г.›

Только что получила письмо ваше, многоуважаемый, дорогой Петр Лаврович, и не раз перечла его с самым сосредоточенным вниманием и сильным душевным волнением. Как больно мне было вспомнить о моем веселом, беззаботном письме, писанном именно тогда, когда вы были поглощены самыми серьезными мыслями и заботами, тогда, когда в жизни вашей совершался перелом... [1] Вот какой диссонанс вводит разлука даже между людьми, связанными самой живой симпатией и искренно преданными друг другу!

Будьте спокойны. Все что вы мне высказали, останется *между нами*; я вполне понимаю всю важность этого для вас, и с моей стороны слишком дорожу вашим доверием, чтобы делиться им с кем-нибудь.

Вы поймете легко, как работает моя головушка над каждым словом вашего письма и какое тревожное чувство овладевает мной,— точно когда близкий, дорогой друг пускается в далекое плавание по бурному морю, плавание опасное, которому ни пределов, ни конца предвидеть нельзя... Я смутно понимаю, в чем дело, расспрашивать, конечно, не смею; надеюсь, что ваше тонкое нравственное чутье вам говорит лучше всех моих слов, насколько я сочувствую всему, что вас касается, и что я (насколько это возможно) всегда буду посвящена в вашу жизнь. Одно я ясно понимаю,— это что вам, пожалуй, придется отказаться от вашей любимой работы [2]. Это жертва тяжелая и,— простите меня,— я себя спрашиваю, вправе ли вы ее принести? Ведь такие труды, каким ваш обещает быть, драгоценное приобретение для многих поколений, тем более в России, где еще ничего

* что ни одна собака ее не читает (*франц.*).

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ТРУДА П. Л ЛАВРОВА «ОПЫТ ИСТОРИИ МЫСЛИ»

С.-Петербург, 1875

Книга вышла без указания имени автора

Обложка

ОПЫТЪ

ИСТОРІИ МЫСЛИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „ЗНАНІЕ".
1875.

подобного нет,— ведь в *этом* вас заменить никто не может. Люди, обладающие тем богатым запасом сведений и той широтой и силой мысли, которые необходимы для осуществления подобной задачи,— везде и всегда одиночные явления. Жаль, невыразимо жаль подумать, что ваша книга может прерваться в начале,— то, что я чувствую при этой мысли, дает мне возможность понять, что должны чувствовать вы сами. Я понимаю, какого рода соображения заставляют старый, но еще крепкий корабль снова пускаться в путь, но поневоле овладевает раздумье; польза, которую вы можете принести на том пути, куда вас теперь толкают, так ли велика и верна, как та, которую вы принесете на пути умственной деятельности? Ведь иные книги, появляющиеся в данные минуты общественного брожения, имеют громадное влияние,— возьмите Энциклопедию Diderot, «Contrat Social», «Капитал» Маркса,— возьмите ваши «Исторические письма», влияние которых на события в России всеми признается.

О том, что в ваши лета вы, может быть, имели бы право на отдых, я говорить не стану, такого рода соображения вас не остановят, и я это вполне понимаю.

Простите, что я не могла не высказать вам хоть часть того, что возбудили во мне сообщаемые вами загадочные известия. Вы, конечно, все взвесили, все сообразили и решили, как *должно*,— только, поневоле, зная вас, вашу силу самопожертвования и вашу скромность, ставишь вопрос: при вашем решении, не уменьшили ли вы значение того умственного труда, которому вы себя было посвятили, и не согласились ли вы на новое дело, менее вам улыбающееся, именно потому, *что оно тяжелее*... Очень мучительно так мало знать, в чем именно дело, но и за то, что вы высказали, горячее вам спасибо. Помните, Петр Лаврович, что вы имеете во

мне преданного друга, в котором во всем и всегда найдете ответ и живое сочувствие.

Мне было вчера так хорошо на душе, потому что удалось устроить ваше дело в «Justice»,— деньги вам немедленно вышлют с большими извинениями и Longuet вместе высылает номера, нужные вам, и ряд своих очень интересных статей о Grande Combe [3]. Замедление произошло никак не от нежелания платить, а от бестолковости, царствующей, во-первых, в голове самого добродушного Longuet, во-вторых, в редакции. Clemenceau и Longuet оба очень радушно вам кланяются. Clemenceau остался очень доволен, что *вы* довольны его речью. Насчет корреспонденций просит меня одно письмо сделать на пробу, а там увидим,— если можете, пришлите материалы,— письма, во всяком случае, не будут часты. Clemenceau принял мою новую статью [4] и обещал, что перевод скоро появится,— сказал, *прямо к нему* всегда обращаться. Теперь все в редакции так со мной любезны, что я не надивлюсь, а всем этим кому я обязана? Все вам — c'est pour l'amie de Mr L⟨avroff⟩ qu'on est si aimable *, а Longuet хочет даже представлять меня К. Марксу. Сегодня отправляемся на conférence Pelletan — сравнение между революцией 1793 г. и 1871.

Здоровье мое из рук вон плохо, спать не могу без опиума,— такие припадки кашля, сил ни на грош и аппетиту также. И все это еще без всяких треволнений нравственных, все меня балуют, наперерыв, кроме, впрочем, отца, с которым находимся в письменной полемике [5].

Жаль мне, Петр Лаврович, что вы все вечера проводите в таком одиночестве. Как бы хотелось перелегеть *море-окиян* и проболтать вечер с вами за чашкой чаю... Да это еще будет. За подробности о жизни вашей очень благодарю,— всякая мелочь меня интересует. А теперь пойду на conférence, где, вероятно, все время продумаю о том, будет ли продолжаться известная книга, ведь видеть ее оконченной и напечатанной сделалось моей мечтой.

Все вам кланяются. Я никакой коробки вам не посылала [6]. Крепко жму, насколько силенки хватает, вашу руку и чувствую большую гордость, при мысли, что эта рука протягивается ко мне с дружеским доверием.

Лиза была на заседании, когда Letourneau подавал книгу, и говорит, что он это сделал с большим сочувствием и очень заинтересовал общество. Имя ваше не будет занесено в протокол.

Душевно вам преданная В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Лавров 3/15 марта ответил согласием на предложение Исполнительного комитета Народной воли стать редактором (вместе с С. М. Кравчинским) заграничного органа Народной воли (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 62). Кравчинский, который вначале согласился, позднее отказался быть соредактором «Вестника Народной воли» и вторым редактором стал приехавший из России Лев Тихомиров.

[2] Никитина говорит о труде Лаврова «Опыт истории мысли» (см. п. 11, примеч. 2).

[3] См. п. 21, примеч. 1.

[4] Статья Никитиной «La sociologie et la question sociale», напечатанная в «La Justice» 5 апреля 1882 г.

[5] См. п. 19, примеч. 2.

[6] Коробку Лаврову послала его знакомая, писательница А. А. Виницкая, находившаяся в то время в Париже.

26. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Париж, 23 марта 1882 г.⟩

Многоуважаемый Петр Лаврович, вы меня так избаловали, что, не получая несколько дней письма от вас, я начинаю беспокоиться, здоровы ли вы? Не в очень ли скверном расположении духа? Или, может быть,

* это с приятельницей г-на Л⟨аврова⟩ все так любезны (*франц.*).

не довольны чем-нибудь в моем письме? Скорее всего, что очень заняты. Получили деньги из «Justice»? Я так занята переводом Бюхнера, что начинаю сомневаться, чтобы я могла предпринять корреспонденции, тем более, что данные в «Курьере» такие сухие, что я не знаю, что из них извлечь [1]. Жму вашу руку.

В. Н.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris, 23 mars 82.

[1] См. п. 23.

27. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
25 марта ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Третий день берусь за перо, чтобы писать вам, и все откладываю, откладываю совершенно добровольно, потому что уверен, что сообщу неприятную вам весть, и можете судить, как она мне тяжела. Но как просто течение судьбы решает вопросы, над которыми мы, бедные, ломаем себе головы! Как я вам писал, что не знаю, как и быть с моим любимым, дорогим трудом при предпринимаемых мною авантюрах; вы мне пишете милые и любезные наставления о том, имею ли я право подвергать его опасности или оставлять совсем. А в то время, как мы переписывались, вопрос уже решился давно сам собой. По-видимому, вслед за телеграфическим сообщением в Россию о конфетке, поднесенной мне французским правительством 10 февраля, пошло из России письмо в Испанию, оттуда пошло в Лондон, оттуда в Алжир, оттуда вернулось снова в Лондон и 21 марта явилось, наконец, в мое жилище на Alfred Place, чтобы известить меня, что издатель «Эволюции мысли» при настоящих обстоятельствах находит неудобным продолжать издание, отлагая его до неопределенного времени [1]. Вопрос решился помимо всех наших мудрых соображений.

Ну, конечно, надо было принять меры, чтобы не остаться без денег и без хлеба. Написаны письма, куда нужно, и еще напишутся [2]. Но это мало интересно. Я употреблю все возможные усилия, чтобы в той или другой форме продолжать работу, но осуществление ее делается еще сомнительнее. Судьба! Судьба!

Эти дни я читал очень плохо газеты и потому не могу сказать, есть ли там что интересное для ваших корреспонденций. Получили ли вы «Русский курьер» с обвинительным актом? [3] Получили ли от Луцкого вырезки? Посылаю вам еще несколько мне присланных: авось понадобятся. Сохраните это у себя, пока я не напишу.

А как ваше здоровье? Что ваш перевод? Появились ли, наконец, в «Justice» переводы с итальянского? [4] Я получил несколько номеров «Justice» со статьями Longuet, но денег никаких до сих пор они не высылали. Если это удобно вам, то сообщите, чтобы, если вышлют mandat par la poste*, адресовали бы в Post-Office на углу Store-Street и Alfred Place или на Tottenham Court Road, если первого нет в почтовых списках; а то здесь такие громадные расстояния, что на центральную почту далеко таскаться.

Ну, жму вам руку и посылаю поклоны всем. Извините, что сообщил неприятную весть, но не скрывать же ее. Мне теперь необходимо при первой возможности съездить в Париж, хотя бы ненадолго, так как мне нужен мой рукописный и книжный материал, которого без меня не найдут. Еще раз жму руку.

П. Л.

---

* почтовый перевод (*франц.*).

Сейчас получил письмо, в котором есть сведенье, которое и вам может пригодиться для корреспонденций и, кроме того, я попрошу вас сообщить моим приятелям, которым сегодня не пишу. В «Berliner Tageblatt» пишут об аресте Стефановича следующее: по доносу арестовали какого-то молодого человека на пути его с московского дебаркадера в отель и в чемодане нашли, кроме прокламаций, и адрес Стефановича в Москве, куда тотчас же телеграфировали об аресте и высылке его в Питер, что и было исполнено [5]. Пишут также (в «Tageblatt»), что Москва сделалась центром террористической деятельности. Я знал уже об аресте Стефановича, но думал, что, может быть, настоящего имени арестованного не узнали.

[1] По предложению Ковалевского, московский издатель Медичис, связанный с книгоиздательством Солдатенкова, взялся издать труд Лаврова «Опыт истории мысли». В середине марта Алексей Н. Веселовский, работавший тогда у Солдатенкова, известил Ковалевского, что печатание рукописи «будет приостановлено на довольно долгое время» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 576, л. 7). 26 марта Ковалевский снова писал Лаврову из Севильи: «Смысл письма А. В⟨еселовского⟩ тот, что страха ради иудейского Медичис временно не имеет намерения вступать с вами в какие бы то ни было сношения, как с человеком, явно зловредным и опасным, что на меня поэтому возлагается обязанность вести вашу рукопись, так как своя рубашка ближе к телу» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 223, л. 27).

[2] По просьбе Лаврова Н. А. Белоголовый написал М. Е. Салтыкову. В ответном письме ему от 20 марта (ст. ст.) 1882 г. Салтыков писал: «Что готово ⟨из статей Лаврова⟩, то присылайте, но не стесняйте сроками печатания; денег же вышлем, сколько требуется, вперед. Впрочем, разумеется, не станем и печатанием медлить» (Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Кн. 2. М., 1939, с. 268).

Получив этот ответ, С. П. Белоголовая писала Лаврову 6 апреля: «Посылаю вам письмо Салтыкова, очень оно нас порадовало вчера, признаюсь, я побаивалась отказа ⟨...⟩ Не лучше ли будет вам рукопись прислать нам, а мы тотчас же, в тот же день отправим в редакцию ⟨...⟩ таким образом даже английской почтовой марки в редакции не будет и кроме Салтыкова никто не может заподозрить, что такой опасный человек, как вы, сотрудничает в «Отечественных записках» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 31, л. 32—32 об).

[3] Обвинительный акт по делу «20-ти»; см. п. 17, примеч. 2.

[4] См. п. 20, примеч. 1.

[5] Яков Васильевич *Стефанович* (партийная кличка Дмитро; 1853—1915) — землеволец, член группы южнорусских «бунтарей», в 1876—1877 г. один из организаторов «Чигиринского дела» (вместе с Л. Г. Дейчем и И. В. Бохановским) — подготовки крестьянского восстания в Чигиринском уезде Полтавской губернии с целью захвата помещичьих земель; в 1880 г. эмигрировал, в 1881 г. вернулся в Россию, член Исполнительного комитета Народной воли, был арестован в феврале 1882 г., судился по делу «17-ти» народовольцев в 1883 г. в Москве; был приговорен к девяти годам каторги.

28. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 26 марта 1882

Сердце чуяло беду и чуяло недаром. Известие, сообщаемое вами, мой дорогой и многоуважаемый друг, сильно меня огорчило и за вас, и за идею,— эта потеря, право не вознаградится теми ничтожными деньгами, которые собрали мы для Красного Креста. И досадно, и больно. Вы видели из моего последнего письма, в какое волнение меня бросала одна идея, что вам, пожалуй, придется бросить ваш труд, и потому можете себе представить, как подействовал на меня этот грубый способ судьбы разрезать гордиев узел. Я вчера получила письмо ваше очень поздно, во втором часу, когда обыкновенно письма из Лондона приходят утром, и поэтому начинала сильно тревожиться, а как получила письмо, как прочла его, так руки и опустились. Конечно, вчера же в пять часов отправилась в проклятую «Justice» осведомиться насчет ваших денег, узнала, что их еще не выслали и дала адрес bureau de poste. Кассир взваливает вину на администратора. К сожалению, его тут не было, но я адресовалась к Constant, который в свою очередь притащил ко мне какого-то долговязого господина (кажется, секретаря Clemenceau), и все они втроем, как хор

греческой трагедии, поклялись, что в понедельник деньги будут высланы. Во вторник вечером я буду в редакции, чтобы поправить корректуру одной статьи моей. Тогда, если узнаю, что деньги еще не высланы, обращусь прямо к Clemenceau. A Longuet стыдно, что он поступил так небрежно в этом деле.

Меня мучает мысль, что вы, вероятно, сидите без денег. Что вы теперь предпримете? Вы говорите, что вам даже нужно вернуться в Париж и что вы сделаете это при первой возможности,— да мне кажется, что вы могли бы совершенно безопасно сделать это теперь. Вас не посмеют тронуть, так как общественное мнение слишком резко выразилось по поводу этому, да, наконец, Freycinet это сам говорит, и проект закона уже подан, проект, в котором есть один пункт, явно вписанный для вас, о том, чтобы высланные прежде составления закона, могли вернуться через два месяца. Никто не сомневается, что проект пройдет, а 13 апреля будет как раз два месяца, как вы уехали. Памятны вам будут эти два месяца: вы потеряли в течение их и связь с прошедшим, и светлую надежду на будущее,— судьба вас тщательно и бережно обокрала... насколько от нее зависело.

К счастью, то, что хранится внутри нас, недоступно никаким ударам и никаким насилиям, там, помимо всех вещественных потерь, прошедшее может жить и будущее создаваться, хотя бы в данную минуту мы не имели никаких средств его осуществить. Но больно думать, Петр Лаврович, что вы переживаете такие тяжелые минуты в полном одиночестве, и я сильно опасаюсь, чтобы это не подействовало на ваше здоровье. Поэтому еще бы сильнее хотелось перетащить вас в Париж.

Лиза отправилась вчера к Луцкому, чтобы передать сообщаемое вами известие. Он говорит, что есть очень интересные сообщения из России и будто бы il se fait fort de me fournir des documents pour mes correspondances *,— но я что-то сомневаюсь, чтобы из этого вышел какой-нибудь толк,— эти господа отличаются истинно славянской неаккуратностью. Перевод мой подвигается — 75 стр. уже готовы. Lanessan согласился дать мне «отпуск» на один месяц.

Здоровье лучше и сегодня еду слушать Девятую симфонию Бетховена,— зачем не с вами! Все возвращаюсь к одному — книга, книга ваша; жаль ее и только об этом и думаю со вчерашнего дня. Крепко, крепко жму вашу руку. Лиза кланяется. Хорвата *никогда* не вижу. Душевно вам преданная

В. Н.

Ответ на п. 27.

29. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

48, rue d'Assas. Париж, 30 марта 1882

Какой энергией дышит ваше письмо, дорогой Петр Лаврович! Видно, что ни физически, ни нравственно вы не поддались удару. Я рада этому, но не вполне доверяю оптимизму вашего письма, слишком уж стараетесь вы успокоить меня — и здоровы-то вы, и работа сейчас же найдется, и деньги-то у вас есть... Да и как можно, чтобы их не было в запасе у такого практического человека, как вы! Вот в этом-то,— представьте мою дерзость, мой скептицизм!— я себе и позволяю сомневаться и буду очень рада узнать, что вы, наконец, получили ваши деньги из «Justice». Была я в редакции третьего дня вечером, но никого путного мне не удалось видеть, так как час был неудобный (10 ч. вечера).

---

* он готов взять на себя обязательство доставлять мне документы для моих корреспонденций (*франц.*).

А вот что плохо. На днях начинаются вакации Камеры и эти... хотела употребить крепкое словцо из лексикона Золя,— но испугалась вашего чувства изящного... итак, эти болваны разойдутся, вероятно, прежде, нежели пройдет закон об иностранцах. Ведь это очень обидно, потому что таким образом, ваше возвращение будет отсрочено еще на несколько недель. Я надеюсь, по крайней мере, что вы не будете дожидаться «решения дряхлого сената».

Очень вам благодарна за выписки из немецких газет; достала, наконец, и выписки из английских, находившиеся у Луцкого. Но многие из этих известий уже напечатаны в газетах, и в этой самой «Justice». Если мне не удастся найти между здешними русскими аккуратного и деятельного сотрудника, я не возьму на себя быть корреспондентом. Лиза видела Луцкого и говорила с ним, он, равно как и Цакни, нашел, что это отличное дело, выгодное для всех во всех отношениях, но до сих пор, вот уже скоро неделя, не собрался зайти ко мне и дать мне ответ (он вызвался найти мне нужного, за недостатком времени необходимого). Брать же на себя обязательства, не будучи уверена, сдержу ли я их, я не хочу. И вот почему я не пишу корреспонденции, а следовательно, прошу вас не трудиться пока присылать мне выписки.

Я очень занята моим переводом. Завтра будет готова третья часть, пришлось много читать о солнце, его оболочках, пятнах, революциях и т. д. Очень интересно и напомнило один незабвенный вечер, когда вы заставили меня несколько часов *жить* среди небесных пространств, присутствовать при зарождении, развитии и смерти миров,— видеть, как загораются и тухнут светила. Петр Лаврович, нужно всячески отстаивать ваш грандиозно задуманный труд от ударов мачехи-судьбы. Когда вы говорите, что будете стараться *то же самое* одеть в более легкую форму журнальных статей, я вижу перед собой стройное, грандиозное здание, уже начинавшее воздвигаться, общие контуры уже готовы, охватываешь весь ensemble, и вдруг толпа вандалов (я вижу между ними русского царя, вот тут и Freycinet!) его разрушает... архитектор берет уже готовые, изящно отделанные колонны и капители и употребляет их на более легкие, мелкие постройки. Если бы насмешник Летурно прочел это, он бы вам объяснил мой лиризм тем, que j'ai fait ces jours-ci des orgies musicales *. Так как переход от вашего труда к музыке Бетховена менее странен, чем бы это показалось, конечно, такому профану в музыке, как Летурно, то я вам скажу, что имела на днях огромное удовольствие. Слышала мессу Бетховена в Notre Dame,— более полного музыкального наслаждения трудно себе представить,— музыка вдохновенная, глубокая, исполнение превосходное, а где же найти более поэтическую обстановку, как величественные своды готического храма? Я была на хорах и села нарочно так, чтобы не видеть вовсе комедии, происходившей внизу, что, впрочем, не трудно с моими глазами, и уверяю вас, что провела часа два в каком-то сне. Это не был «Сон в летнюю ночь», но «Сон в Notre Dame» под звуки Бетховена. Иногда мне приходит в голову, что во мне живет «немой» поэт, такое богатство образов, ощущений, мыслей теснится в голову в иные минуты сильного потрясения,— но это, вероятно, кажется всем впечатлительным людям, которые действительно имеют одну общую черту с поэтами: нервный темперамент, сильно все воспринимающий. Беда от него чаще всего, но иногда и хорошо, и тогда, точно в вознаграждение, начинаешь рассказывать себе самому всякие чудеса и небылицы, за неимением языка, на котором бы можно было оповестить их миру. Как это счастливо-то для мира! Представьте себе, если бы все «немые» поэты заговорили, ведь

---

* что я предавалась в эти дни музыкальным оргиям (*франц.*).

и так уже достаточно людей, облеченных правом говорить всякий вздор в стихах.

Кстати о поэтах. У Летурно нет «La Justice» Sully Prudhomme, иначе я вам бы прислала, но читали ли вы в той книге, которая в British Museum, стихотворение «Le Gué»? Я его очень люблю и не могу читать без волнения [1]. Если вы его читали, то вы знаете почему,— так как вы принадлежите к редкому, к счастию, числу людей, для которых чужие сердца открыты, и они в них читают, как мы простые смертные в книгах,— пожалуй и лучше, так как многие читают книгу, не понимая ее.

Только что получила вашу Carte postale. Очень благодарю за извещение. Значит, хор греческой трагедии сдержал обещание.

До свидания, Лиза и я, мы обе крепко пожимаем вашу руку. Берегите здоровье.

В. Н.

P. S. Я ничего не слышала об обеде в Palais Royal 18 марта, но весьма вероятно, что о вас упоминали. Ваше дорогое нам имя часто произносится теперь при всяком удобном случае и всегда с таким уважением и сочувствием, что отрадно слышать. Например, в воскресенье 19 марта Hugues на конференции, где он говорил о законе, предлагаемом Freycinet и вообще о законах подобного рода, упоминал и о вас. Он чисто народный оратор, его несколько вульгарное, но картинное и страстное красноречие должно, конечно, скандализировать прилично облизанную Камеру, но на простых людей оно сильно действует. Нужно бы только желать более стройности и цельности в голове оратора, где, мне кажется, царствует еще порядочный хаос.

До свиданья.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова

[1] Рене Франсуа Арман *Сюлли-Прюдом* (1839—1907) — французский поэт. В поэме «La Justice» («Справедливость», 1878) он говорит о том, что после тщетных поисков справедливости в общественной жизни и в устройстве вселенной вообще, он нашел ее в совести человека. В стихотворении «Le Gué» («Брод», 1866) поэт рассказывает о старом крестьянине, командире партизанского отряда, взятом в плен у мелководной реки. Желая скрыть, что ее можно перейти вброд, кинутый в воду, он, став на колени, тонет и, обманув так врага, спасает свой отряд, только что перебравшийся здесь на другой берег.

30. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж. Понедельник, вечер <3 апреля 1882 г.> [1]
45, Rue d'Assas

Дорогой Петр Лаврович,

Оттого ли, что я много работала, оттого ли, что я вот уже второй день страшно хандрю, но у меня глаза порядком разболелись, и поэтому, к счастью для ваших глаз, вы сегодня лишены моего собственного царапанья. Ваше письмо заставило меня сильно призадуматься. Конечно, я обрадовалась известию, что есть надежда на продолжение труда, которым я так живо интересуюсь; но признаюсь вам, эта надежда обставлена такими затруднениями, такими тяжелыми для вас условиями, что радость моя далеко не полная. Скажу вам правду: мне кажется просто невозможным, чтобы вы могли вести de front * любимую работу, ваши многосложные дела по общественной деятельности (более сложные, чем когда-либо) и тот серьезный, всеобъемлющий труд, для которого нужно такое сосредоточение мысли. Эта задача очень мудреная, так как при всевозможной деятельности, все же день состоит из известного количества часов, да и самый мо-

* одновременно (*франц.*).

гучий мозг способен только к известной доле труда. Я бы на вашем месте просто обратилась к друзьям более обеспеченным (у вас водятся ведь и такие), и не сомневаюсь, что между ними нашелся бы человек, который с радостью бы вас ссудил суммой, необходимой для полугодовалого прожитья. Это даже вовсе не личная услуга, а дело общественной пользы и любви к науке. Вы мне на это возразите: а если издатель не решится? Ну, что же делать, ссуженная сумма пропадет для того, кто занял, да и то, вероятно, на время. И не на такие дела люди рискуют, и не такие суммы. Подумайте сами, если вы будете писать статьи одновременно с вашим трудом, почти невозможно, чтобы последний не пострадал и чтобы вы сами не поплатились здоровьем. Сильно опасаюсь, что все мое красноречие пропадет даром. И что это покажет то, что, как я вам не раз говорила, и у вас есть предрассудки.

Подлейшая Камера разошлась, отложивши в долгий ящик ваше дело, хотя накануне еще Pelletan предлагал его вотировать. Итак, надежда вас увидеть опять удалена на неопределенное время; я уверяю вас, Петр Лаврович, что в Париже очень скверно и «холодно» без вас. Прежде бывало, как подойдет прилив тоски, пойдешь к вам, послушаешь ваше слово или несколько страниц, и опять как-то светлей делается и голова работает. А теперь не к кому и пойти; все остальные или сами пребывают в таких же «промежуточных» пространствах, как я, или уж обретаются в таких холодных, что им ни до кого нет дела. Для полноты жизни мало переводить Бюхнера!

Что вы себе, скажите пожалуйста, вообразили о Хорвате? Перестал он у нас бывать просто без всякой причины, потому что ему так заблагорассудилось. У Трэна он не бывает тоже, да и мы бываем редко. Есть дают скверно, а тут еще постоянно вспоминаешь о веселых обедах с вами и просто кусок в горло не идет. Знаете ли, я ни разу не была на вашей квартире, хотя даже и нужно пойти, чтобы отыскать там бедную мою «Epopée terrestre» [1], превратившуюся теперь в странствующую Одиссею,— все по той же причине. Глебовы уезжают на днях; мы с ними в последнее время совсем не виделись. До свидания, крепко жму вам руку, и очень прошу всегда как можно более о себе сообщать. Даже одна мысль ограничиться *«тремя строчками»* по этому вопросу — вполне непростительна. Вот если вы начнете ваши геркулесовские труды, понимаю, что тогда придется довольствоваться краткими известиями, но надеюсь, по крайней мере, частыми. Я же буду продолжать писать вам всякий вздор,— авось найдете время его читать. Берегите себя. Душевно вам преданная

В. Н.

Вторник. Сегодня вышла статья Вари, которую я вам посылаю [2]. Она простудилась. «Justice» делает успехи в социализме. До свидания, многоуважаемый Петр Лаврович; надеемся *все*, до скорого.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова. Е. Б.

Датируется по дню недели и по сообщению, что «Камера разошлась» (последнее заседание Палаты депутатов перед пасхальными каникулами состоялось 1 апреля).

[1] «Epopée terrestre» («Земная эпопея»)— поэма А. Лефевра. О нем Никитина писала в статье «La poésie de combat» («La Justice», 19 septembre 1883; см. также: *Études*, с. 335—337).

[2] См. п. 25, примеч. 4. По-видимому, указание на «вторник» ошибочно: статья Никитиной появилась в среду 5 апреля.

31. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Париж⟩ 7 апреля ⟨1882 г.⟩

Сегодня получила ваше письмо поздно, дорогой Петр Лаврович, когда уже не надеялась получить и собиралась писать carte postale, чтобы спросить у вас о вашем здоровье. То, чего я так боялась, сбылось,— вы хвораете, и это тем более грустно, когда подумаешь о вашем одиночестве. Берегите себя, пожалуйста, ради общего дела, ради вашего труда, на осуществление которого я все-таки не теряю надежды, ради всех тех (число их значительно!), кто вас ценит и уважает, ради тех, наконец, кто вам искренно и горячо предан.

Вы получите мое письмо в день «светлого» праздника, для нас давно он утратил свое значение, а все-таки в такие дни как-то больше еще думаешь о далеких дорогих людях, и как-то живее, больнее чувствуешь их отсутствие. Для вас не веселы будут праздники, так как вы привыкли проводить такие дни в дружеском кругу,— а для меня праздником меньше в жизни вообще, с тех пор как вы уехали. Поистине, всякий вечер, проводимый с вами, я считала «светлым» для души и для ума.

Вчера мы были у Jaclard, где я познакомилась с Выш⟨инской⟩ [1]. Общая симпатия к вам сейчас нас сблизила,— она тоже собиралась к вам писать сегодня. Мы не разошлись с Глебовыми, а просто перестали часто видеться, потому что они последнее время закружились в «вихре» удовольствий и знакомств. Они барышни хорошие, но скучноватые, и между нами общего-то немного. Вот Ковалевская очень интересная личность. Сегодня все мы были на Stabat Mater в St. Eustache [2]. Целой колонией, такой точно, как вчера у Jaclard.

Вы мне говорите, что ваше «предисловие» переведено на итальянский язык,— я полагаю, что вы говорите о предисловии к «Антропологии». Очень буду рада его иметь, но только вы подчас не приводите в исполнение ваших благих намерений, témoin * речь, произнесенная вами 18 марта в каком ⟨-то⟩ английском собрании [3]. Вы собирались ее мне прислать и даже говорили, что, может быть, «Justice» напечатала бы, и не прислали ее совсем. А письмо Vollmar'a так и не попало, видно, в «Justice», я следила, но его не было. Столько времени потеряли в проволочках, что, видно, нашли или что поздно подавать в «Justice», или редакция нашла, что поздно печатать.

Я совсем отвыкла от светской жизни и очень устала от вчерашнего вечера и сегодняшнего концерта. Простите поэтому бессодержательность письма, и также царапанье,— вечером буквально не вижу, и слова, строчки и буквы как-то переплетаются. Говорила вчера с Луцким,— очень подбивает писать корреспонденции и все *обещает* принести сведения,— увидим.

Вчера много о вас говорили и все поручили мне вам кланяться. До свиданья, мой дорогой, добрый друг, я тоже крепко, что есть силенки жму вам руку. Очень прошу уведомить par carte postale о вашем здоровье, оно меня сильно тревожит, а также и ваши денежные ⟨дела⟩. Ne vous en déplaise **, я не очень верю вашим оптимистическим объяснениям, que tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes ***. Когда же мы вас увидим? Вы за совет благодарите, но не принимаете. Увы, я это знала, и это не был даже совет — не мне давать их вам,— а просто я вам высказала мое мнение. Мне и теперь кажется, что вы не правы, жертвуя *общим* добром и пользой из-за излишней *личной* деликатности. Воля ваша, это не личное

---

* об этом свидетельствует (*франц.*).
** Не прогневайтесь (*франц.*).
*** что все идет к лучшему в этом лучшем из миров (*франц.*).

ЛОНДОН, АЛЬФРЕД-ПЛЭЙС
Вид от дома № 13, где в феврале — мае 1882 г. жил П. Л. Лавров
Фотография Н. В. Филипповой, 1975

дело и не личное одолжение, а просто долг для всякого порядочного человека. Ведь и вы точно также рассуждали бы, если бы дело шло не *о вас*. Еще раз жму руку.

Всей душою преданная В. Н.

Я тоже надеюсь перевесть в Revue Lanessan ваше предисловие, но месяца через два,— теперь не могу.— В «Justice» я никогда ничего не писала о книге Letourneau,— а в «Revue des Sciences» [4] и мельком в «Réveil».

Мои умственные способности вчера были так плохи, что я не поняла, что вы пишете о предисловии об истории революционного движения на итальянском языке [5]. Конечно, я очень желаю, чтобы вы мне его прислали. *Когда* появятся эти эскизы, одному Констану известно. Уверяет, что через три недели, а я думаю, что не раньше летних вакаций.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Мария Вышинская — участница революционного движения 1870-х годов; студентка Медицинской школы в Париже.

[2] Stabat Mater — первый стих гимна, который исполняют в католических церквах в праздники «семи страстей святой Девы», на Страстной неделе и 15 сентября. Гимн был переложен на музыку многими композиторами: Перголезе, Гайдном, Шубертом, Россини, Верди, Дворжаком и др.

Церковь Св. Евстахия (1223 г.) расположена в центре Парижа; после Собора Парижской Богоматери это самая большая церковь во французской столице; славится своим великолепным органом.

[3] Лавров выступил в Лондоне 19 марта с речью о Парижской Коммуне.

[4] Никитина поместила статью о книге Летурно «Социология по данным этнографии» в «Revue internationale des Sciences» 15 января 1881 г. (см. также: *Études*, с. 270—296).

[5] Лавров писал о своем предисловии к «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского.

32. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› British Museum. Reading Room № 3.
10 апреля ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна!

Как вы могли думать, что здесь, в благочестивой Англии, мы получаем письма в воскресенье или даже в Easter-day! * Ваше письмо (от 7 (?)) я получил только сегодня утром и сейчас же отвечаю, пока не принесли мне заказанные книги. Тороплюсь особенно потому, что, судя по письму Белоголового, сегодня полученному, от вчерашнего дня, вы будете писать в «Justice» о невероятном факте в Montreux, связанном с моим именем [1]. Если еще есть время, то советую вам припустить долю скептицизма. Во всяком случае, если уже напечатали, пришлите мне номер «Justice», где будет: я пошлю несколько строк с выражением своей позиции, потому что я *уверен*, что суд покажет нелепость всей конструкции этого дела. Ведь шуты имели время и до того. Я так живу, что подослать убить меня и в Париже и в Лондоне не стоит ни малейшего труда, а их шпионы верно знают отлично мой способ жизни. Это или помешанная, или немец наврал в своем отчете. Я считаю, что надо газете стать на скептическую точку зрения, которая немедленно оправдается на суде.

О моем здоровье не знаю что сказать: по утрам ничего, а каждый вечер почти не совсем хорошо; вчера вечером кашель очень усилился, а сегодня, кажется, опять ничего.

Что вам за охота рассказывать всем, будто я скучаю: во-первых, я не скучаю и никогда не скучал; тоска бывает более или менее сильная, но тоска и скука — cela fait deux**. А тут вдруг люди, которые и о существовании моем забыли, пишут и считают себя обязанными писать соболезновательные письма! Это даже возмутительно... А, впрочем, вчерашний праздник для меня прошел не совсем без разнообразия. Лежу я на кровати и собираюсь дремать, как вдруг стучат в дверь и влетают три парижанина (русских), приехавших провести неделю здесь [2]. Вот и пасхальный визит. Привезли поклоны, хоть я уверен, что никого из моих более близких приятелей даже не видали. Ну а будучи в Лондоне, как же не зайти... Очень можно...

Ну, сообщу вам две новости, которые, конечно, лучше хранить про себя. 1) По всей вероятности, недели через 3—4 я приеду в Париж (*с о в с е м м е ж д у н а м и*: министр просил моего приятеля, чтобы я *не* сообщал им [3]). 2) Я получил ответ на предложение работы и самый неожиданный: из кусков храма устроить гульбище для публики. Мой план таков: в апреле и до половины мая работать для журнала и писать хлебные статьи [4], а с половины мая до сентября продолжать постройку храма (который все-таки, вероятно, останется недостроенным). Вы совсем ошибаетесь, когда хлопочете о моих материальных средствах. Денежные дела мои почти совсем устроились, и мне надо только суметь пережить небольшой промежуток, что́ уже и хорошо комбинировалось, и вы напрасно ехидно сомневаетесь в моей практичности. Только рядом с улажением двух будет *третье*, и вот это-то *может* помешать и тому и другому [5]. Ну, да этому уже я никак помочь не могу. Это — долг. Жму вам руку. Книги пришли. Нужно приниматься за дело. Поклон всем.

П. Л.

Ведь моя речь была ‹у› меня в экстракте [6], а так как, судя по вашим письмам, я думал, что в «Justice» не нужно, я и не счел нужным присылать

---

* день пасхи (*англ.*).
** это вещи разные (*франц.*).

экстракт. Предисловие к итальянским очеркам пришлю или привезу. Что касается до речи, вы ее, вероятно, через некоторое время прочтете вполне.

Ай — клякса! ну, уже переписывать некогда — извините.

Ответ на п. 31.

[1] 3 апреля в Монтрё «Священной дружиной» было организовано покушение на Лаврова; покушавшаяся, некая Михалева, приняла за Лаврова какого-то немца и стреляла в него.

[2] Один из приезжих «парижан» был Александр Петрович Черепахин, участник революционного движения 1870-х годов; он учился в Медицинской школе в Париже.

[3] Этот «приятель» — Григорий Николаевич *Вырубов* (1843—1913) — философ-позитивист, либерал. С 1867 г. поселился в Париже; во время франко-прусской войны участвовал в обороне Парижа в рядах национальной гвардии, при Коммуне — в качестве врача военного лазарета. Был близок с А. И. Герценом в последние годы его жизни; приятель И. С. Тургенева, М. М. Ковалевского.

7 апреля Вырубов, принимавший живое участие в деле Лаврова, сообщил ему о своем посещении министра внутренних дел Рене Гобле: «Сейчас только возвратился от Goblet, с которым объяснялся о вашем деле. Ответ его на мой вопрос был самый неожиданный, самый изумительный! (...) Вот, почти текстуально, что мне сказал гражданин министр: «Возвращение г-на Лаврова в настоящую минуту, быть может, несколько преждевременно, но скажите ему, что когда он сочтет возможным возвратиться, чтобы он об этом не сообщал правительству. Это во всех отношениях удобнее». Последнее повторил он мне еще раз на прощание, с весьма знаменательной улыбкой. Переводя все это на общечеловеческий язык, оказывается следующее: подождав еще недельки четыре, вы можете спокойным манером укладывать чемодан и брать свой billet direct * в Париж. Тем временем побываю я у Casalle и префекта полиции, чтобы предотвратить недоразумения со стороны мелких чиновников. Разумеется, надо вам будет, по крайней (мере) на первое время, жить смирно, а там мало-помалу все забудется» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 96, л. 72—72 об.).

[4] Под «хлебными статьями» Лавров подразумевает оплачиваемые гонорарами статьи для легальных русских журналов и для иностранной прессы.

[5] «Третье дело» — редактирование «Вестника Народной воли».

[6] См. п. 31, примеч. 3.

33. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

(Париж) Понедельник (10 апреля 1882 г.)

Что с вами, дорогой мой друг, и отчего нет ни строчки сегодня? Я очень встревожена и боюсь, что вы или нездоровы или уж очень расхандрились, а и то и другое весьма неутешительно. А тут еще это странное покушение на вашу жизнь, бывшее в Montreux и произведшее, конечно, тяжелое впечатление на всех ваших друзей [1]. Как ни повторять себе, что вы в Лондоне и что поступок этой сумасшедшей не имеет, следовательно, никаких последствий для вас, но мысль одна, что *хотели в вас* стрелять, заставляет сердце болезненно сжаться. Я об этом узнала только в субботу от Белоголовых; в «Justice» известие это появилось только вчера, а я ведь «Temps» не читаю, да и Letourneau как-то проглядел его. Кстати, скажите мне ваше мнение — полагаете ли вы, как, например, Белоголовые, что женщина, стрелявшая в немца, которого она принимала за вас, принадлежит к антинигилистической лиге, о существовании которой газеты когда-то много говорили? Мне очень советуют написать об этом небольшую статью, указывая на предупреждение, когда-то появившееся (именно в сентябре) в «Общем деле» [2]. Впрочем, мне сказали ваши друзья, что вы мне об этом напишете, и я тем более ждала сегодня, хотя бы краткую carte postale.

Мне так грустно, когда я подумаю о вашем одиночестве в Лондоне, да еще представляю себе, что вы больны, что будь у меня деньги, сейчас бы к вам поехала. К сожалению, безденежье у меня полное и даже будущее шатко, вследствие небольшой размолвки, происшедшей между мной и отцом. Он меня вызвал на довольно резкое письмо, на которое и не от-

* Билет прямого сообщения (*франц.*).

ветил [3]. Увидим, что последует в мае, когда обыкновенно он мне посылает деньги.

До свиданья, голубчик Петр Лаврович. Крепко, крепко жму вашу руку, берегите дорогое ваше здоровье и не падайте духом. Вы вернетесь в Париж, и более прежнего вас все будут лелеять. Узнала от Белоголовых, что вам гораздо хуже в Лондоне и что вы более хандрите, чем высказываете это в ваших письмах ко мне... Петр Лаврович, это называется изменой дружбе! Недаром я и так не верила оптимизму, проявлявшемуся в ваших письмах. Вы со мной обращаетесь не как с другом, а как с ребенком.

Ваша В. Н.

Датируется по дню недели и по упоминанию о покушении в Монтрё, о котором Никитина узнала «только в субботу», то есть 8 апреля.

[1] О покушении в Монтрё см. п. 32, примеч. 1.

[2] В «Общем деле» (1881, № 44, сентябрь), в передовой статье, озаглавленной «Белый террор», говорилось: «Русское правительство ⟨...⟩ намерено создать особое сообщество, названное им «Дружиной спасения», цель которого насильственно устранять главных не только русских революционеров (Кропоткина, Гартмана, Дейча и др.), но и западных (Рошфор) ⟨...⟩ Для убийства на первый раз Рошфора и Кропоткина нанят некий искусный бретер, который должен, оскорбив их, подать повод к дуэли и затем порешить их».

[3] См. п. 19, примеч. 2.

34. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
13 апреля ⟨1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Хотел писать вам и третьего дня и вчера, но едва-едва могу написать сегодня. У меня опять был период громадных, длиннейших писем, которые приходилось еще писать чуть не микроскопическими буквами на такой тонкой бумаге, что глаза болели, а потом еще, и еще, и еще [1]. Ну, утомился до невозможности, и сейчас только могу написать вам хоть коротенькое письмо. Вы, конечно, знаете теперь, что праздники имели влияние и на опоздание вашего письма и на отсутствие ответа моего.

Здоровье мое все плохо, но только вы уж слишком черно рисуете. Я не был уже так беспомощен, чтобы нуждаться в ухаживании, выходил каждый день, а если бы стало и хуже, то ведь во всех цивилизованных странах, тем более в Лондоне, есть для больных госпитали.

Относительно несчастного дела в Montreux я никаких более подробностей не имею, но все-таки уверен, что дело окажется вздором. Ну к чему? — А «тяжелое впечатление», о котором вы говорите, совсем уже лишнее. Ведь мои лучшие приятели должны же сознавать, что мне скоро 60 лет, что неизбежны дряхлость, упадок умственных и нравственных сил, вместе с физическими, придет неизбежно, да и приходит уже постепенно, и что гораздо выгоднее для меня теперь погибнуть от пули какой-нибудь личности, чем разваливаться, делаться предметом сожалений, а, пожалуй, и посмеяний etc, etc. Право, взвешивая рассудительно пассаж ⟨?⟩, я нахожу, что неизвестная мне личность (если бы все это было серьезно) оказала бы мне немалую услугу. Есть бремя, которое нести нелегко, но сбросить не имеешь права, как представитель не только своей личности, но общественного направления, а если другие помогут, да еще при приличной драматической обстановке,— это совсем недурно. Но вы возмущаетесь и браните меня, я это чувствую и потому перестаю. Туман. Погода непривлекательная. Сейчас иду в Музей. А приехавшие сюда русские парижане не нахвалятся Лондоном. Может случиться (хоть мало вероятно),

что я с ними пришлю вам один документ, так что не удивляйтесь, если вам принесут, и не распечатывайте при посторонних. Впрочем, возможно, что я сам привезу, когда приеду, так как дело не так уж спешно.

Меня беспокоит ваше отношение к вашему отцу. Ну что же вы делать будете, если там совсем разорвется? И к чему писать резкости, когда они *не могут* подействовать? Пожалуйста, сообщите о ваших делах. А меня вы браните за какие-то будто бы умолчания: мало ли что показалось доктору! Но он, очевидно, еще преувеличил при рассказе вам.

Крепко жму руку. Поклон Лизавете Фоминишне. П. Л.

Много ли занята теперь Лизавета Фоминишна? Мне надо бы знать.

Ответ на п. 33.

[1] Лавров писал позднее по поводу полученного им предложения, что он отвечал Исполнительному комитету Народной воли подробными письмами, указывая условия, при которых считает возможным для себя редактировать орган партии; в духе этих условий он вместе со Степняком выработал программу «Вестника Народной воли» (см.: «Биография-исповедь».— П. Л. Лавров. Философия и социология, т. 2, с. 628).

35. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 14 апреля ‹1882 г.›

Странный вы, право, человек Петр Лаврович! Из вашего письма выходит просто, что ваши друзья должны бы сожалеть о том, что покушение на вашу жизнь не удалось, так как ничего лучшего для вас и желать нельзя. А мы, видите ли, такие неразумные эгоисты, что никак не можем стать на эту высоту.

Я вполне понимаю, что должны быть минуты, когда вы этого желаете, когда вы так думаете и чувствуете,— я иду дальше и скажу, что если бы действительно вы были на пороге того умственного и физического разрушения, о котором вы говорите, люди вам искренно преданные, с грустью бы склонили голову, предпочитая для вас смерть такой жалкой жизни, особенно при тех обстоятельствах, в каких вы поставлены. Но ведь дело совсем иначе стоит. Вы — наша гордость, вы — огромная нравственная сила, толкающая и будящая других, ваши сочинения, ваше живое слово, ваш пример могут еще принести столько добра и пользы, вы окружены такими горячими симпатиями, что ваши личные друзья имеют не только *право*, но и обязанность желать сохранить вас как можно подольше. Воля ваша, кто, как я, читал ваш новый труд, тот не может бояться за вас преждевременной и скорой дряхлости! В этом труде чувствуется полная сила творчества и зрелость мысли, и вы сами, отложив ложную скромность в сторону, не можете этого оспаривать. Подумайте, дорогой Петр Лаврович, о том громадном влиянии, какое может иметь подобный труд, а ведь я начинаю надеяться, что грандиозный храм воздвигнется-таки.

В последнее время судьба действительно так вас потормошила во всех отношениях, что ваше мрачное настроение духа вполне понятно,— все разом нахлынуло, оторвало вас от вашей уже сложившейся жизни, от кружка, где у вас были хоть кой-какие близкие люди, почти было отняло надежду продолжать любимый труд, а тут еще пропажа, сильно вас расстроившая, и гнет материальных забот, нахлынувший на вас сильнее прежнего, одиночество, лондонские туманы и т. п. Вот вы и расхандрились, но я надеюсь, что придут для вас минуты более светлого настроения. Лишь бы было возможно вам поселиться опять в Париже,— тут и условия жизни приятнее, и климат лучше и, наконец, есть люди, искренно вас любящие, которые не дадут вам слишком сильно чувствовать «холод жизни», ощущение тяжелое, слишком мне знакомое.

Кстати, Петр Лаврович, вы меня совсем напрасно бранили в последнем письме за то, что я говорю всем, что вы сильно скучаете в Лондоне. Я только раз Глебовой сказала, в ответ на ее вопрос, что вы живете очень одиноко, а других я никого даже не видела, да и вообще сообщать никому бы не стала о том, что́ вы мне пишете. К тому же, о вашей хандре я более слышала от других,— от той же Глебовой, которой говорили ваши корреспонденты, и от Белоголовых. Я даже упрекнула вас в последнем письме за то, что мне не пишете откровенно, как другу, точно щадите неразумное дитя.

Лишнее вам говорить, как я рада надежде вас скоро увидеть,— только вы не пишете совсем, надолго ли вы собираетесь сюда, и вот это меня сильно смущает. Неужели вы не думаете поселиться здесь?

Уступая советам Белоголовых, Ковалевской и других, я написала коротенькую статью в «Justice» о покушении ⟨в⟩ Montreux и Лиге спасения,— написала весьма осторожно и скептически, но чего-то не печатают. Нет ли какой-нибудь хорошей новой книги на свете? В «Justice» начинают нравиться мои разборы, и мне предлагают написать что-нибудь «вроде» последней статьи о книге Летурно. Русское движение будут печатать во время вакаций [1], что для пропаганды весьма неудобно, да и для газеты глупо, но что поделаешь с Constant?

Вы меня упрекаете за резкое письмо отцу. Право, нельзя было иначе поступить, нужно иногда защищать свое собственное достоинство и еще более отстаивать свои убеждения, *какие бы ни были последствия*. Именно потому, что я завишу от отца в материальном отношении, я не могла позволить ему бросать грязью во все, что мне дорого и свято. Будет, что будет, и заранее об этом нечего тревожиться.

Лиза вам очень кланяется, — занята-то она очень, но если нужно переписать что-нибудь небольшое, она найдет время,— перевод и переписка не поглощают нас.

Жму вам крепко руку.

В. Н.

Ответ на п. 32 и 34.

[1] Публикация в «La Justice» перевода очерков из «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского была осуществлена не во время пасхальных каникул Палаты депутатов, а значительно позднее (см. п. 20, примеч. 1).

36. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13, Alfred Place. Tottenham Court Road.
16 апр⟨еля 1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Эти дни моя жизнь совсем изменилась, так как один хороший приятель на проезде из Франции в Нью-Йорк заглянул в Лондон на три дня, и мы все свободное от работы время проводили вместе [1]. Поэтому я и пишу вам этот раз наскоро. О самом существенном скажу прежде всего: мне кажется, есть две книжки, которые вы могли бы сделать предметом статей: это недавно вышедшая английская книжка Сюлли об иллюзиях [2] и книга одного итальянца о самоубийстве [3]. Я даже думал, что они обе, или, по крайней мере, одна, уже появились в переводе на французском, но не могу в настоящую минуту найти у себя в списках журналов и в каталогах. Имя итальянца, кажется, Морселли, но я еще поищу и сообщу вам. Книгу Sully я мог бы вам добыть и прислать по-английски.

Теперь о разном житейском. Я надеюсь скоро приехать в Париж и постараюсь остаться там так долго, как будет возможно, но думаю, что колеблющиеся обстоятельства принудят меня переселиться совсем в Лон-

дон, а в Париж только приезжать. Но когда это будет, и будет ли — уже не в моей воле.

Я почерпнул из вашего же письма, что вы встретили Вышинскую и говорили с нею обо мне, а на другой же день от нее получил письмо (чего, конечно, ей и в голову не пришло бы сделать), где она писала, что слышала, как я скучаю etc, etc. Из сближения этих двух фактов я и вывел умозаключение.

Я предпочел не посылать вам документа, о котором шла речь,так как в аккуратности приезжавших сюда лиц далеко не уверен, а вам они, кажется, и не знакомы.

Кашель все меня преследует и общее чувство нездоровья не оставляет, но хуже особенно не делается.

Надо написать еще письма три, и я прошу извинения, что кончаю, желаю вам всего хорошего. Поклон Лизавете Фоминишне.

П. Л.

Ответ на п. 35.

[1] В Лондоне проездом был М. М. Ковалевский, приглашенный в Соединенные Штаты Америки для чтения курса лекций.
[2] James S u l l y. Illusions. A Psychological Study. 1881.
[3] Enrico M o r s e l l y. Suicide. An Essay on Comparative Moral Statistics. 1881.

37. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж. Пятница, 21 апреля ⟨1882 г.⟩

Хотела вчера писать к вам, дорогой Петр Лаврович, и к величайшей моей досаде разные непредвиденные обстоятельства и посещения отняли совершенно возможность вовремя написать письмо. У меня теперь завелись новые знакомства, очень приятные, но отнимающие время, которое все-таки могло бы быть лучше употреблено, как на приятные разговоры. Вот третьего дня я провела вечер, оставивший мне самое приятное впечатление: в крошечной комнатке Marie ⟨Вышинской?⟩ [1] мы втроем — Лиза, Marie и я, читали и толковали от 8 до 12 вечера, и предмет чтения был: «Теория и практика прогресса». Мне так и не удалось прочесть эту статью с Глебовой, да и я полагаю, что толку бы не было много, барышня несколько деревянного сорта,— а моя Маруся живая душа и жадный ум,— только о некоторых вопросах она мало думала. Вчера вечером у M-me Sleyden опять вы были «духовно» между нами — Ковалевская переводила M-me André Léo страницы вашей книги о Коммуне, где вы говорите о ее деятельности [2]. André Léo пресимпатичная личность, и я думаю, вам будет приятно с ней познакомиться. Она удивительно мила ко мне, и я даже несколько озадачена ее вниманием, так я мало его заслуживаю.

Все это хорошо, но когда вы, наконец, не только «духовно» будете между нами? Ведь я презренная материалистка и весьма ценю la présence réelle *. Если вы приедете и останетесь здесь, и будете мочь продолжать вашу книгу, и по-прежнему будете благоволить к вашей недостойной почитательнице и если мы будем довольно часто видеться,— как видите, очень много *и*! — тогда будет очень хорошо, так хорошо, что даже и не верится, чтобы все это исполнилось. Вы знаете, «недовольство настоящим и желание невозможного» свойственно человеку, и особенно такому, как я.

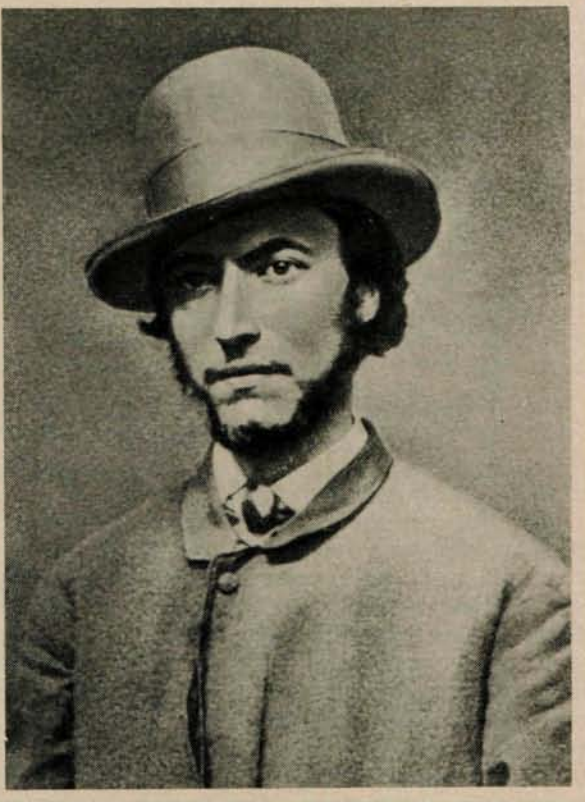
Я рада, что близкий приятель вас навестил в Лондоне,— не тот ли это, посредством которого идут у вас переговоры с издателем?— и очень благодарна вам за то, что вы все-таки нашли время написать ко мне, да еще и думать о книгах, полезных мне. Книгу о «самоубийстве» Морселли я могу найти здесь, а английскую об «иллюзиях» не трудитесь присылать,—

* реальное присутствие (*франц.*).

ШАРЛЬ ЛОНГЕ, РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «JUSTICE»

Фотография

Из книги: Georges Bourgin. La Guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1939



она, вероятно, философская или по психиатрии и для «Justice» навряд ли будет годиться. Советуют мне написать статью по поводу vie psychique des Bêtes *, но исключительно о социализме у насекомых,— что вы на это скажете?

Я надеюсь, дорогой Петр Лаврович, что вы мне напишете, когда именно вы приезжаете, я сюрпризов, даже приятных, не люблю, они мне нервы расстраивают. Зато нахожу, что нет ничего приятнее в жизни, как ожидание чего-нибудь радостного, а ведь увидеть вас будет великая радость. Напишите же хоть два слова,— насколько я слышала, Черепахин говорил, что вы приедете на днях. Я зла на Черепахина, ни перед отъездом в Лондон, ни после возвращения не мог зайти ко мне, а это было бы, кажется, очень просто. По-моему, обязательность — первая ступень альтруизма.

Вы кашляете,— этим, вероятно, вы обязаны лондонским туманам, так как с вами в Париже это не часто бывало,— я же кашляю так немилосердно с тех пор, как началась весна, что чувствую себя совершенно разбитой. Крепко жму вам руку, надеюсь, до скорого свидания. Лиза вам кланяется.

А в России-то нашей не унывают, и здесь не могут достаточно надивиться непобедимой энергии революционеров [3].

Душевно вам преданная В. Н.

С Хорватом опять видимся, но спорим ожесточенно и против него теперь целый женский союз, согласившийся ему спуску не давать,— Ковалевская, Вышинская ⟨?⟩, я и т. д. Он и Letourneau очень вам кланяются.

---

* психической жизни животных (*франц.*).

[1] Фамилия написана неразборчиво, чтение предположительное.

[2] Андре *Лео* (Леони Шансе; Champseix, 1829—1900) — французская писательница, участница Парижской Коммуны, социалистка. После подавления Коммуны эмигрировала в Швейцарию, в 1880 г., после амнистии вернулась в Париж. В своей книге «Парижская Коммуна» Лавров писал о ней: «Если мы будем в эту эпоху искать наиболее определенную постановку социального вопроса, нам приходится обратиться к статьям Андре Лео. Она одна ни на минуту не отступила от основных требований социализма для более неопределенной — и, как мы видели, неосуществимой — задачи создать в период ожесточенной экономической борьбы Париж как солидарную политическую коммуну» (П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. Л., 1925, с. 170). После возвращения Лаврова из Лондона между ним и Андре Лео установились дружеские отношения.

[3] Слова Никитиной, очевидно, относятся к убийству в Одессе С. Н. Халтуриным и Н. А. Желваковым 18 марта 1882 г. прокурора Стрельникова, командированного туда для производства дознаний по делам о государственных преступниках на юге России. 22 марта Халтурин и Желваков были казнены.

38. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Понедельник, 24 апреля ‹1882 г.›

Благодарю вас, дорогой Петр Лаврович, за ваше письмо, полученное вчера; оно пришло так кстати. Вот уже несколько дней, как я совсем больна, не выхожу и работать не могу вследствие большой слабости,— целые ночи напролет кашляю. Ваше же письмо, затрагивающее столько вопросов, заставляющее думать, принесло новую пищу моему уму и оживило мое уединение. Меня теперь все друзья балуют, навещают,— вот и вы побаловали, написали длинное письмо и даже подумали о том, чтобы не оставлять меня два дня без ответа. Большое вам спасибо за это.

Очень может быть, что вы правы в вашем суждении о моей Марусе — и мне не раз приходило в голову опасение, что не поверхностна ли эта привлекательная натура. Но то, что вы мне сообщаете о Глебовой, больше чем удивляет меня. Она мне показалась очень неразвитой, с совершенно неустановившимися убеждениями, и раз вечером она при Ковалевской и при мне высказывала такое несочувствие революционной деятельности, такое непонимание того, что происходит теперь в России, что Ковалевской и мне пришлось ей толковать самые простые вещи, и я была удивлена ее тупоумными ответами и возражениями.

Воображаю, какое впечатление сделала смерть Дарвина в Англии [1]. Мне хотелось написать статью: Lamarck et Darwin, но так как Longuet написал о Дарвине небольшую статью, пришлось отказаться от этой идеи. Так как вы меня не одобряете писать о vie psychique des animaux *, то я, вероятно, отложу и это в сторону. Я, впрочем, вовсе не думала делать параллель между сознательным социализмом нашего времени и тем, что вы называете совершенно верно «инстинктивным социализмом» муравьев и пчел, но, например, между этим последним и коммунистической организацией Перу, мне кажется, можно было бы без натяжки провесть сравнение. А ведь из этого смутного quasi-животного социализма, основанного на рутине и уничтожении личности, развился наш современный, широкий социализм, основанный на свободе личности. Мне кажется, что вы уж слишком гордо относитесь к животному миру, в котором, однако, находятся в зародыше все элементы нашей духовной жизни.

Впрочем, с вами я не очень-то решаюсь входить в прения, vous m'en imposez trop **. Если хотите посмеяться, вот вам повод, лучше которого и приискать трудно. Во-первых, скажу вам, что мои статьи в «Justice» начинают иметь успех, и французы совершенно отказываются верить, что-

---

* о психической жизни животных (*франц.*).

** вы мне внушаете слишком большое почтение (*франц.*).

бы такая *глубина премудрости* могла принадлежать женскому перу. Какая глубина презрения к женскому умишке проглядывает в этом недоверии. Но слушайте дальше. Нашлись такие мудрецы, Hovelacque [2], например, которые убеждены, что псевдоним B. Gendre скрывает... *вас*!..

Je n'ai certes pas mérité ces excès d'honneur, ni vous cette indignité, mais le fait est sérieux, car il donne la mesure des Français eux mêmes. Letourneau s'est empressé d'affirmer à Hovelacque que ces articles sont bien d'une femme, et d'une femme russe, pas plus grosse que le poing *.

Больше писать не могу, устала. Крепко жму вашу руку и рада-радехонька буду вас увидеть, если до тех пор бронхит не задушит.

Душевно вам преданная В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Дарвин скончался 19 апреля 1882 г. на 74 году жизни; он умер внезапно в деревне Даун (Кент), где жил и работал много лет. Был похоронен в Вестминстерском аббатстве, рядом с гробницей Ньютона.

[2] Александр Абель *Овелак* (1843—1896) — французский антрополог, редактор словаря «Dictionnaire des sciences anthropologiques», издававшегося с 1882 г.

39. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
Среда, 26 апр‹еля 1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Что это с вами нынче за напасть такая, что кашель вас не оставляет и вы так ослабели? Надо же серьезно об этом подумать! Что делают ваши друзья доктора? Как они могут допустить это? Если вы слишком слабы, чтобы писать письма, ограничивайтесь двумя-тремя строками; я писать все равно буду, как только буду иметь время; только сообщайте хотя коротенькие сведения о вашем здоровье, или хоть Лизавета Фоминишна пусть пишет пока. Я очень хотел бы знать точное мнение ваших медиков. Надеюсь, что скоро получу более успокоительные известия от вас или о вас.

А я все занят теперь переделкою «храма» в гулянье, при чем, разумеется, необходимыми оказываются многие легкие постройки. Пишу и думаю сам: как вам бы понравился этот способ изложения? Употреблю все усилия, чтобы к половине мая закончить эту перестройку и снова приняться за серьезное продолжение. Здесь, конечно, я имею более времени и свободы работать, чем в Париже, но очень недостает моей библиотеки, и особенно моих разных старых рукописей, где многое подготовлено из того, что нынче приходится делать как бы заново с помощью Музея.

Смерть Дарвина сначала произвела так мало действия, что я даже удивился. Несколько строк и только в журналах. Никаких собраний, речей. Англичане — народ, который не сразу расшатается для движения. Я не мог в первый день узнать, можно ли где расписываться в книгах, можно ли ехать туда, где он жил (вовсе не думали, что его похоронят в Вестминстерском аббатстве). Конечно, о слоне Jumbo, отправленном в Америку [1], писали дня три в 10 раз больше, чем о Дарвине во все время, прошедшее с его смерти (сегодня — неделя). Теперь начинают появляться статьи и воспоминания, но очень, очень еще мало. В воскресенье, в соборе св. Павла, священник сказал весьма приличную речь о Дарвине, по крайней мере, судя по извлечению в газетах. Надеюсь, что недельные газеты, не успевшие

* Я, конечно, не заслужила такой чрезмерной чести, а вы такого оскорбления, но дело это серьезное, потому что показывает, чего стоят сами французы. Летурно поспешил заверить Овелака, что эти статьи написаны женщиной, и русской женщиной, ростом не больше мизинца (*франц.*).

ничего сообщить прошлый раз (они выходят по пятницам, а известие о смерти дошло до Лондона лишь в четверг среди дня), поместят статьи послезавтра. Я заказал несколько газет. Собираю биографические сведения, чтобы как-нибудь в удобное время обработать, потому что он, может быть, еще более интересен как человек, чем как ученый, а как ученый это чуть ли не первый ум нашего времени. Сегодня похороны, но погода такая скверная, а я, кажется, вчера простудился-таки; так что не знаю, попаду ли. Да до сих пор и не мог узнать, в котором часу похороны. Вчера пошел было узнавать, но дождь сделал попытку невозможною. Думал, пообсохнув, посмотреть картину Мункачи [2], но потом стало еще хуже и я вернулся. А картина Мункачи очень хороша. Вы, может быть, видели ее прошлый год в Париже, когда ее выставляли. Я пропустил тогда.

К животным гордо относиться нечего, так как это — низшие и необходимые ступени всякого развития, но я, признаюсь, не особенно люблю искусственные сближения очень разных степеней развития. Для животных есть параллели и в нашем обществе, но это — осадки цивилизации каждого периода, люди, присутствующие при культуре, не проникнувшись ею, а ни одна цивилизация как целое, в своих высших представителях, не может быть параллельна муравьям и пчелам; цивилизация Перу, по-моему, столь же мало, как всякая другая.

Очень, очень рад я, что ваши статьи в «Justice» обращают, наконец, на себя надлежащее внимание. Мне все хочется, чтобы вы сделались постоянным, серьезным элементом группы редакции какой-нибудь Revue. Но для этого надо, прежде всего, выздороветь и поддерживать свое здоровье. Надеюсь, что вы скоро исполните это обязательство.

Я пока не имею никакого ответа относительно моего возвращения. Жму крепко вашу руку; прошу передать поклоны интересующимся моим существованием.

П. Л.

Кажется, погода делается лучше и даже солнце проглядывает. Постараюсь попасть на похороны Дарвина.

Ответ на п. 38.

[1] Джумбо — знаменитый слон лондонского зоопарка; в лондонских газетах целые столбцы были посвящены переезду Джумбо через океан на пароходе «Царь Ассирийский».

[2] В Королевской академии в Лондоне в те дни была выставлена картина венгерского художника Михая Мункачи (1844—1900) «Иисус перед Понтием Пилатом».

40. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж. 27 апреля 1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович. Очень благодарю вас за участие и пишу два слова, чтобы сообщить вам, что мне немного лучше,— горчичники, хинин, опиум сделали что могли. Не обвиняйте докторов,— они не в состоянии ни дать мне менее «восприимчивые» бронхи, ни достаточно хорошие экономические условия, которые бы вознаграждали несколько подобное неудобство. Болезнь ведь тоже роскошь, которую бы должны были позволять себе только богатые, а мы с вами обошлись бы без нее. Берегите себя,— ведь и вы кашляете. Равнодушие, которым Англия встретила смерть Дарвина, меня удивляет.

В. Н.

Ответ на п. 39.
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 27 avril 82.

41. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж. 2 мая 1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович. я очень рада за вас, что вы, наконец, имеете известия о вашей дочери [1]. Я все хвораю, и с тех пор, как к вам писала, мне было гораздо хуже. Теперь опять как будто легче, но я очень ослабела. Сегодня день великолепный, меня послали дышать в Luxembourg, откуда пишу к вам. Надеюсь скоро иметь письмо. Будьте здоровы. Жму руку.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 2 mai 82.

[1] Мария Петровна *Негрескул* (1851—1919) — участница революционного движения; принимала участие вместе с Германом Лопатиным в организации побега Лаврова из Вологодской ссылки. Ее мужем был революционер М. Ф. Негрескул, второй муж — его брат Э. Ф. Негрескул. В начале 1890-х годов М. П. Негрескул переехала в Париж и жила с отцом, всецело отдавшись заботам о нем. После смерти Лаврова возвратилась в Петербург; ее квартира стала центром революционно-народнической молодежи. В 1906 г. она привезла из Парижа архив Лаврова, который позднее передала в Академию наук.

42. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› 3 мая ‹18›82

Дорогой Петр Лаврович, я написала вам вчера несколько строк, но боюсь, что вы даже их не разберете. Между тем мне кажется, что со вчерашнего вечера есть действительно перелом к лучшему в моем здоровье. В голове как-то яснее, слабость не такая сильная и кашель меньше. К довершению благополучия получила сегодня письмо от отца, так вас беспокоившее,— письмо самого примирительного свойства, и такое оригинальное, что я его отложу в сторону, чтобы его вам показать. Отец извиняется передо мной и перед *социализмом* и присылает деньги, выражая надежду, что я их приму. Я, конечно, ответила сейчас же, что уж по великой доброте своей принимаю, и в свою очередь прошу извинить за резкий тон. А все-таки он у меня очень хороший. Не так бы французский буржуа ответил на подобное письмо дочери своей. Letourneau сильно боялся (судя по себе?) que mon père lachera une fille aussi impertinente, qui n'a même pas le respect des roubles *.

Луцкий, наконец, собрался дать мне кой-какие сведения, из которых я составила первую correspondance и послала ее Clemenceau, зная по горькому опыту, что с Constant'ом дела иметь нельзя. Correspondance принята и на днях, вероятно, появится [1]. Если имеете какие-нибудь интересные сведения, потрудитесь сообщить.

С сокрушением вижу, что быть больной — это роскошь, нам не подходящая, какая потеря времени и денег! А вы что думаете, Петр Лаврович? Отчего вы сидите до сих пор в Лондоне? Здесь ваши французские почитатели все того мнения, что вы бы могли давно вернуться sans être inquiété **, что министерство даже бы желало этого, чтобы его, наконец, перестали тормошить и кусать из-за вас, как *cue* не перестает делать «Justice» и другие журналы при всяком удобном случае. Оно (министерство) только бы не желало avoir sa responsabilité officiellement engagée ***, потому что геройские поступки не в его характере. Это мнение Desmoulins (conseilleur municipal) **** [2], Talandier и многих других. Это мнение так

* что мой отец откажется от такой дерзкой дочери, которой не внушают уважение даже рубли (*франц.*).
** и вас не потревожат (*франц.*).
*** официально нести ответственность (*франц.*).
**** муниципального советника (*франц.*).

согласно с моим желанием, что я, по свойственному человеческой природе эгоизму, поддерживаю его горячо. Подумайте, как было бы грустно, если бы вы вернулись в Париж тогда, когда я должна ехать в деревню? В этом году меня бы хотели раньше выслать, но я протестую. У меня на этот месяц столько дела, что даже страшно подумать. Есть, между прочим, одно занятие, которое вам будет так не по вкусу, что я даже не смею вам об нем и говорить. Крепко жму вам руку и жду духовной пищи в виде письма от вас.

В. Никитина

Поклон усердный и от меня. Е. Б.

[1] См. п. 44, примеч. 1.

[2] Огюст *Демулен* (1823—1891) — ученик Пьера Леру, участник рабочего движения во Франции. Никитина написала о нем очерк, вышедший отдельной брошюрой: «Biographie d'un prolétaire. Auguste Desmoulins». Paris, 1883.

43. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› Brit‹ish› Mus‹eum›.
Четверг ‹4 мая 1882 г.›

Очень благодарен вам за сегодняшнее письмо, которое меня успокоило насчет вашего здоровья, а то я был очень обеспокоен вчерашней carte postale, которую прекрасно разобрал. Вы получили уже вчера, вероятно, мое извещение о возвращении в St. Jacques. День все-таки не могу назначить, но ранее понедельника не выеду [1]. Вообразите, какое странное совпадение: получаю извещение о том, что мой большой труд может продолжаться на прежних основаниях [2]. Не имею причины относиться к этому сомнительно. Жму крепко руку. До свидания. Не пишу письма большого, потому что поговорим лично.

П. Л.

Ответ на п. 42.
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: London. W. O. May. 4. 82.

[1] Лавров возвратился в Париж 8 мая 1882 г. 1 мая Г. Н. Вырубов написал Лаврову: «...вы можете возвращаться совершенно безопасно. Будут за вами, разумеется, следить, но тревожить вас не будут. Укладывайте же скорее свой чемодан и являйтесь как ни в чем не бывало в свой 328 номер богоугодной улицы Св. Якова,— с условием в день приезда обедать на Сен-Жерменском бульваре, где откупорится по сему случаю бутылка Chambertin mousseux» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 96, л. 74—74 об.).

[2] Г. Н. Вырубов приложил к своему письму письмо А. Н. Веселовского, в котором было извещение о возможности продолжать издание «Истории мысли» (там же).

44. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж. 5 мая 1882 г.›

Французская пословица говорит: «Un malheur ne vient jamais seul» *, но теперь приходится перевернуть пословицу,— вот и вы возвращаетесь, дорогой Петр Лаврович, и храм, любимый мой храм, воздвигнется, кажется, во всем величии и полноте! Спасибо вам за то, что вы поделились сейчас же со мной этой радостной вестью. А как хорошо, что вы приезжаете! Я так этому рада, что и о болезни забываю, а мне продолжает быть порядком-таки скверно. Желаю вам счастливого морского переезда и с нетерпением жду вашего возвращения. Лиза вам кланяется и тоже очень, очень рада. Моя correspondance из Russie появилась [1]. Крепко, крепко жму руку вам, мой добрый друг.

В. Н.

* «Беда никогда не приходит одна» (*франц.*).

Ответ на п. 43
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 5 mai 82.

[1] «Письмо из России» Никитиной было напечатано в «La Justice» 4 мая 1882 г. За этим последовали дальнейшие «Письма из России»: 28 августа 1882 г., 19 июня 1883 г., 31 октября 1884 г. («Последний процесс нигилистов»).

45. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, Hautes Pyrénées. Maison Casajus.
4 июля 1882 г. Вторник (какова аккуратность)

Дорогой друг Петр Лаврович, хотя я совершенно искренно вам говорила не приходить на железную дорогу, боясь вас беспокоить и нарушить ваши привычки, все же было очень жаль, что вы не пришли. Так бы отрадно было еще раз пожать вам руку. А все же мысленно я с вами простилась в последнюю минуту. Марусю, по особенной милости, пропустили до вагона, и целуя ее, когда уже поезд трогался, я просила передать вам мой дружеский привет. Надеюсь, что она это уже сделала.

Не утомил ли вас день нашего скитания по лесам и долам? Меня несколько встревожило головокруженье, которое вы почувствовали, сходя с нашей лестницы. Что касается до меня, этот день оставил мне самое приятное впечатленье, и я надеюсь, что и вы его вспоминаете с удовольствием и согласитесь когда-нибудь после моего возвращенья повторить его. Лизе и мне хотелось бы показать вам Versailles и Trianon в хороший осенний день — мы видели Версальские парки именно в эту пору года и были поражены богатством красок и оттенков. Помню также, что эта прогулка пробудила во мне пропасть исторических воспоминаний, размышлений и т. д., что же бы это было в вашем обществе?

Мы приехали вчера, и я сейчас же бы вам написала, но почта уже отошла. Сегодня чувствую себя гораздо более уставшей и разбитой, чем вчера, и, может быть, вследствие этого кашляю. Однако путешествие было менее утомительно, чем обыкновенно, так как день был прохладный, народу в вагоне мало и вагоны до Bordeaux очень хорошие,— с мягким сиденьем и, что для меня важнее, с подушками сзади. Но увы!— в Bordeaux как раз на ночь пришлось пересесть в обыкновенные мучительные вагоны с деревянными скамейками, узкими окнами и т. д. C'était dur au figuré, comme au positif! *

Вчера от усталости ли, оттого ли, что день был серый и было пропасть туч на горах, этот прелестный край не произвел на меня своего обыкновенного чарующего впечатленья, и я приписывала это притуплению моей впечатлительности. Но сегодня, когда я вышла на балкон и увидела яркое южное небо, на котором с удивительной рельефностью обрисовывались зубчатые верхушки гор, когда я увидела свежую зелень лугов и ряды стройных тополей при ослепительном освещении, я почувствовала опять прилив того восторженного настроения наслаждения природой, которое вызывает в вас несколько насмешливую улыбку. При этом конечно: птицы поют, потоки журчат, и только и слышны эти звуки — ни крику, ни гама, ни шума экипажей и телег, доводящих меня иногда в Париже до отчаяния.

Тут действительно можно отдохнуть телом, работать мыслью и думать о далеких друзьях. Очень бы мне хотелось какой-нибудь магической силой перенесть вас сюда, хотя бы на самое короткое время, чтобы видеть, какое впечатление эта обстановка сделала бы на вас,— соскучиться вы бы никак не могли, ваш внутренний мир слишком богат, а ведь этот мир всегда

* Это было жестко, как в переносном, так и в прямом смысле (*франц.*).

ПАРИЖ. УЛИЦА СЕН-ЖАК
Здесь находился дом, в котором жил П. Л. Лавров
Гравюра по рисунку Л. Парана
Собрание М. Е. Ермашевой, Москва

с нами,— а между тем временное отдаление от постоянно волнующих вас забот и безмятежная тишина внешней обстановки, вероятно бы, благодетельно подействовали на ваши нервы. Но увы! магической силой я не одарена, а потому не могу сыграть с вами этой скверной штуки,— приходится оставить вас в rue St. Jacques, желая и прося вас (если моя просьба может что-нибудь значить) хоть иногда ездить подышать хорошим воздухом за город.

А знаете ли, Петр Лаврович, после вашего ухода я еще долго думала о странном недоразумении нашем насчет пятницы вечера. Ведь это курьезный психологический факт, что каждое ваше слово об этом вечере убеждало меня, что вы *не* желаете быть, так что пришедши с твердым намерением уговорить вас не отнимать его у меня и *не заменить*, а подарить субботу,— я не решилась. Вот что значит употреблять дипломатические тонкости с такими чересчур чуткими и вместе недогадливыми людьми, я приписала совсем иное значение вашим словам...

Если будете у Цакни, спросите, какой ответ Dantu [1], и просите его передать Constant листики корректуры, взятые у него.

Лиза вам кланяется, а я прошу передать мой поклон Луцкому и Цакни. Крепко, крепко жму вам могучую длань.

В. Н.

[1] Эдуард Анри Жюстен *Дантю* (1830—1884) — французский издатель; по-видимому, Никитина пишет об издании перевода «Подпольной России», который должен был печататься также в «La Justice».

46. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, Hautes Pyrénées. 8 июля ⟨1882 г.⟩

Нужно признаться, Петр Лаврович, что если мое письмо, может быть, чересчур субъективно, то ваше уж слишком объективно. Факты, факты и факты. Не знаю, сумею ли я приноровиться к этому тону, но, во всяком случае, попробую. Итак, во-первых, погода здесь далеко не прекрасная, из пяти дней мы имели три скверных, вследствие чего у меня насморк, кашель, des courbatures * etc. Во-вторых, первые дни была так утомлена, что могла только писать письма,— теперь принимаюсь за статью, но не знаю еще, что из нее выйдет и выйдет ли что-нибудь. В-третьих, Летурно жив и здрав, был у нас два раза, и сегодня, если погода разгуляется (что не похоже), отправимся все вместе сделать небольшую экскурсию в горы,— это потому, что мы только что приехали, а потом войдем в обыкновенную колею и будем видеться раза два в неделю. Знакомых пока никаких. Вот вам отчет о моем состоянии физическом, умственном и социальном.

А что? разве не отлично подделалась под ваш деловой, archi-сухой тон? Шутки в сторону, вы, верно, были в дурном расположении духа, когда ко мне писали, или чем-нибудь озабочены. Это письмо на вас непохоже. Будем чаять лучшего настроения и благодарны за то, что во всяком настроении вы меня не забываете и даете весточку о себе. Видите, что проповедь, которую вы недавно мне прочитали, прошла не без пользы: я стараюсь применить ее к практике и, не считаясь с друзьями, быть довольной и малым.

Только уж, пожалуйста, не пишите загадками,— что значит ваша фраза: «Но тогда, исполнив и ваше желание и уплатив эти долги (общественности), можно будет... ну, да об этом писать нечего».— Извините, обо всем писать нужно, потому что все, касающееся вас, меня интересует живо.

От Белоголовых вы, вероятно, получите скоро известия, но что мне досадно, это что Луцкий уехал и что вы остались так одиноки. А что ездите за город, этому я радуюсь, только полагаю, что если сегодня в Париже такая погода, как здесь, то навряд ли вы поедете в Mendon,— по крайней мере, гулять не будете, а с ⟨...⟩ ** увы! веселья мало. И я в горы сегодня решительно не отправляюсь,— и погода скверная, и мне нездоровится.

До свиданья, дорогой Петр Лаврович, будьте здоровы, воздвигайте храм ваш и не забывайте всей душой вам преданную

В. Н.

P. S. Проезд сюда через Bordeaux — 60 фр. в 3 классе (который, впрочем, до Bordeaux так же хорош, как второй), т. е. 120 туда и назад. В Hôtel des Pyrénées согласны взять en pension за 5 ½ фр. в день, т. е. комната в мезонине, завтрак, состоящий из кофе с молоком и хлеба с маслом, и обед. Может быть, если это Петерман, которая мне очень симпатична и к тому же ваша большая приятельница, то она могла бы с нами устроиться, взять комнату у нашей хозяйки и обедать вместе. Комната на первом этаже стоит 2 франка,— в мезонине (на 2 этаже) стоила бы только 25 франков в месяц, а еда с нами ей бы не стоила больше трех франков, трех с половиной, может быть, с службой. Дружески жму вам руку.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

---

* ломота (*франц.*).

** Начальная буква фамилии неразборчива (*Ред.*).

47. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz (Hautes Pyrénées). 12 Ju<illet 1882>

Итак, дорогой Петр Лаврович, виновата во всем я сама и мне приснились разные небылицы? Пусть будет так, я с радостью принимаю на себя вину, но бранить меня право не за что. Ведь эти небылицы, созданные моим воображением, были весьма неприятного свойства и я, следовательно, уже и так наказана. За что же еще и бранить меня? Вот вас бы следовало ругать за вашу вечную иронию по поводу моих бедных статей. Уж, конечно, если я и надеюсь, что вам приятны мои письма, то вовсе не потому, что они писаны «автором блестящих статей», а потому что они служат выражением самого искреннего и теплого дружеского чувства, чувства, которое вы отлично понимаете и сознаете.

Итак, между нами мир и согласие. Я буду писать часто — всякий раз, когда вздумается и что вздумается,— даже описания природы! — а вы пишите, когда вам позволяет ваша «раздерганная» жизнь. Но, скажите, пожалуйста, почему же у вас именно теперь такая бурная и занятая жизнь? Приготовляется ли что-нибудь на Руси или это связано с основанием русского журнала? — Впрочем, чувствую, что вопрос мой нескромен и ответа на него не жду. В журналах, как нарочно, в последнее время нет ничего о России, кроме странного слуха об аресте Игнатьева [1].

Насчет статьи о Сибири, право, ничего не могу сказать, пока не добьюсь ответа из «Justice». Я бы с удовольствием перевела ее или сделала бы из нее résumé, но согласитесь, что работать, не зная, будет ли напечатано,— не весело. Я, en désespoir de cause *, написала Longuet, прося его узнать о судьбе моей статьи, так как Roannet (секретарь Clemenceau) ничего мне не ответил. Как только получу ответ, напишу Constant, но вспомните, что этот милейший человек сыграл со мной уже не одну скверную штуку — напрасно заставил переводить и, как видите, не печатает перевода и, вероятно, изволил спрятать под спуд мою Lettre de Russie **.

Я очень рада, дорогой Петр Лаврович, что, несмотря на вашу «раздерганную» жизнь и на страшное нервное напряжение, которое она должна вызывать, вы себя хорошо чувствуете. Берегите себя и для идеи и для ваших друзей,— ведь вы *сила*. А вот жаль, что мой чудный храм совсем не подвигается. Я надеялась, что к моему возвращению портик будет уже совсем готов. А вот я никак поправиться не могу, чувствую страшное утомление, и физическое вообще, и в особенности нервное, мозговое. Приходится прибегать к вашему средству, которого всю пользу я теперь оценила, а именно — чтение глупых романов. Лежать на спине, на сене и читать глупый роман, вроде, например, «Le Fiancé de Sylvie» par Gréville в «Chefs d'oeuvre du genre» [2]. Действительно, отдых души и тела. Я уже чувствую, что вы собираетесь браниться и, сморщив брови, говорите: «Вольно же таскаться по горам до истощения сил! Какое нелепое препровождение времени и употребление сил». Успокойтесь. Наша экскурсия окончилась тем, что мы имели удовольствие встать в воскресенье в четыре часа утра, увидеть небо, покрытое тучами, дождь, льющий как из ведра, и несчастную, заспанную физиономию Letourneau, который пришел накануне вечером, чтобы переночевать в отеле и которого, конечно, разбудили в назначенный час без милосердия, и он вполне очнулся только под дождем, идя к нам, чтобы пить кофе! Представьте наше грустное положение: на руках у нас осталось 10 пирожков, жареная курица, 10 твердых яиц и заспанный философ! Сей последний, впрочем, отправился вскоре в Бареж для исполнения своих обязанностей, но пирожки, яйца, холодная курица — пришлось три дня их есть. С тех пор погода все стоит дурная.

* не находя другого выхода (*франц.*).
** корреспонденцию из России (*франц.*).

Я надеюсь, что Х〈орват?〉 не приедет сюда, не очень-то приятный он собеседник на долгое время, ведь с ним на другой же день поссоришься,— а иначе было бы недурно иметь спутника, любящего природу, для прогулок. Мы переедем в Бареж не раньше 1 сентября, там теперь все еще очень дорого, и я вас не забуду вовремя предупредить, а пока пишите сюда, только адресуйте просто в Luz, не Luz St. Sauveur, а то я иногда получаю письмо позже, потому что его отправляют в соседнюю деревню St. Sauveur.

Что вы скажете о только что окончившемся процессе Feneyron?[3] Я не знаю, почему из-за этих далеко не интересных личностей было столько шуму,— она в особенности отвратительна. Очень мне понравилась статья Longuet по этому поводу, где он нападает на безобразие закона, вызывающего подобные явления.

Лиза вам очень кланяется. Letourneau тоже. Прощайте, или лучше сказать, до свиданья, дорогой и добрый друг мой, пожалуйста, не сердитесь уже больше на меня. Я вам обещаю не фантазировать и не комментировать более ваших писем, так как комментарии мои неудачны.

Душевно преданная вам

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Николай Павлович *Игнатьев*, граф (1832—1908), был назначен министром внутренних дел в 1881 г., после отставки Лорис-Меликова; втайне от Победоносцева разработал проект созыва ко дню коронации царя в 1883 г. Земского собора. Против проекта восстал Победоносцев, и 27 мая 1882 г. на совещании, созванном Александром III, предложение Игнатьева было отвергнуто; 30 мая Игнатьев, оказавшийся в опале, был уволен с поста министра.

[2] Роман «Le Fiancé de Sylvie» («Жених Сильвии». Paris, 1882) французской писательницы Alice Fleury (1842—1902), писавшей под псевдонимом Анри Гревиль.

[3] Парижский аптекарь Фенейрон обвинялся в убийстве любовника своей жены, которая была соучастницей преступления. Выяснилось, что перед совершением убийства супруги горячо молились в церкви. Прогрессивная печать широко использовала дело Фенейрона в борьбе с клерикалами.

48. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, Hautes Pyrénées. 14 июля 〈1882 г.〉

Дорогой Петр Лаврович, я не вас бранила, а ваши «факты». Это внешние факты, к которым, воля ваша, я не разделяю пристрастия большинства ваших приятелей. Странные, право, люди эти ваши приятели. Их более интересует внешняя, фактическая обстановка вашей жизни, чем ваш внутренний мир? Grand bien leur fasse! * Я же человек сам по себе, толпу уважаю, но принадлежать к ней не люблю, хотя бы даже к толпе ваших приятелей, как ни лестно принадлежать к сей последней. Внешний факт! Что такое внешний факт сам по себе, без того внутреннего, психического смысла, который мы в него вкладываем? Например, люди живут вместе, в супружеском союзе. Этот факт может быть осмыслен, проникнут глубоким значением, как, например, у бедных Цакни, но он может быть также (и чаще всего бывает) простым, внешним, ровно ничего не значащим фактом. Еще пример: люди гуляют вместе — вот вам факт. Но этот факт получает значение лишь тогда, когда эти люди действительно чувствуют, что они *вместе*, когда они разделяют свои впечатления, мысли. Иначе, ведь можно гулять один возле другого, даже под руку и вовсе не быть *вместе*, а, напротив, очень, очень далеко один от другого. Примеры эти могли бы быть умножены, но для такого читателя, как вы, их слишком достаточно для уяснения моей мысли.

Впрочем, я нисколько не жалею, что на вас напала, так как вызвала вас на весьма интересное, если не субъективное, то, во всяком случае, пси-

* И на здоровье! (*франц.*).

хологическое письмо. Разница же нашей оценки зависит от разницы точек отправления. Вы имеете в виду приятельские отношения, а я говорила, собственно, о дружеской связи. Я, может быть, не слишком ясно понимаю смысл слова «приятели», но для меня оно равняется французскому «amis», к широкому (чтобы не сказать банальному) смыслу которого я долго не могла привыкнуть, и даже теперь употребляю его всегда с внутренним протестом и с тем, что католики называют «une réticence mentale» *. У меня есть более или менее хорошие и короткие знакомые, с которыми сталкивают случайности жизни, сталкивают и так точно же разлучают. Они могут быть мне более или менее симпатичны, но между ними и мной чисто внешняя связь. Кроме того, у меня есть немногие, весьма немногие, дорогие и близкие друзья, с которыми я связана крепкой внутренней связью. Все что их касается, меня живо интересует, в особенности их внутренний мир, и им подчас я считаю себя вправе открывать и свой.

Вы, как существо высшее, следовательно весьма «сложное», имеете три категории, я только две, и из них одна весьма мала по количеству — зато по качеству!..

Я получаю здесь «Justice», которую мне высылают в качестве сотрудницы (я писала об этом к секретарю Clemenceau и получила немедленно журнал и весьма любезный ответ), и знаю таким образом, что в России происходят весьма интересные вещи [1]. Видно, что движение все более и более захватывает в свой круг людей всех званий. А письмо мое так и не напечатано и, вероятно, уже не появится. Вероятно Constant его так долго держал, что потом уже не было интереса его печатать. Завтра посылаю Clemenceau мою статью и при этом еще раз благодарю вас, добрейший Петр Лаврович, за материалы, которыми вы меня снабдили. Появилась ли уже ваша статья о Longfellow? [2] А «гулянье» — скоро ли появится?

Вижу, что люди, не имеющие достаточно религиозного чувства, все мешают постройке храма. А как бы быстро и стройно он воздвигался здесь! Природа имеет хоть одну хорошую сторону, которой и вы оспаривать не станете, она не мешает и не беспокоит. Она гордо ждет, чтобы вы к ней пришли, но зато, раз пожаловали по доброй охоте, чародейка так вас пленит, что и позже вас будет к ней тянуть... Впрочем, я это говорю больше по воспоминанию. В этот раз я еще не испытывала «опьянения» горного,— сначала погода была дурна и нездоровилось, потом работала. В гигиеническом отношении мне здесь очень полезно,— нервы отдыхают и силы начинают возвращаться, я начала ванны только теперь, потому что сначала простудилась, через неделю перейду на души и тогда буду молодцом. В нравственном же было бы хорошо, если бы... но что я делаю? — ведь это область эготизма, не могущая интересовать... приятелей. Во всяком случае, позвольте сказать, что Парижа мне вовсе не жаль, кроме rue St. Jacques, что вас мне очень, очень недостает. Помните также всегда, что, если вы мне приятель, то я ваш *друг*, и верный, преданный друг. Лиза вам кланяется.

А сидеть две недели, не выезжая в «природу», нехорошо.

В. Н.

Как жаль бедных Цакни!

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Никитина, очевидно, имеет в виду захват полицией в июне 1882 г. динамитной мастерской Прибылевых на Васильевском острове в Петербурге и арест Грачевского, Анны Корба и целой группы лиц, связанных с ними. Из членов старого Исполнительного комитета Народной воли после этого оставалась на свободе одна Вера Фигнер. Кроме того, в июне же был арестован лейтенант А. В. Буцевич, возглавлявший Военный центр Народной воли. Обо всем этом сообщалось в прессе.

[2] «Генри Уодсвортс Лонгфелло».— *ОЗ*, 1882, № 7; подпись: П. Крюков.

* мысленное умолчание (*франц.*).

49. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Люз› Понедельник 17 июля ‹1882 г.› [1]

Дорогой Петр Лаврович, боюсь, что, если вы нашли, что я в последний раз замедлила ответом (я, впрочем, только один день пропустила), то найдете теперь, что я уж слишком скоро отвечаю. Действительно, я только что получила ваше письмо, но что прикажете? — вечер прекрасный, я сижу себе одна на балконе и как раз такое настроение, что хочется писать приятелю-другу. Отчего же себя не побаловать? К тому я даже заслужила это удовольствие, переведя сегодня четыре колонны татарской грамоты (т. е. немецкой ботаники) и переведя, признаюсь, с огромным напряжением, так как это, во-первых, не язык Бюхнера, а другого немца, следовательно, совсем другой немецкий язык, которого я не понимаю, во-вторых, увы! я аза не смыслю в ботанике! Вот уже третий день я бьюсь над этой тарабарщиной.

За письмо ваше очень, очень благодарю. Сама не могу отдать отчета почему, но оно мне пришлось по душе. Не хочу ни спорить с вами, ни входить в анализ и психологические тонкости. Зачем? Скажу одно. Никакое чувство не повторяется в жизни в совершенно одинаковой форме, потому что люди, внушающие его, весьма различны, а также и потому, что и сам-то человек не одинаков в различные эпохи своей жизни и на разных ступенях своего развития. Мне кажется, что я умственно развилась в последнее время и обязана этим дорогой встрече с вами.

Что же касается вас, вам не трудно будет поверить, что я не встречала в жизни моей личности подобной вам, в особенности своей многогранностью. Поэтому то глубокое чувство привязанности и дружбы, уважения и доверия, какое вы мне внушили, я, конечно, не испытывала ни к кому и — не смейте смеяться — не хотелось мне его профанировать избитым словом — приятельство, не хотелось и не хочу. А вы там называйте ваше как угодно,— какое бы вы имя ни давали вашему расположению ко мне,— которое я вполне чувствую и сознаю,— оно мне чрезвычайно дорого. Что касается дружбы, то действительно, вы ее ставите на такую идеальную высоту, что мне остается склонить голову и сознать свое недостоинство. Да и, наконец, одно из условий дружбы — равенство,— ну, а какое же равенство между нами, когда я для вас, вероятно, вполне хрустальна и прозрачна, ну а вы для меня навряд ли когда-нибудь будете таким. Но довольно метафизики, снизойдем на землю, у меня сегодня к вам много всякого рода просьб и поручений.

Прежде всего, пожалуйста, пусть ни Львовы, ни Цакни не беспокоятся о корректурных листках Констана. До того ли им бедным. Констан и без этих листков может, если вздумает, начать печатание статьи, так как она у него набрана,— но он ее не напечатает, пока Александра III не отправят наши на тот свет. Он мне это сам сказал,— alors l'attention sera attirée sur la Russie et les révolutionnaires russes!* Бедную Цакни, так меня пленившую своей роскошной, южной красотой, я так и вижу перед собой [2]. А его как жаль! Между ними, кажется, была одна из тех редких привязанностей, которым долгая жизнь вместе придает только больше силы.

Ашкинази меня поразил! Как можно жениться с его болезнью. Кстати о нем. Не удивляйтесь, что мы вам отсылаем назад lettre de faire part **, адресованное Лизе. Здесь никто ее не знает под именем Блонской, и так как это бы подняло кучу комментарий и сплетен, Лиза отправляет письмо, как будто à M-me E. Blonsky, une de nos amies de Paris, dont nous ignorons

---

* тогда внимание будет привлечено к России и русским революционерам! (*франц.*)
** извещение (*франц.*).

l'adresse et que l'on croit être avec nous *. Видите, какие мы изворотливые и коварные. Теперь третье дело. Вы не забыли о «Космосе»?[3]. Теперь еще дня на три я буду иметь работу, а после желательно было бы получить поскорее «Космос», конечно, если он вам не нужен.

Я очень обрадовалась, увидев сегодня в «Justice» успех Красного Креста нашего в Англии,— конечно, если нужно что перевесть, присылайте немедленно,— я всегда к услугам вашего дела и к вашим, только мне кажется, что «Justice» удовлетворится этим извлечением. Читали вы речи работника и негра, произнесенные на могиле Michelet? [4] Были ли вы у André Léo [5] и остались ли так же довольны вашим вторым посещением, как первым?

Вы мне на все это ответите в свободную минуту, чем скорее, тем лучше, конечно, но, главное, я не хочу, чтобы наша переписка сделалась для вас une corvée**. Вы человек занятой, строящий чудесный храм и потрясающий вместе с тем разные ветхие здания, кроме того, окруженный приятелями «разных ступеней и оттенков», — следовательно, времени у вас нет лишнего. Кстати, вы спрашиваете, почему получили мое письмо вечером? А потому что наш Luz великий центр и почта два раза отходит и приходит. Я всегда получаю ваши письма в 6 часов вечера. Лиза вам кланяется, а я, дорогой Петр Лаврович, крепко жму вам руку.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] В подлиннике описка: «17 июня». Первое письмо Никитиной к Лаврову из Люза написано 4 июля: наша датировка подтверждается содержанием этого письма и его связью с п. 50 (см. упоминание о «Cosmos'е»).

[2] По-видимому, Лавров сообщил о смерти жены Н. П. Цакни, Зинаиды Константиновны (1850—1882), участницы революционного движения 1870-х годов. Львовы—братья З. К. Цакни.

[3] Никитина имела в виду либо «Cosmos» — французское «Энциклопедическое обозрение прогресса наук и их применения к искусствам и индустрии», выходило в Париже с 1852 г.,— либо «Kosmos» — немецкое «Обозрение всеобщей науки о развитии», выходило в Штутгарте в 1877—1884 гг.

[4] Накануне национального праздника 14 июля на кладбище Пер Лашез в Париже состоялось торжественное открытие надгробного памятника французскому историку и писателю Жюлю Мишле.

[5] См. п. 37, примеч. 2.

50. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Люз⟩ Суббота ⟨22 июля 1882 г.⟩

Вот и сегодня почта не привезла мне весточки от вас, дорогой Петр Лаврович. Что бы это значило? Я уже начинаю беспокоиться и теряться в догадках. Не больны ли вы? Или не расстроены ли какими-нибудь известиями? Или просто, злоупотребляя моим великодушным порывом, ленитесь и откладываете писание письма до более свободной минуты?

В сущности, если рассуждать хладнокровно, то вы мне не очень давно писали. Но вы меня избаловали, вот я вас и тормошу теперь. Пишите же, пожалуйста, пишите, а то грустно, право.

Я все эти дни порывалась к вам писать, но боялась надоесть и потому сдержала порыв. Я опять хворала,— дня три пролежала с желудочными спазмами (я уже была нездорова, когда к вам писала в последний раз), яркое небо точно дразнило и вообще было как-то не особенно весело на душе. Вообще Пиренеи совсем себя не гостеприимно ведут в этом году,— теперь я опять поймала кашель и так, вероятно, будет все лето. Впрочем, если бы

* г-же Е. Блонской, одной из наших парижских приятельниц, адрес которой нам не известен, и о которой думают, что она с нами (*франц.*).

** повинностью (*франц.*).

вы видели, как мы вчера гуляли «в туче», вы бы нашли, что я вполне заслужила свой кашель. Но что прикажете делать в этой фантастической стране, где то блестит южное испанское небо, то в продолжение нескольких дней живешь в царстве туманов и облаков, точно в какой-нибудь Шотландии. Вчера, когда мы вышли из Luz, день был серый, но приятный для прогулки; по мере того как мы поднимались, туман все сгущался, горы окутывались плотнее в свои покрывала, наконец и горы и долины исчезли, и мы подвигались среди колеблющихся волн тумана. В своем роде это тоже картина живописная, особенно когда подчас луч солнца пронизывает это воздушное море облаков и золотит его или кой-где белая пелена разрывается и видишь верхушки горы, зеленый скат ее или темное ущелье, где в глубине ревет поток.

«Ах, какая право, дались ей эти туманы, ну хоть бы что-нибудь разумное, человеческое сказала»,— ворчите вы, качая недовольно головой. Будьте снисходительны, дорогой Петр Лаврович, к «влиянию среды»,— здесь туманы вопрос важный, жизненный, от них зависят прогулки, экскурсии, кашли, бронхиты и т. д., enfin c'est une actualité *. К тому же монолог всегда скучная вещь, а так как вы меня осуждаете на монологи...

Впрочем, чтобы доказать вам, что я еще не совсем одичала и интересуюсь тем, что делается в цивилизованном мире, скажу вам, что усердно читаю «Justice» и в восторге от речи Clemenceau об египетских делах [1]. Какой высокий взгляд на вещи, какая диалектическая сила и какое блестящее красноречие. Я получила «Космос» и благодарю вас очень. Перевод свой почти кончила с грехом пополам и, как обыкновенно бывает со мной, при конце поняла, в чем дело,— для достоинств перевода недурно было бы понять это сначала. Если вы можете оставить на днях у моего поклонника Octave Dain (тот же Octave Mauret!..) книгу, где находится статья, присланная вами, то меня этим обяжете,— статью я пришлю, вероятно, недели через две, но рисунки нужны.

Надеюсь иметь завтра письмо от вас. Если нет, скрепя сердце, буду ждать ответа на эти строки. Так как вы человек добрый и любезный, то вы, конечно, сейчас же ответите,— иначе я, право, уже не буду знать,что и думать. Мало ли что может случиться? Вчера я совершенно неожиданно прочла в «Justice», что бедный Coudereau [2], вследствие глупой случайности, так преждевременно сошел со сцены. Скажите мне, имеете ли вы известия о Белоголовых и какие? Как его здоровье? Где вы теперь кушаете, в отсутствие ваших друзей, ездите ли иногда «в зелень» и вообще как поживаете, как вам работается и т. д.? Видите, вот и я фактов захотела. Впрочем, я не одних фактов хочу, а всего вас касающегося. Крепко жму вам руку, дорогой Петр Лаврович. Лиза вам кланяется. Не злоупотребляйте другой раз великодушием ваших друзей. Это нехорошо.

В. Н.

А жаль, что я не видела с Pont Neuf картину освещенной Сены![3]

Датируется по дню недели и по упоминанию о речи Клемансо.

[1] 19 июля Клемансо выступил в Палате депутатов в дебатах по вопросу о предоставлении правительству кредитов для введения военно-морских сил в Египет «в целях защиты Суэцкого канала». Клемансо осудил политику правительства и заявил, что необходимо установить порядок, «основанный на принципах права и справедливости, как в политической области, так и в экономической и социальной». «Пусть не говорят нам о различии рас,— сказал он.— Не существует никаких других различий между расами, как их способность к труду, каждый народ, который трудится, будет спасен освобождающей силой труда» (Annales de la Chambre des Députés. Tome V. 1882, p. 976—977; перевод с французского).

---

* наконец, это злободневность (*франц.*).

Новую атаку против политики правительства Фрейсине в египетском вопросе Клемансо предпринял 29 июля. Против предоставления кредитов проголосовало 416 депутатов, за кредиты — 75. Правительство Фрейсине пало (там же, р. 1190).

[2] Кудеро — французский антрополог, вместе с А. Овелаком редактировал «Словарь антропологических знаний».

[3] 14 июля, в день взятия Бастилии, в Париже ежегодно устраивалась иллюминация. Корреспондент газеты «Голос» так описывал ее: «На Сене, между мостами de la Concorde и Notre Dame de Paris начался «венецианский праздник», т. е. прогулка иллюминированных шлюпок всякой формы и наименования. Чтобы сделать этот праздник как можно более роскошным и живописным, город назначил несколько призов для шлюпок, особенно изящно и богато убранных и иллюминированных» («Голос», 9/21 июля 1882 г.).

51. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz. Hautes Pyrénées. 29 июля 1882

Дорогой Петр Лаврович, я получила два ваших письма одно вслед за другим. Читая первое, мне было очень совестно, что, будучи нездоровым и не расположенным писать, вы себя утомляли писанием такого длинного письма. Мне бы в таком случае было достаточно и нескольких строк. Собиралась к вам писать, когда получила ваше второе послание, и, конечно, приостановилась. Вижу, что я злоупотребила вашим временем, всю цену которого я, однако, вполне понимаю. Я постоянно этого боялась и тщательно остерегалась поэтому лишнего приглашения или лишнего посещения, что вы даже иногда истолковывали иначе, например, в тот вечер, когда у меня собирались знакомые, за два дня перед моим отъездом. К сожалению, я не сумела сделать того же в переписке и, видимо, утруждала вас и чересчур частыми письмами и еще более требованием — которое вы мне, впрочем, несколько произвольно приписываете,— немедленных да еще длинных ответов. В последний раз, когда я к вам писала, я была действительно, хотя, спешу сознаться, совершенно неразумно, встревожена вашим молчанием. Может быть потому, что была под впечатлением смерти Coudereau, статью которого в «Justice» читала за два дня перед тем. В таких случаях люди всегда склонны к какому-то особенному приливу тревожной заботливости о далеких, дорогих друзьях, точно они в первый раз открыли, что человек не бессмертен. Вот почему я к вам вторично написала, а вовсе не потому, чтобы я так строго соблюдала книгу doit et avoir*. Друзьям моим не приходилось часто меня в этом упрекать, а напротив, до сих пор все находили, что я в арифметике всякого рода больно не сильна! Конечно, иной раз становилось досадно, чувствуя, что сильно уж обсчиталась, но ведь это довольно естественное чувство и увы! нисколько мне не мешало возобновлять вновь и вновь свои дефициты и большей частью с полным сознанием и без сожаления. Кто более имеет, тот, естественно, и более дает. Не знаю, право, на каком основании вы мне приписываете такие счетные способности,— вот и порывам своим хоть я и веду счет, по-вашему, но видно плохой, не мешало бы строже за ними следить.

Вообще я вас не знала за такого утилитариста, и в теоретическом отношении письмо ваше меня несколько удивило. По-моему утилитарная, почти аскетическая profession de foi** или мораль, которую вы высказываете, не совсем согласна с идеалом гармонического развития всех сторон человека, проповедуемым социалистами и между ними, в первом ряду, Петром Лавровичем Лавровым. Конечно, цель жизни — труд на пользу ближнего, на служение идее, но мне казалось, что и личная жизнь, потребность отдыха, общества, наслаждение природой — конечно, если ее любишь,— переписка с друзьями — конечно, если она до-

---

* дебета и кредита (*франц.*).

** исповедание веры (*франц.*).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ П. Л. ЛАВРОВ
Париж, улица Сен-Жак, № 328
Фотография, 1970-е годы
Собрание М. Е. Ермашевой, Москва

ставляет удовольствие,— имеет свое место и свои права. Мне даже казалось, что это своего рода нравственная гигиена, так же необходимая, как и физическая. Я забыла, что вы порядком пренебрегаете последней и, благодаря исключительно сильной организации, не особенно от этого страдаете. Я так точно недостаточно, может быть, приняла в соображение, что и в остальном вы находитесь в исключительных условиях. Одним словом, mea culpa *, но немного есть и вашей вины. Зачем вы мне постоянно говорили, что я вам никогда не мешаю? Людей баловать не нужно, особенно таких простячков, которые принимают простую вежливость за чистые деньги.

К сожалению, не могу вам сообщить адрес Коццевич. Летурно ее както раз встретил в доме знакомых, которых сам теперь из виду потерял. Может быть, по возвращении я буду мочь его достать через Поповых, но теперь они в России и с Коццевич не знакомы, я это знаю, так что им бы следовало еще собирать сведения.

Подробности, которые вы мне сообщили о катастрофе с поездом в России, поистине ужасны [1]. Воображение не может себе представить смерти более мучительной и отвратительной, как эта медленная агония в грязи. Дают ли русские газеты какие-нибудь новые сведения? Как здоровье Тургенева? [2] Надеюсь, что ваше поправилось теперь и что разные лишние, бесполезные посещения не слишком отвлекают вас от постройки храма. Совесть мучает при мысли, что письменная болтовня с приятелями могла бы превратиться в лишний кирпич для храма. Лиза кланяется, я крепко жму руку и желаю вам всего лучшего.

В. Н.

---

* моя вина (*лат.*).

Ответ на два недошедшие письма Лаврова.

[1] Катастрофа произошла 30 июня (ст. ст.) на Московско-Курской железной дороге, в девяти верстах от станции Чернь, у деревни Кукуево. Около 3 часов пополуночи почтовый поезд потерпел крушение; было убито более ста человек и многие были тяжело ранены. 11/23 июля «Голос» напечатал подробное сообщение о катастрофе.

[2] И. С. Тургенев заболел в конце марта 1882 г.; лечивший его д-р Шарко определил тогда болезнь как подагрическую невралгию сердца. В действительности у него была злокачественная опухоль.

52. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Париж› 328, rue St. Jacques. 18 авг‹уста 1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Прежде всего обращаюсь к вам с просьбой, за которую очень и очень извиняюсь. Собственник книги об ‹*1 нрзб*› приехал сюда и уезжает чрез несколько дней в Россию. Я ожидал этого его отъезда не ранее вашего возвращения, а теперь... должен вас попросить отослать мне эту книгу поскорее, в чем еще раз прошу извинения.

Вчера получил ваше письмо, за которое вас очень благодарю. Я, конечно, сердился на вас более для красоты слога, а не в действительности, и ни минуты не сомневался в мире и согласии, царствующих между нами. Но нехорошо, очень нехорошо, что вы чувствуете такое постоянное утомление и нездоровое состояние. Я бы посоветовал вам, когда вернетесь вы и Белоголовые, серьезно его расспросить, как вам жить и какую вести гигиену. Читать глупые романы хорошее средство, но тогда, когда его употребляют изредка, да и то против умственного и нравственного утомления, между работой, а физически ведь оно никакого не дает отдыха. Пожалуйста, пишите каждый раз о вашем здоровье.

А я вам расскажу некий, несколько неожиданный эпизод моей жизни. Помните вы прощальный вечер на rue Pascal 12 февраля? Оказывается, что после моего ухода русское общество решило поднести мне какую-нибудь книгу (что вам, может быть, было и известно). Правду сказать, что я знал об этом по некоторым намекам и нескромностям. Но я считал это давно разлетевшимся намерением. И вот тому три дня приходит ко мне Аитов и приносит сочинения Щедрина [1]. Я, конечно, написал ему благодарственное письмо для передачи товарищам, которое, впрочем, до сих пор не отослано, так как я не узнал еще его отчества [2]. Другие народы сопровождали бы подобное поднесение каким-нибудь письменным адресом, что облегчило бы ответ, но русские своеобразны. Так как вы были тоже в этот вечер там, то вас может интересовать этот эпизод.

Эти дни в числе перелетных птиц оказался один мой очень хороший приятель, находящийся здесь на несколько дней, и одна моя хорошая приятельница, уезжающая на днях. Можете представить себе, как это прибавилось к моей «раздерганности». А тут негоциант из Тифлиса с вопросами о переводчиках и о нефтяном производстве; тут три студента, устроившие русское общежитие на социальных началах в Германии; тут другие вещи, о которых ни писать, ни говорить не могу. Тут автор и издатель нелепой (хотя и социалистической) книги, спрашивающий совета. Тут арендатор из Полтавской губернии, привезший совет. Тут астроном из Стокгольма. Тут курсистка с хорошими намерениями из Харькова. Тут телеграммы, которые насущны, но не могут найти адресата. Тут полемика о примечании к примечанию, сделанному Худяковым о Некрасове [3]. Тут корректура. И как рад, когда часа два-три посвятились паукам и насекомым [4], выписывались русские названия, объяснялись тексты. А не отвеченные письма накопляются. Что делать? Приходится стараться сделать что можно, а дни бегут, бегут.

Ну, довольно. Жму вам крепко руку. Поклон всем близким вашим. Будьте здоровы. Это — главное.

П. Л.

Хорват уехал на собрание ученых в Ларошель, и оно будет продолжаться, и ⟨*1 нрзб*⟩, неделю.

Ответ на недошедшее письмо Никитиной.

[1] Давид (Дауд) Александрович *Аитов* (1854—1933) — один из организаторов «кружка артиллеристов» в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге в 1872 г. В 1874 г. участвовал в «хождении в народ». Судился в 1876 г. по «делу 193-х». Эмигрировал в 1879 г. В Париже работал в картографическом заведении Ашетта.

Установить, какие книги М. Е. Салтыкова (Щедрина) были подарены Лаврову, можно только предположительно. В 1881—1882 гг., помимо повторных изданий, вышли следующие его книги: 1) «Сборник. Рассказы, очерки, сказки». СПб., 1881 (вышла между 24 и 30 июля); 2) «За рубежом». СПб., 1881 (вышла между 9 и 15 сентября); 3) «Письма к тетеньке». СПб., 1882 (вышла не ранее мая, когда закончилось печатание цикла в «Отечественных записках»); 4) «Убежище Монрепо». СПб., 1882 (вышла между 16 и 23 ноября). Наиболее свежей новинкой к августу 1882 г. могла быть третья из названных книг. Не исключено, что к ней было присоединено женевское издание третьего «письма», запрещенного в России цензурой («Письма к тетеньке». Женева, изд. М. К. Элпидина, 1882). Оно представляет собой оттиск из «Общего дела», № 46, который вышел в ноябре-декабре 1881 г. Можно думать, что отдельный оттиск был выпущен в свет вскоре после этого, вероятнее всего в самом начале 1882 г.

[2] Лавров направил Д. А. Аитову следующее письмо:

Париж, 15 августа 1882 г.

Любезный Давид Александрович,

Подарок, переданный вами мне вчера от имени моих парижских товарищей, тронул меня до глубины души, и я не могу воздержаться от желания прибавить к тому, что я сказал вам тогда же, еще несколько слов, которые прошу передать лицам, поручившим вам сделать мне этот дорогой для меня подарок.

Чему я должен приписать его?

Мои занятия и способ моей жизни редко позволяли мне более тесные личные сближения, и потому я нисколько не могу приписать чисто личным отношениям эту честь, которую мне теперь сделали мои парижские товарищи.

Я слишком мало имел случаев принести жертвы моим убеждениям и эти жертвы были слишком ничтожны в сравнении с тем, что вынесло в наше время целое поколение молодых борцов в России, в сравнении с тем, чем пожертвовали некоторые руководящие личности моего и старшего меня поколения. Даже в числе лиц, окружавших меня вечером 12 февраля, были многие, перенесшие гораздо более, чем ту прогулку из одной столицы Европы в другую, которая подала повод к выражению сочувствия, которое я высоко ценю. Поэтому и не в этом поводе я ищу истинного значения полученного мною подарка.

Я позволяю себе приписать его общности наших убеждений.

Моя жизнь меня бросала в весьма различные среды людей. Много раз менялся около меня персонал личностей, с которыми обстоятельства позволяли мне вступать в более или менее близкие отношения. Я всегда старался воспользоваться этими отношениями для того, чтобы распространить около себя тем или другим способом, удачно или неудачно, те убеждения, которые составили нераздельный элемент моего существа и которые я сам в себе ценю выше всего.

В настоящем случае выбор писателя, который наиболее живо и верно отразил в своих сатирах брожение мысли современного русского общества и боли кризиса, им переживаемого,— писателя, который, может быть, вызвал к размышлению об этом брожении и об этих болях значительное число моих единомышленников в России, я считаю доказательством, что лица, поручившие вам передать мне эти книги, хотели заявить этим нравственное общение с моими убеждениями.

Именно это мне особенно дорого. Я радуюсь при мысли, что среди личной борьбы за существование и среди тягостей жизни в ссылке в чужой стране русская молодежь, живущая в Париже, сохранила преданность убеждениям, за которые часть ее уже боролась и страдала в России, за которые готовятся бороться другие, за которые продолжают страдать друзья русского народа на нашей общей родине.

Во имя этого убеждения, сближающего старика с молодежью, соединяющего эмигрантов и готовящихся к делу с участниками современной борьбы в России, прошу вас, любезный Давид Александрович, высказать всем, поручившим вам передать мне произведения любимого моего писателя, мою искреннюю признательность и мой горячий привет.

Петр Лавров

Письмо опубликовано в книге: «Oxford Slavonic Papers», vol. IX, Oxford, 1960, p. 107—108.

[3] Иван Александрович *Худяков* (1842—1876) — член ишутинского кружка. После покушения Каракозова сослан в Сибирь, умер в Иркутской больнице в состоянии душевного расстройства. В вышедшей в 1882 г. в Женеве книжке: «Иван Александрович Худяков. Опыт автобиографии», в примечании от автора говорится: «Трудно себе представить силу патриотической мании, объявшей публику после покушения ‹...› Даже либеральный и очень талантливый поэт Некрасов писал патриотические стихи и публично в стихах просил Муравьева «не жалеть преступников» ‹...› Некрасов сделал бы меньшую подлость, если бы на собственный счет построил для нас виселицы» (с. 167—168).

Худяков пишет о стихотворении, прочитанном Некрасовым 16 апреля 1866 г. после торжественного обеда в честь Муравьева в Английском клубе (см.: «Шестидесятые годы‹...› Воспоминания Г. З. Елисеева». М., 1933, с. 463).

В примечании к примечанию Худякова «от издателей» говорится: «Жизнь Некрасова не приготовила в нем вовсе человека дела и не развила в нем стойкости характера. В трудную минуту, когда русское общество почти целиком было охвачено припадком трусливой подлости, его желание спасти страстно любимый им «Современник» довело его до нравственного падения и даже отуманило его светлую мысль, не угадавшую, что это падение было бесполезно при существующих условиях». Это примечание было написано Лавровым; Г. З. Елисеев писал Лаврову 9 августа: «Посылаю вам проект моего примечания на упрек, сделанный Худяковым Некрасову. Прочтите его, пожалуйста, внимательно. Вместо извинения я написал, как вы увидите, полное оправдание Некрасову ‹...› Я пишу это в надежде, что вы будете так добры и любезны и, несмотря на множество ваших занятий, найдете возможность написать ваш проект проекта и прислать его мне»; и в следующем письме: «Последняя корректура, полученная мной в Люцерне, была та, где помещено было ваше примечание о Некрасове» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 178, л. 37, 42).

[4] В это время Лавров работал над большой статьей «Хлопоты науки с низшими организмами» (напечатана в *ОЗ*, 1883, № 4, 5, 6, 7 и 8; подпись: «Н»).

53. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Люз› 21 августа 1882

Дорогой Петр Лаврович, третьего дня, вернувшись из длинной и утомительной экскурсии, я имела удовольствие найти письмо от вас. Шопенгауэр и Гартман уверяют, что удовольствие есть только отрицание страдания. В этом печальном афоризме есть большая доля правды, и, конечно, большинство человеческих радостей сводится к этому знаменателю: отсутствие страдания. Например, то отрадное чувство, с которым утомленный, промокший и проголодавшийся путник возвращается *домой*, где его ждет кров, ужин и сухое платье, объясняется, конечно, этим чувством, подмеченным Лукрецием еще прежде Шопенгауэра; но когда, вернувшись домой, находишь еще и письмо от далекого приятеля-друга, то это уже не только отрицательное, а вполне положительное удовольствие. Это письмо, которое вас ждет дома и лежит на столе вашей комнаты, прибавляет как бы свою долю нравственного комфорта и «уютности» к тому чисто материальному комфорту, который так приятно найти, лишившись его на некоторое время.

Представьте, наша экскурсия, отложенная в первый раз по причине дождя и начавшаяся в этот раз при великолепной погоде, кончилась при проливном дожде, сопровождаемом грозой. Гроза в горах очень живописная вещь, и так как это было уже при возвращении и на высоте вид был очень хорош, то мы, конечно, приняли очень добродушно и даже весело печальный конец нашего путешествия. Только Лиза и Летурно боялись за меня, но все обошлось благополучно, так как я была в возбужденном состоянии вследствие быстрой ходьбы. А как бы вы нас журили, если бы видели, в каком положении мы вернулись. Вот что значит иметь дело с неразумными стихиями.

Для моего здоровья положительно полезны такие возбуждения и, едва отдохнув день, я сегодня отправилась с нашими здешними знакомыми

Benoit на другую гору. Но вот уж судьба! Погода здесь была великолепная, а там мы попали в тучу и ровно ничего не видели.

Я, конечно, не знала о книге, которую вам собирались поднести,— иначе бы, конечно, приняла участие в этом благом намерении, так неудачно, впрочем, выполненном. Что прикажете делать? Намерение было действительно похвальное, но формой наши не блестят. Il faut leur tenir compte de leur intention *.

Вижу из ваших писем, дорогой Петр Лаврович, что вы ведете совсем лихорадочно деятельную жизнь, и, сравнивая ее с нашим бездельем, где таскание по горам составляет *дело*, становится очень совестно. Но неужели вы не испытываете потребности отдохнуть? Ведь всякий человек имеет же право на отдых,— вас совсем измучают таким образом, и лето вам никакой пользы не принесет. Вот мы здесь имеем на глазах грустный пример того, что не нужно утруждать чересчур мозг свой,— вы, может быть, слышали о физиологе Toussaint, сделавшем даже какие-то открытия. Он в продолжение двух лет чересчур усидчиво работал над изучением de la maladie nommée le charbon ** (по-русски не знаю), а теперь совсем болен, не может ни работать, ни читать и даже говорит с трудом. А лицо у него такое умное, симпатичное, он из простых рабочих и женат на красавице-еврейке, страстно в него влюбленной, но порядочно ограниченной. Есть тут еще и другая интересная личность — профессор греческой литературы в Бордо, бывший недавно в Греции и рассказывавший мне вчера, когда мы поднимались на гору, о том, как он был на Парнасе (не метафорически) и какой вид оттуда, толковавший мне про Афины, Дельфы и небо Греции среди отвратительного горного тумана, окутывавшего нас со всех сторон. Если бы Париж не был так далеко, я бы вас непременно перетащила сюда, мой дорогой, добрый друг, а то как подумаю, что вы все время дышите скверным парижским воздухом и что вас тормошат с утра до вечера, то досада берет. Вот только хорошо, что вы имели удовольствие увидеть хороших, близких друзей.

Я читаю, хотя и очень медленно, литературу Брандта,— она очень интересна, но увы! — немецкая книга, хотя бы самая легкая, не легко мне дается. К тому же зрение что-то очень плохо с некоторых пор — я слишком много работала, и приходится дать им отдых. Я очень большие надежды возлагаю в этом отношении на ванны серные Барежские: они мне помогли много в прошлом году.

До свиданья, крепко жму вам руку, берегите себя, пожалуйста. Лиза вам кланяется. Душевно вам преданная

В. Н.

P. S. Книгу, надеюсь, вы получили. Как это мило с вашей стороны, что вы мне так часто пишете, хотя есть письма, по неделям ждущие ответа. Я знаю, что это бессовестно с моей стороны, но вполне искренно. К тому же и я вот уже две недели собираюсь отвечать A. Léo [1] на ее прелестное письмо.

Ответ на п. 52.

[1] См. п. 37, примеч. 2.

54. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Люз.› Воскресенье, 29 ав‹густа 1882 г.›

Благодарю вас, дорогой Петр Лаврович, за ваше письмо. Отвечать немедленно, предвидя, что позже могут быть помехи, это такое милое внимание, которое именно на вас похоже; зато не могу не побранить вас

* Надо отдать должное их намерению (*франц.*).
** болезни, называющейся сибирской язвой (*франц.*).

сейчас же за другой пункт вашего письма. Как могло вам прийти в голову, зная несколько меня, мою преданность вам и, наконец, мою женскую сметливость — глубиной ума природа нас несколько обидела, я с этим согласна, но никак не тем тонким чутьем, называемым тактом, который мешает нашему брату слишком уж «опростоволоситься»,— как могли вы, принимая все это в соображение, предположить на минуту, что я кому-нибудь сообщу о вашем впечатлении насчет известного подарка, впечатлении действительном или мнимом, как угодно. Петр Лаврович, за кого вы меня принимаете — за коварного врага? За ветреницу? Или, наконец... за вашего брата мужчину? Я дурно, впрочем, выразилась, употребив слова «вашего брата», так как именно этой тонкостью чутья вы-то совершенно удаляетесь от ваших братьев,— но бесспорно, что самые умные мужчины способны подчас на такого рода *тяжеловесные* промахи, а мы неспособны именно вследствие легкости нашего умишки. Итак, в другой раз имейте более веры, во-первых, в то искреннее, глубокое чувство преданности к вам, которое никогда бы мне не позволило чем-либо повредить или просто сделать неприятное, во-вторых, в то вышеупомянутое свойство женского ума, которого лишены лишь последние представительницы моего пола. Надеюсь, что вы не причисляете к ним автора «блестящих статей», составлявших когда-то украшение «Justice», и которые этот глупый журнал вдруг почему-то, не понимая своей выгоды, перестал печатать. Кстати о моих статьях. Я в большом негодовании на Longuet. Я *два раза* писала к нему, прося осведомиться в «Justice» о моей статье, и не получила ответа [1]. Так и хочется употребить крепкое, но весьма неэстетическое слово, но... вижу, что ваши брови сдвигаются, вы неодобрительно качаете головой, и я останавливаюсь. Но воля ваша, подобная безделица не дает мне высокого понятия о человеке. Обязательность это по-моему первая, самая элементарная форма солидарности,— кто и к ней не способен, то куда ему уж дальше. Не можете ли вы мне сообщить, в городе ли Clemenceau,—я бы в таком случае прямо к нему написала, это всегда было самым действенным.

Наши Desmoulins [2] приехали вчера, и, представьте, они оказываются одаренными всеми совершенствами («французы» — презрительно скажете вы, но ведь в моих глазах это не такой уж недостаток, как в ваших) — даже отличные ходоки и, хотя только вчера приехали, сегодня уже порывались идти с нами на ту знаменитую гору, куда я уже два раза лазила в этом году и все «в тучу». Но сегодня нет никакой возможности совершить этот подвиг и нечего ходить на горы за тучами, они тут, под рукой, задернув своим воздушным покрывалом и горы, и стройные тополя, и соседние дома, и даже, когда я встала раньше шести, для того чтобы написать к вам с первой утренней почтой, самый луг под нашим балконом был закрыт туманом. Вы скажете, что нечего ездить на юг, на самую границу Испании, чтобы насладиться подобным зрелищем, что этой прелести можно иметь сколько угодно в Париже и даже в Лондоне. Но зато вы там не увидите другой картины, поистине прелестной, а именно, как мало-помалу эти воздушные волны начинают золотиться, становятся реже и подвижнее, как, наконец, они прорываются в разных местах, то одна, то другая вершина точно вынырнула из этого воздушного моря,— порыв свежего утреннего ветерка и целая часть горизонта очистилась, зубчатые каменные громады отчетливо рисуются на голубом небе, и только кое-где по верхушкам гор или по скатам еще ползут клочки облаков, то в форме легкого покрывала, то в виде воздушного пояса. А глядеть, например, как формируются облака на совершенно чистом небе, как мало-помалу белое облачко появляется где-нибудь на высокой точке, а потом другое, потом третье, и,

тляди, через час горы укутаны в белые покрывала. Иногда бывает картина еще поразительнее. Во время нашей последней экскурсии мы имели чудесное время на высотах,— начали спускаться и вдруг видим, обернувшись, что черная туча внезапно надвинулась и почти мгновенно, как густым занавесом закрыла нам высоты, на которых мы только что были и откуда она вылезла.

Простите, Петр Лаврович, правда, больше не буду, по крайней мере долгое время, надоедать вам этой дикой природой, до которой вам — продукту высшей культуры—нет никакого дела. А что ваша статья о Longfellow? [3] А гулянье? — Почта приехала, прощайте, на днях напишу, переезжая в Бареж. Нет, это еще не почта — могу ответить на ваш вопрос о возвращении. Вернемся мы в конце сентября, так как нужно три недели покупаться в Бареже, тем более, что холодного лечения я здесь не могла предпринять, было бы слишком опасно при состоянии моих бронх и моего желудка. Насчет работы располагайте мной — только напечатает ли проклятая «Justice».

Видеть вас буду несказанно рада, иногда так скучно за вами и за дорогой кельей в rue St. Jacques, что и сказать ⟨нельзя⟩. В скверные минуты нет вашего слова, вносящего мир в душу мою,— впрочем, у меня здесь припадки тоски реже,— природа убаюкивает свое дитятко. Летурно настолько оживлен, насколько можно от него ожидать, и с некоторых пор здоровье лучше. Так что, как видите, все обстоит благополучно, а за вами все же скучно.

Крепко жму вам руку и желаю хорошего здоровья.

Душевно вам преданная В. Н.

Лиза очень кланяется.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Статья Никитиной по поводу романа Э. Золя «Накипь»—«Pot-Bouille et la bourgeoisie française»— была напечатана в «La Justice» 21, 26 сентября и 3 октября 1882 г.
[2] См. п. 42, примеч. 2.
[3] См. п. 48, примеч. 2.

55. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, 1 сентяб⟨ря⟩ 1882

Вот последнее письмо, которое я пишу из тихого моего уголка, который я покидаю с большим сожалением. Через два часа направляемся в Barèges и потому прошу вас, дорогой и добрейший Петр Лаврович, адресовать следующие письма: Mme Dumont, Barèges, Hautes Pyrénées, Maison Laborde.

Сегодня я, вероятно, буду иметь письмо от вас — сегодня или завтра, и я уже распорядилась, чтобы мне его переслали.

Благодарю вас за номера «Вольного слова» [1] и за carte postale вашу,— пожалуйста, мой добрый друг, не стесняйтесь, и когда вам не только времени нет, но просто вы утомлены или не расположены, напишите несколько строк, мне и их достаточно. Все-таки знаю, что вы живы, здоровы, меня не забываете и что дня через два получу более подробную весточку.

Письмо из Сибири [2] очень интересно,— я думаю, лучше всего его перевесть и послать в «Justice», где недавно, к изумлению моему, появилось мое письмо из России. Нужно быть идиотами, чтобы выкинуть такую штуку,— напечатать более месяца спустя! Очень может быть, что и статья «Pot-Bouille» появится еще. Это, вероятно, все штуки Констана.

Desmoulins приехали и эти дни пришлось много заниматься ими,— но теперь, так как мы будем жить отдельно и так как первый долг госте-

приимства выполнен,—je ressaisis ma liberté* и не могу сказать, чтобы эта перспектива меня смущала. Мы, выросшие среди полного разгара индивидуализма, не годимся для фаланстера, ведь я весьма люблю общество и, говорят, подчас его оживляю, а между тем быть постоянно в обществе мне тяжело. Хочется уединения или самого тесного кружка — присутствие близких людей никогда мне не в тягость. А между тем, я провела очень приятные часы с моими гостями — Desmoulins сам весьма интересный собеседник, и я его часто слушала с большим удовольствием. Мы, между прочим, совершили с ними классическую экскурсию в Cirque de Gavarnie, и Desmoulins и я целую дорогу без умолку болтали и декламировали стихи на всевозможных языках.

Сегодня не могу больше писать,— читаю с большим интересом «Механическую теорию мира» [3] и все понимаю. Радуюсь, что в этом же месяце буду иметь удовольствие говорить с автором.

Дружески, крепко жму вам руку, дорогой Петр Лаврович, и желаю, чтобы храм воздвигался быстрее.

Всей душой преданная вам

В. Н.

Извините кошачье царапанье — тороплюсь. Только что получила письмо от Маруси, дело ее брата плохо.

[1] «Вольное слово»— еженедельная газета, издававшаяся в Женеве от имени несуществующего «Земского союза» А. П. Мальшинским, агентом «Священной дружины». В 1882 г. редактирование газеты взял на себя, не подозревая провокации, М. П. Драгоманов, сделавший ее органом агитации в пользу политической свободы с земским самоуправлением; закрылась в мае 1883 г.

[2] В № 43 «Вольного слова» от 15 августа 1882 г. была напечатана статья «В Сибири (корреспонденция «Вольного слова»)», подпись: Д. Р-х Н-к, о политических административно ссыльных. К статье приложен список 59 ссыльных.

[3] Статья Лаврова «Механическая теория мира», в которой он изложил историю материализма и теорию антропологизма в духе Фейербаха (*ОЗ*, 1859, № 4).

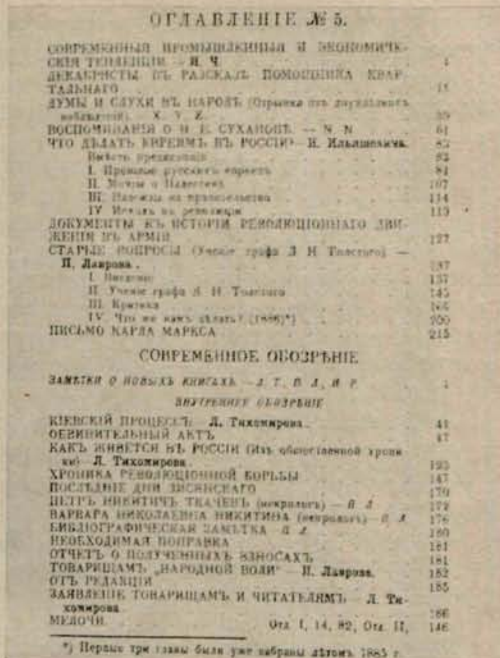
56. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges, 5 сентября 1882 г.
Maison Laborde

Дорогой Петр Лаврович, вследствие переезда в Barèges в первые дни произошло маленькое замедление в получении моей корреспонденции, а вдобавок, когда пришло ваше письмо, я была в горах. Вот почему отвечаю вам не с обычной мне быстротой.

Действительно, бранить, даже ругать вас чувствую сильнейшую потребность, хотя вовсе не за то, за что вы предполагаете. Читая ваше письмо, у меня руки опустились... Охота вам соглашаться на предложение бестолковых поляков [1] и давать тем повод выслать вас из Парижа так, как выслали итальянца Зарданелли?[2] Вы даже в этом случае, позвольте вам сказать, противуречите сами себе. Сколько раз вы говорили, что твердо решились не мешаться в европейское движение, посвящая себя исключительно русскому делу? Что же имеет общего с русским делом основание Интернационала, да и вообще стоит ли из-за манифестации подвергать себя тому, чтобы быть высланным из Парижа, где ваше присутствие так полезно для интересов русской партии? Я на вас страшно зла за вашу неосторожность, и когда я сообщила ваше намерение Desmoulins и Letourneau, они были совершенно моего мнения и решили, что вы этим доставите большое удовольствие русскому посольству и министерству французскому. Ах! Петр Лаврович, Петр Лаврович! Я уве-

* я вновь обретаю свободу (*франц.*).


ОГЛАВЛЕНІЕ № 5.

СОВРЕМЕННЫЯ ПРОМЫШЛЕННЫЯ И ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ТЕНДЕНЦІИ — Н. Ч. 1
ДЕКАБРИСТЫ ВЪ РАЗСКАЗѢ ПОМОЩНИКА КВАРТАЛЬНАГО 15
ДУМЫ И СЛУХИ ВЪ НАРОДѢ (Отрывки изъ [illegible]) X. Y. Z. 39
ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Е. СУХАНОВѢ — N. N. 61
ЧТО ДѢЛАТЬ ЕВРЕЯМЪ ВЪ РОССІИ? — И. Ильяшевичъ 82
Вмѣсто предисловія 82
I. [illegible] 84
II. [illegible] 107
III. [illegible] 114
IV. [illegible] 119
ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРІИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ АРМІИ 127
СТАРЫЕ ВОПРОСЫ (Ученіе графа Л. Н. Толстого) — П. Лаврова 137
I. Введеніе 137
II. Ученіе графа Л. Н. Толстого 145
III. Критика [illegible]
IV. Что же намъ дѣлать? (1886)*) 200
ПИСЬМО КАРЛА МАРКСА 215

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЗАМѢТКИ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ — Л. Т., П. Л., И. Р. 1

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

КІЕВСКІЙ ПРОЦЕССЪ — Л. Тихомирова 41
ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ 47
КАКЪ ЖИВЕТСЯ ВЪ РОССІИ (Изъ общественной хроники) — Л. Тихомирова 103
ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ 147
ПОСЛѢДНІЕ ДНИ [illegible] 170
ПЕТРЪ НИКИТИЧЪ ТКАЧЕВЪ (некрологъ) — П. Л. 172
ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА НИКИТИНА (некрологъ) — П. Л. 176
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА — П. Л. 180
НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА 181
ОТЧЕТЪ О ПОЛУЧЕННЫХЪ ВЗНОСАХЪ 181
ТОВАРИЩАМЪ „НАРОДНОЙ ВОЛИ“ — П. Лаврова 182
ОТЪ РЕДАКЦІИ 185
ЗАЯВЛЕНІЕ ТОВАРИЩАМЪ И ЧИТАТЕЛЯМЪ — Л. Тихомирова 186
МЕЛОЧИ Отд. I, 14, 82, Отд. II, 146

*) Первые три главы были уже набраны лѣтомъ 1885 г.

«ВЕСТНИК НАРОДНОЙ ВОЛИ», № 5

Женева, 1886

В этом номере напечатан некролог В. Н. Никитиной, написанный П. Л. Лавровым

Обложка и оглавление журнала

рена, что Белоголовые будут совершенно того же мнения, да, вероятно, и многие из ваших русских политических товарищей.

Я перевела письмо из Сибири и сделала маленькое вступление; посылаю его Пельтану, не зная, в городе ли Clemenceau. Неужели никто из русской молодежи не может оказать мне ничтожную услугу, справиться в редакции «Justice», в городе ли Clemenceau? Я сделаю, как в прошлом году, напишу два письма, одно Clemenceau, другое Пельтану и пошлю оба. Desmoulins, очень опытный во всем, что касается прессы, сильно меня уговаривает напомнить теперь о моей статье, так как это самое удобное время; и он и Letourneau полагают, что она просто заброшена в редакции, так как Clemenceau мне бы ее отослал, если бы она не годилась.

Я вижу с большим удовольствием, что ваша жизнь так занята и наполнена, что вам некогда скучать за далекими друзьями, и когда все мы, разбросанные по горам и по долам, опять к вам вернемся, вы, пожалуй, скажете: «Как, *уже*! неужели три месяца прошло». Я имею честь заметить вам, что вы мне ровно ничего не отвечаете о ваших статьях и что я давно уже не имею никакой весточки о храме. Готов ли перистиль? Воздвигнута ли какая-нибудь новая колонна? К величайшему сожалению и стыду, я вам никаких кирпичей не привезу, по той простой причине, что кроме Дарвина ничего не прочла, а вы еще в прошлом году сказали мне, что из Дарвина вам уже не нужны выписки. Из немецкой литературы прочла сто страниц и до сих пор ничего не нахожу подходящего,— ведь вам нужны факты, а не комментарии Брандта о крупных явлениях литературных, о которых вы, наверное, в свою жизнь сказали гораздо более нового, чем сам Брандт. Правду вам скажу,

что и я ничего до сих пор нового и особенно оригинального не нахожу,— читается легко и весьма приятно, так как вещь написана живо и интересно, но я была гораздо более поражена «Историей английской литературы» Тэна [3]. Там пропасть оригинального, хотя бы и парадоксов.

Недавно совершила опять экскурсию в сказочное царство облаков и туманов, но пощажу вас от описания — *хорошего* понемножку. Подожду, по крайней мере, чтобы удалась хоть раз *целая* прогулка с лазурным небом,— тогда уж вам не избежать описания, а то нельзя все толковать представителю самой реальной науки — науки социальной, о каких-то неопределенных воздушных очертаниях, неуловимых образах и т. д. Вчера я гуляла в лесу среди густого тумана, и зрелище было поистине фантастическое,— оно бы романтика привело в восторг, но ведь вы реалист.

Лечение начала,— оно очень неприятное, какого-то разваривающего и одуряющего свойства, я ненавижу теплые ванны, а тут еще хотят, чтобы я брала теплые души в каком-то ящике, где задыхаешься от пара — это для вдыхания и должно будто бы быть полезным для легких.

До свиданья, очень тороплюсь, чтобы не опоздать на почту, будьте здоровы и не забывайте нас. Крепко жму вам руку и очень беспокоюсь о вашей безопасности.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Переговоры между польскими социалистами и русскими революционерами об объединении обеих партий начались еще в 1878 г., когда в Варшаву для этой цели приезжал С. М. Кравчинский; однако тогда поляки от объединения отказались. В конце 1881 г. польские социалисты-интернационалисты выступили с обращением группы «Równość»—«Przedświt», в котором выдвинули предложение об объединении русских и польских социалистических организаций в единую партию (см.: Т. Г. Снытко. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, с. 326—328, 424—430). Официальное соглашение между «Народной волей» и «Пролетариатом» о совместной борьбе с царизмом было достигнуто на съезде народовольцев в Париже в начале 1884 г. Лавров, который был тесно связан с польским социалистическим движением, возможно участвовал в переговорах с поляками.

[2] Тито *Занардѐлли* (в письме фамилия дана ошибочно) — итальянский социалист, эмигрант; в 1879 г. жил в Лондоне, где создал рабочий кружок самообразования, затем в Париже, откуда был выслан за политическую деятельность.

[3] Hippolyte Taine. Histoire de la littérature anglaise, t. 1—5. Вышла в свет в 1863 г., позднее неоднократно переиздавалась.

57. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges, 11 сентября ‹1882 г.›
Hautes Pyrénées, maison Laborde

Что вы поделываете, дорогой Петр Лаврович, и что значит, что я так давно не имею от вас известий? Уж не нездоровы ли вы? — или сердитесь на меня за что-нибудь? Нехорошо, добрейший друг-приятель, так вот оставлять меня без всякой весточки.

Я отправила в редакцию «Justice» письмо из Сибири и заодно уже написала на авось два письма, одно Pelletan, другое Clemenceau насчет моей статьи. Может быть, вам нужно «Вольное слово» — в таком случае я его перешлю. Наконец, могу вам сообщить хорошие вести о своем здоровье,— продолжительное пребывание в деревне принесло-таки свою пользу,— бронхита почти следа нет и все остальное приходит в порядок. Ванны барежские, а еще более, может быть, живительный горный воздух этой местности (1200 метров высоты) благодетельно на меня действует. Вернувшись в Париж, примусь с рвением и за работу, и за чтение, а здесь царствует dolce far niente.

Вчера мы ездили с Desmoulins и Letourneau в Couterets на целый день, чтобы оттуда предпринять далекую экскурсию в горы. Более грандиозного и живописного пейзажа я даже здесь не видела. Дорога все время идет в гору, лесом — нашим сосновым лесом! Со всех сторон теснятся громадные гранитные скалы, по склону которых высоко, высоко ползет густой сосновый лес, и только одни изрезанные причудливые верхушки совершенно обнажены, составляя прелестный серый фон для темной зелени сосен. В глубине узкого, извилистого ущелья, в этой темной рамке густой зелени, с ревом и шумом скачет и пенится по камням бешеный поток, обдавая нас своей воздушной пылью. В некоторых местах он расширяется и огромной массой, с грохотом, падает с значительной высоты, составляя водопады вроде швейцарских. Страшно наклониться над грохочущей, пенящейся бездной, а между тем так и тянет к ней; уцепившись за что-нибудь или за кого-нибудь, я не раз доставляла себе это опьяняющее наслаждение,— потрясение так сильно, что как будто теряешь сознание своего *я* и, сливаясь с природой, составляешь частицу, атом этой ревущей массы, с нею летишь в бездну, рассыпаешься в брызгах. Как раз после этого водоворота, действующего таким опьяняющим образом, дорога поворачивает еще круче в гору, удаляясь от потока, и через некоторое время перед вами открывается небольшое, тихое озеро самого очаровательного голубого цвета, окруженное с трех сторон гранитными скалами, совершенно отвесными. Что находилось с четвертой стороны, сначала было трудно разглядеть за облаками, — дождь лил почти все время (mais c'est un détail*),— но потом небо прочистилось немного и прямо перед нами обрисовался во всей своей красоте огромный ледник Vignemale. Вы себе представляете эту картину — белоснежная белизна ледника, составляющая самый прелестный контраст со светло-голубым цветом озера и серым оттенком гранитных исполинов, и согласитесь, что природа поступает иногда, как великий художник, как существо осмысленное, подготовляющее и комбинирующее свои эффекты. Недаром фантазия младенческих народов приписывала ей намерения и видела в ней одушевленное существо.

Но не все было светло и благоприятно нам во вчерашней прогулке. Погода, все это время непостоянная и дождливая, как будто прояснилась вчера утром и обещала хороший день, но как только мы пустились в путь из Couterets, тучи надвинулись и начал падать дождь, не перестававший три часа. Мои бедные Демулены объявили с отчаянием, когда мы добрались до хижины, служащей убежищем, что они далее не пойдут и вернутся в Couterets, заклиная меня и Лизу возвратиться с ними и обнимая меня чуть не со слезами, когда, несмотря на все их красноречие, я решительно сказала, что «иду до конца».

Вот вам и мои впечатления — может быть, они освежительно подействуют на вас, составляя диверсию** вашим заботам и поглощающим думам. Сегодня день серый, дождливый, чувствуется и физическое и нервное утомление после вчерашней усталости и сильных впечатлений, а между тем картины этой величественной природы так и стоят перед глазами... захотелось поделиться ими с вами. Сегодня или завтра, вероятно, получу от вас письмо, а вот недели через две буду сидеть в вашей келье и слушать ваши мудрые речи,— с вами мне всегда больше хочется слушать, чем говорить. Крепко жму вам руку и надеюсь, что вы здоровы. Душевно преданная вам

В. Н.

---

* но это частность (*франц.*).
** отвлечение (от *франц.* diversion).

58. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

<Barèges, около 20 сентября 1882 г.>

Дорогой Петр Лаврович, очень, очень благодарна вам за то, что вы поспешили послать мне рекомендованное письмо, чтобы успокоить меня, и вместе с тем тысячу раз извиняюсь за мое царапанье — введшее вас в заблуждение, а меня лишившее одного письма. Благодаря адресу *Borisco* одно письмо (первое) пропало, что неудивительно. Удивительно то, что другое дошло с этим же адресом, который я прочла с изумлением, приписывая его вашей рассеянности, тогда как вызвала его замечательная четкость моего почерка. Итак, я получила именно то письмо, о предполагаемой пропаже которого вы сетовали и которое было очень для меня интересно, так как в нем вы мне сообщаете причины, побудившие вас принять приглашение поляков. Нечего вам и говорить, насколько эти причины нашли горячий отзыв во мне,— если бы возможно, я бы вас еще больше стала уважать и любить после такого отношения к полякам и польскому делу. К сожалению, не все русские социалисты так к нему относятся.

Но я все-таки позволю себе возразить, что Интернационал не польское дело, а именно такого рода вопрос, который всего опаснее затрагивать политическим изгнанникам, живущим в Париже. Результат очень может быть тот, что и вас, и ваших поляков вышлют из Парижа, и что бы вы там ни говорили, это был бы печальный результат не только для вас *лично*, а для русского дела. Ругайте меня сколько угодно, если нужно прибейте, когда я возвращусь, а я все-таки вам скажу, что вы непоследовательны, говоря теперь, что ваше присутствие в Париже только дело удобства для вас и более ничего. Самая хлопотливая жизнь, какую вы вели все лето и ведете теперь, доказывает противоположное — в Лондоне, вероятно, эта деятельность была бы невозможна.

Одна моя надежда в том, что Desmoulins, ненавидящий настоящее министерство, олицетворяющее, по его мнению, реакцию, преувеличивает.

Извините, дорогой мой друг, что я ничего вам не ответила о пауках,— но ведь я вашего первого письма, адресованного в Borisco, не получила, а читая второе, не могла ума приложить, что такое нужно спросить у Letourneau о пауках. К сожалению, он не может указать вам никакого нового сочинения по этому предмету,— если можете подождать несколько дней, я по приезде узнаю у Lanessan. Letourneau вам дает совет, который вы, конечно, и сами придумали, обратиться в Dictionnaire des Sciences Naturelles. Article «Araignée» *.— В свою очередь, он просит у вас сведения по одному вопросу, не знаю, успеете ли вы мне ответить сюда,— я уезжаю 25 рано утром, кончив мои 20 ванн. Дело в том, что, во-первых, есть ли в России два географических общества — Петербургское и Московское — et laquelle des deux sociétés a adopté le questionnaire ethnographique rédigé par la Société d'anthropologie de Florence et que Letourneau avait proposé à la Société d'anthropologie de Paris, ce qui, comme vous le savez, a été l'occasion d'un conflit entre lui et Dally?**

Радуюсь за вас, что Белоголовые приехали, только боюсь, что ни они, ни мы не будем часто пользоваться вашим обществом, так как ваша

---

* Словарь естественных наук. Статья «Паук» (*франц.*).

** и какое из двух обществ приняло этнографический вопросный лист, составленный Флорентинским антропологическим обществом и который Летурно предложил Парижскому антропологическому обществу, что, как вы знаете, явилось причиной конфликта между ним и Далли? (*франц.*).

жизнь деятельнее, чем когда-нибудь. Большой им поклон от меня. Я вам пишу из царства снегов — в нашей обстановке произошла внезапная перемена, со дня на день почти. Не только все окружающие горы почти до половины покрыты снегом, но третьего дня нельзя было выйти из дому, столько снегу навалило на улицу и все кругом было белехонько. Вчера мы гуляли по снегу и, взобравшись довольно высоко над Барежем, увидели такую грандиозную панораму снежных гор, что я ничего подобного не видела в прошлом году с знаменитого Pic du Midi, куда нелегкая понесла нас ночью. Холод в комнатах собачий, тем более что в моей комнате может поместиться вся моя парижская квартира, несчастные жители и baigneurs * чуть не дерутся за скудную провизию и еще более скудные средства отопления. Кто имеет мешок угля и несколько полен дров, считает себя счастливцем и с гордым состраданием смотрит на других! Право, очень забавно, точно на корабле, взятом льдами! Лиза только и мечтает о счастливой минуте отъезда из полярной страны. До свиданья. Крепко жму вам руку.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

Письмо датируется приблизительно, по упоминанию об отъезде из Барежа, намеченном на 25 сентября.

59. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Пятница утром ‹конец июня 1883 г.›

Вам представляется, Петр Лаврович, «сложный» казус на разрешение и блистательный случай выказать ваше чувство справедливости и кой-что другое. Я вчера *не видала* Clemenceau, он говорил в Камере и, вероятно, утомился,— не приехал в редакцию. Секретаря его тоже не было. *Следовательно*, я должна вернуться сегодня, потерять minimum часа два на эту поездку et vous faire dîner à une heure impossible et indéfinie**. Я могу, если Clemenceau попросит ждать, только около семи *выйти* из редакции.

Все это крайне неудобно, не говоря уже о том, что часы, которые я думала провесть с вами, будут крайне обрезаны. Вина во всем этом, как вам известно, не моя, вы задержали статью, которую я намеревалась свезти в среду. Все бы это можно было поправить, *если бы не обещанный* вами вечер. Завтра *вечер Ковалевской*,— я бы с удовольствием осталась на завтра, и мы тогда спокойно бы провели полдня вместе и вечер имели бы «идеальный», так как все народы, могущие нахлынуть *сегодня*, завтра не придут,— да и погода может поправиться. Вот тут и сложный казус, который, впрочем, потому только сложен, что вы-то очень сложны! Для меня он был бы прост. Я уезжаю на три месяца и осталась бы завтра для вас, я с готовностью отказывалась от устроенного уже плана дня, когда узнала, что ваши старые друзья уезжают. Мне *кажется*, что и Ковалевская могла бы тактично поступить, то есть вы могли бы так решить за нее. Но делайте, как знаете и как вам приятнее. Я около четырех зайду к вам. Жму руку и прошу кланяться очень Белоголовым.

В. Никитина

Датируется приблизительно, на основании того, что Никитина обычно уезжала на лето из Парижа в самом начале июля. В 1883 г. пятница приходилась на 30 июня.

---

* курортники (буквально: купающиеся — *франц.*).

** и заставить вас обедать в невозможный и неопределенный час (*франц.*).

60. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Вторник ‹лето 1883 г.›

Дорогой Петр Лаврович, дождь и tramway так быстро разлучили нас вчера, что я не успела попросить вас прийти завтра разделить нашу скромную трапезу. Только вследствие дипломатических соображений, вам понятных, я вас попрошу не приходить ранее половины седьмого,— теперь, когда у Летурно нет здесь семьи, мне трудно его не оставить обедать в тот день, когда вы обедаете. С другой стороны, вам будет скучно целый вечер быть с нашим французом, да еще и одним — я уж предпочитаю vous les servir en gros, que les débiter en détail! * Да и скучно было бы не говорить и не читать по-русски. Пришлите, пожалуйста, что-нибудь хорошее читать и ваши стихотворения *непременно*. Жму руку крепко — пришла бы сама, если бы не дождь.

В. Никитина

61. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Джерсей.› Суббота, 23 ав‹густа› 1884

Дорогой, добрейший мой Петр Лаврович, только что получила ваше письмо и спешу сейчас же поблагодарить вас за ваше участие и скорый ответ. Давно уже никакие неаккуратности со стороны Жерсейской почты меня не удивляют,— в прошлом году они меня приводили в неистовство и недоумение,— теперь я уже к ним «приспособилась». К тому же анархическое настроение духа, результат плохого здоровья, в этом случае очень полезно, оно служит заменой терпению, в котором природа мне отказала.

Не сердитесь, но я еще не прочла листов Народной воли [1], а это потому, что при общем ослаблении сил у меня и зрение ослабело и я стараюсь читать только крупные вещи; а Лиза так постоянно была захлопотана сначала отысканием квартиры — ведь мы неделю жили на бивуаках, а теперь ведением хозяйства на четырех, что я никак не могу ее поймать.

А знаете, ваш Sullivan порядочный идиот! Во-первых, католик ярый, во-вторых, консерватор, враждебный всякому революционному движению, враг фенианов. Но книга его все-таки очень интересна, отлично знакомит с парламентским движением [2].

У вас в Париже дожди уже перепадают, а здесь можно себе вообразить, что находимся в Италии. Безоблачные дни, голубое небо и теплота такая, что хотя я себя продолжаю дурно чувствовать, но решилась прибегнуть к героическому средству: купаться quand même**, несмотря на насморк, кашель и лихорадочное состояние. Что бы сказал голубчик Белоголовый? Мой же, обыкновенный доктор, пребывающий в Dieppe, советовал мне попробовать моментальное почти купанье, только окунуться в воду, в самый теплый час дня. После первой ванны мне было очень нехорошо целый день, после второй лучше гораздо, сегодня беру третью. Правда, у нас условия для купанья исключительные, купаешься, не выходя из своего сада, потом бежишь в теплую кухню, чтобы одеваться перед огнем.

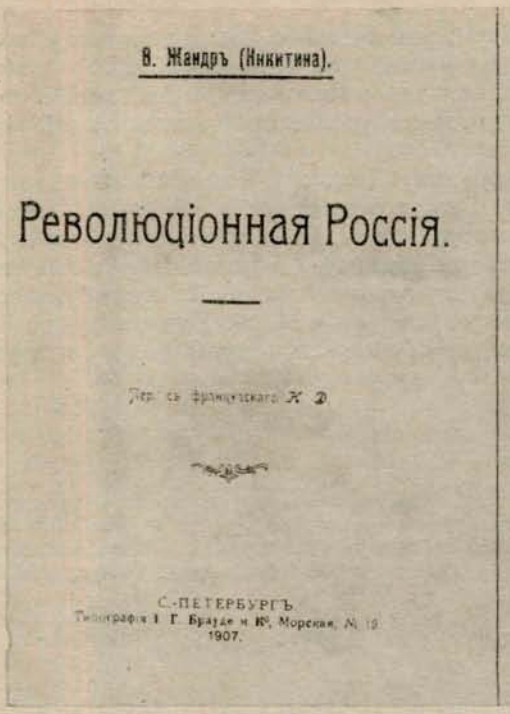
Но величайшее мое удовольствие в эти дни haute marée*** — это прийти с книгой, усесться на высшие ступеньки лесенки, погруженной в во-

---

* преподносить их вам оптом, чем доставлять их в розницу (*франц.*).

** несмотря ни на что (*франц.*).

*** большого прилива (*франц.*).



В. Жандръ (Никитина).

Революціонная Россія.

Перев. съ французскаго Х. Д.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія І. Г. Брауде и К°, Морская, № 19.
1907.

Рѣчь Петра Лаврова, произнесенная на могилѣ В. Жандръ.

„Милостивые Государи
и Милостивыя Государыни!

Отъ имени русской соціалъ-революціонной партіи я приношу глубокую благодарность всѣмъ иностранцамъ, собравшимся сюда, чтобы отдать послѣдній долгъ нашему товарищу и моему, я осмѣливаюсь сказать, другу, госпожѣ Варварѣ Никитиной, урожденной Жандръ. Но, спросите вы меня, пожалуй, по какому праву я причисляю ее къ своимъ соотечественникамъ, вѣдь Россію она покинула уже давно, и всѣ литературныя работы ея принадлежатъ Франціи? Ея первые литературные шаги были сдѣланы въ журналахъ, издаваемыхъ французскими мыслителями, для французскаго журнала она писала уже слабѣющей рукой и послѣднія свои строки?

Но и этого мало!.. Покойница разсказывала мнѣ, какимъ образомъ у нея, когда она была еще въ институтѣ, проснулся интересъ къ великимъ идеямъ свободы и прогресса. Борьбу за правду и справедливость ей открыли и объяснили тѣ страницы исторіи, на которыхъ разсказывалось о бурномъ времени великой

РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТАТЬИ В. Н. НИКИТИНОЙ «LA RUSSIE RÉVOLUTIONNAIRE»
Петербург, 1907
В начале брошюры помещены переводы речей П. Л. Лаврова и Ш. Летурно, произнесенных на могиле В. Н. Никитиной
Обложка и начало речи Лаврова

ду, точно сидишь на лодке, бросившей якорь, или на крыльце какого-нибудь palazzo в Венеции; я ребенком, будучи там, часто так сиживала, слушая плеск волн у ног моих, и отцовское сердце радовалось, воображая, что из меня выйдет поэт. Вышла публицистка-революционерка. Более тяжелого разочарования трудно себе представить.

Я очень рада за Мар. Н. и Ю. В. [3], что они хоть на неделю переехали в деревню. Скажите М. Н., что я очень жалею, что она не может приехать сюда и купаться с нами, при таких условиях, какие я вам только что описывала. Как бы это ей было полезно. Очень рада, что есть известия о дорогом отсутствующем [4] и передам вашу благодарность Летурно в первый раз как буду ему писать.

Итак вы очень заняты? И делами интересными, о которых писать не приходится? Голова моя работает при этом, и очень бы хотелось с вами побеседовать... Вообще мысль часто переносится в келью вашу, и когда подумаю, что не увижу вас еще недели три, то это кажется очень долго. Зачем вы не изволите принимать приглашений в Versailles и в St. Cloud? Нужно принимать все деревенские приглашения, для того чтобы иметь побудительную причину хоть иногда выезжать из Парижа. Я и в этом отношении рада, что дамы из Flatteur переезжают в St. Maurice, авось вы лишний раз туда съездите.

Что же это значит, что Белоголовые приезжают всего на одну неделю в этом году? В таком случае они вовсе не «голубчики».

У нас на днях перед окнами происходил эпизод прямо из «Paul et Virginie». Молодая особа, зачитавшаяся на скале, была вдруг отрезана

от земли быстро нахлынувшим морем, и молодой человек вскочил в воду и на руках перенес ее на берег, положим, без опасности ⟨для⟩ жизни,— но прибрежное население было сильно взволновано. Вы, вероятно, подумаете себе, что и со мной когда-нибудь приключится такой же казус.

До свидания, дорогой Петр Лаврович, Лиза и Desmoulins очень вам кланяются, а я крепко жму руку. Desmoulins оба в восторге от своей villégiature*, купаются в море, лежат на песке, но на прогулки не очень-то горазды. Болтаем много, и времени, конечно, теряется пропасть, но при моем теперешнем состоянии здоровья оно не важно. 2 сентября они уезжают. Покидаю вас, чтобы идти окунуться в море. Будьте здоровы и гуляйте побольше, читайте хоть «Temps» в саду. Где вы теперь обедаете?

Душевно вам преданная

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова

[1] «Листок Народной воли» — «Революционная хроника», орган партии «Народной воли» (листы уменьшенного формата), печатался в тех случаях, когда не могла выходить газета обычного размера. С июня 1880 по ноябрь 1883 г. вышло шесть номеров «Листка». Никитина пишет о «Листках Народной воли», № 1, от 20 июля 1883 г., и № 2 от 15 октября 1883 г.

[2] Никитина, очевидно, пишет о книге: A. M. Sullivan. New Ireland. London, 1877 (8-е изд.— 1882). Эту книгу она цитирует в своей работе «Les luttes de l'Irlande» («Nouvelle Revue», 17 ноября 1884 г.).

[3] Лица не установлены.

[4] Никитина пишет о Г. А. Лопатине, который 22 февраля 1883 г. бежал из вологодской ссылки и в марте прибыл в Париж. Осенью 1884 г. он уехал в Россию с поручением восстановить деятельность «Народной воли», разгромленной царизмом.

62. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Джерсей.⟩ Суббота утром, 6 сен⟨тября 1884 г.⟩

Дорогой Петр Лаврович,

Надеюсь, книга дошла к вам в благополучном виде; Desmoulins ее не могли взять, так как они только проезжали через Париж на пути в Женеву.

Вероятно, сегодня или завтра буду иметь весточку от вас,— пишу не ожидая ее, так как завтра нет почты, а сегодня Лиза едет в столицу и мой courrier ** пойдет еще с сегодняшним пароходом.

Скажу вам весточку, которая вас порадует,— здоровье мое гораздо лучше, начинаю жить как *живой* человек, а то, право, я только прозябала в последнее время. Мои здешние прошлогодние знакомые нашли меня очень изменившейся, когда я приехала, l'air apaisé! *** А теперь совсем иное дело. Видите ли, что значит влияние «моря-окияна». Как бы вы тут, дорогой воркун, поправились, поздоровели, помолодели. Как бы быстро подвинулось строение храма, одна колонна за другой так бы и воздвигалась. Право, нужно бы насильно вас вывезти с rue St. Jacques «во имя науки и общественного блага». Вы меня часто бранили в последнее время, что я ленюсь, и бранили поделом, так как я действительно не работала. Но дело в том, что я не *могла* работать, и не раз мне приходило в голову, неужели мой бедный мозг *уже* истощился, после такого краткого периода не весьма, по-видимому, головоломной деятельности. А это просто был полный упадок сил, и, оставайся я в Париже,

---

* пребывания на даче (*франц.*).
** почта (*франц.*).
*** вид подавленный (*франц.*).

не знаю, поправилась ли бы я. Теперь мне *хочется* опять работать, но целый почти месяц этого желания не чувствовала.

Когда я вернусь в rue St. Jacques, еще не знаю, вероятно, около 20-го, как только узнаю, вас извещу, в наивном убеждении, что вы будете хоть отчасти так рады моему возвращению, как буду рада я очутиться опять в родной для меня вашей келье и слушать ваши мудрые речи, которым я так многим, многим обязана. Никто и никогда не сделал мне столько добра, как вы, добра в самом высшем значении слова, в смысле просвещения разума и нравственного умиротворения. Зато же, дорогой друг и учитель, вы имеете во мне весьма преданное детище. Вы способны при этом ехидно улыбнуться, но это у вас только дурная привычка, в сущности, вы глубоко убеждены в этом, потому что вы весьма «проницательный читатель» и знаете, что лукавства-то во мне нет.

Получила от Гальп⟨ерина?⟩ письмо, повергшее меня в уныние. Ну как ему помочь? Я как нарочно говорила с Desmoulins о Maret, и он мне объяснял, что Maret et Lacroix font le journal à eux deux et ne paient que les quelques rédacteurs strictement nécessaires *. Письмо-то Desmoulins, конечно, дает, но толку с этого не будет никакого. Я посылаю бедному мальчику 20 ф., потому что вижу из письма, что он страшно нуждается. Desmoulins оставил мне 100 ф., чтобы мне не пришлось беспокоить мое Провидение, иначе сказать Петра Лавровича Лаврова.

«А море черное шумит не умолкая»[1] — пока я к вам пишу. Ревет оно уже несколько дней, и частенько погода дождливая и холодная мешает купаться, но зато воздух живительный.

Что это за новая Вера Засулич появилась у нас? «Justice» о ней говорит[2]. Статья моя, вероятно, появится в «Nouvelle Revue» 15 сентября[3]. Третьего дня прислали корректуру,— вчера я ее отправила.

Крепко жму руку, Лиза торопит.

Ваша В. Н.

[1] Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского».

[2] «La Justice» писала, по-видимому, о революционерке Марии Игнатьевне *Кутитонской* (1855—1887); в 1879 г. отправлена на четыре года на каторгу на Каре, где находилась до 1882 г., вышла на поселение и жила в г. Акше, Забайкальской области. 16 сентября 1882 г. в Чите стреляла в Забайкальского губернатора Ильяшевича; была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой; умерла от чахотки в иркутской тюрьме.

[3] Это была первая из задуманных Никитиной статей «Les luttes de l'Irlande» — о борьбе ирландских фениев против английского господства (см. п. 61, примеч. 2); вторая должна была появиться в январской книжке журнала 1885 г., но не была окончена автором.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ СТАТЕЙ В. Н. НИКИТИНОЙ**

1. M. Taine et l'éducation de la femme.— «Le Science politique», 1.IV.1879.

2. La prétendue infériorité de la femme.— «La Réforme», 15.VII, 1.IX. 1880.

*3. La sociologie d'après l'ethnographie.— «Revue internationale des Sciences», 15.I.1881.

4. A propos d'une sociologie positiviste.— «Revue internationale des Sciences», 15.IV.1881.

*5. La psychopathie dans l'histoire et la sociologie.— «Revue internationale des Sciences», 15.X.1881.

6. La renaissance du matérialisme.— «Revue internationale des Sciences», 15.X. 1881.

* Маре и Лакруа делают газету вдвоем и оплачивают только совершенно необходимых сотрудников (*франц.*).

** Статьи, вошедшие в сборник *Etudes*, отмечены звездочкой.

7. L'homme et les sociétés. — «La Justice», 6.VI.1881.
8. La renaissance du matérialisme.— «La Justice», 17.VIII.1881.
9. Dégénérescence des races royales.— «La Justice», 15.IX.1881.
10. La théorie du progrès d'après les sociologistes modernes.— «Le Réveil», 25.X.1881.
*11. La journée de travail.— «Le Réveil», 13.XI.1881.
*12. Les heures de travail.— «Le Réveil», 19.XI.1881.
*13. Le catholicisme socialiste en Allemagne.— «La Justice», 2.XII.1881.
14. En Russie.— «La Justice», 26.I.1882.
15. M. Renan et le christianisme.— «La Justice», 15.II. 1882.
*16. M. Pierre Lavroff.— «La Justice», 23.II.1882.
17. L'expulsé.— «Le Citoyen», 26.II.1882.
18. La sociologie et la question sociale.— «La Justice», 5.IV.1882.
19. Lettre de Russie.— «La Justice», 4.V.1882.
*20. Giuseppe Garibaldi.— «La Justice», 20.VI.1882.
21. Lettre de Russie.— «La Justice», 28.VIII.1882.
*22. Pot-Bouille et la bourgeoisie française.— «La Justice», 21, 26.IX, 3.X.1882.
23. Le mouvement nihiliste.— «La Justice», 24.XI, 5.XII.1882.
24. La déportation administrative en Russie.— «La Justice», 18.I, 7.II.1883.
25. De l'hérédité.— «La Justice», 6.II.1883.
26. Un probleme de morale.— «La Justice», 2.III.1883.
*27. Les fêtes d'Adonis ou le mythe de le résurrection.— «La Justice», 26.III.1883.
28. Deux anniversaires.— «La Justice», 11.IV.1883.
29. Transformisme et transformistes.— «La Justice», 17.IV.1883.
*30. Qu'est-ce que l'utile? —«La Justice», 25.IV, 5.V.1883.
*31. Le congrès de Copenhague et la partie socialiste en Allemagne. — «La Justice», 17.V.1883.
32. La civilisation chinoise.— «La Justice», 12.VI.1883.
33. Lettre de Russie.— «La Justice», 19.VI.1883.
*34. Lignes isothermes en morale.— «La Justice», 24.VII.1883.
35. Le paradis d'un naturaliste.—«La Justice», 31.VII.1883.
*36. La poésie de combat.— «La Justice», 28.VIII, 8, 19.IX.1883.
37. Deux adversaires du socialisme.— «La Justice», 9.X.1883.
38. Troubles agraires en Russie.— «La Justice», 18.X.1883.
39. L'ouvrier en Allemagne.—«La Justice», 16, 19. X. 1883.
40. Poésie inédite de Tourguéneff.— «La Justice», 21.X.1883.
*41. L'ouvrier en Italie.— «La Justice», 6.XII.1883.
42. Biographie d'un prolétaire. Auguste Desmoulins.— Paris, 1883.
*43. Ivan Tourguéneff et le réalisme russe.— «La Justice», 7, 8.I.1884.
44. La morale démocratique.— «La Justice», 11.II.1884.
45. La sociologie par le Dr Letourneau.— «La Justice», 4.V.1884.
46. Une science nouvelle.— «La Justice», 17.III.1884.
*47. La Russie révolutionnaire.— «La Nouvelle Revue», 1.IV.1884.
48. La vérité sur Soudeykine.— «La Justice», 18.IV.1884.
*49. Diderot.— «La Justice», 21.IV.1884.
*50. Henry George et Alfred Russel Wallace ou la question de la nationalisation du sol.— «La Justice», 12.V.1884.
*51. Nouvelles théories agraires.— «La Justice», 8.IX.1884.
*52. L'Allemagne ouvrière et socialiste.— «La Nouvelle Revue», 15.IX.1884.
53. Un révolutionnaire de la veille.— «La Justice», 13, 14.X.1884.
54. Lettre de Russie (Le dernier procès nihiliste).— «La Justice», 31.X.1884.
*55. Les luttes de l'Irlande.— «La Nouvelle Revue», 17.XI.1884.
56. Externe, soit; interne, jamais! — «La Justice», 17.XI.1884.
57. Etudes psychologiques par Ivan Setchénoff.— «La Justice», 26.XII.1884.